

Содержание

Лекция 1-я.....	2
Лекция 2-я.....	6
Лекция 3-я.....	10
Лекция 4-я.....	14
Лекция 5-я.....	17
Лекция 6-я.....	21
Лекция 7-я.....	25
Лекция 8-я.....	30
Лекция 9-я.....	34
Лекция 10-я.....	38
Лекция 11-я.....	42
Лекция 12-я.....	46
Лекция 13-я.....	50
Лекция 14-я.....	53
Лекция 15-я.....	58
Лекция 17-я.....	63
Лекция 18-я.....	67
Лекция 19-я.....	72
Лекция 20-я.....	78
Лекция 21-я.....	82
Лекция 22-я.....	85
Лекция 23-я.....	89
Лекция 24-я.....	93
Лекция 25-я.....	96
Лекция 26-я.....	100

Лекция 1-я

ремя, за изучение которого мы берёмся, обнимает всего каких-нибудь 43 года нашей тысячелетней истории; но в этом коротком промежутке мы привыкли видеть более, чем во всем остальном прошедшем России. Петровское время для нас огромная эпоха, удивительно резко отделяющаяся в нашем историческом сознании от предшествовавшего и последующего за ней времени; мы привыкли думать, что за это короткое время пережито и выстрадано Россией столько, что опыт и испытания нескольких столетий не стоят движения, вызванного реформой и что столетия, за ней следующие, не произведут того, что видела Россия в это время. Но, говоря прямо, этим внешним впечатлением, наружной стороной предмета исчерпывается почти всё, что есть определённого и уловимого в наших суждениях о Петровской реформе; едва ли можно найти в нашей истории другую эпоху, более близкую или отдалённую, внутренний смысл которой представлялся бы нам с меньшей ясностью. Что в эту эпоху было много пережито, это мы знаем хорошо, – но что именно? – об этом мы судим неясно и различно. Пережиты были большие преобразования. Мы можем ещё сказать кое-что о происхождении, о необходимости реформы; необходимость исторического факта вообще разрешается довольно легко: это было, значит это должно было быть. Но из каких исторических условий и причин вышел этот факт, почему принял известный характер, в известную сторону направил историческую народную жизнь? На эти вопросы мы отвечаем разнообразно и неуверенно. Наши современные суждения о Петровской реформе представляют сумму того, что говорили и думали о ней в продолжение 150 лет. Я хочу предварительно провести вас через этот ряд суждений, возникших в разное время и под разными влияниями, о реформе Петра. Может быть, в конце этого образа нам удастся отыскать точку зрения более надежную, чем прежние, и с которой мы будем изучать избранное нами время.

Лишь только преобразователь закрыл глаза, общество, им созданное, круг людей, бывших орудием его планов, приходит в отчаяние от вопроса: что будет с начинаниями Петра? В их словах высказывается глубокое благоговение к эпохе Петра и его преобразованиям. Вот что пишет один из деятелей Петровских, Нартов: «Хотя нет более Петра Великого с нами, однако дух его в душах наших живёт, и мы, имевшие счастье находиться при сем монархе, умрём верные ему и горячую любовь нашу к земному богу погребём вместе с собою. Мы без страха возглашаем об отце нашем для того, что благородному безстрашию и правде учились от него». Другой сотрудник Петра, находившийся в минуту смерти последнего в Константинополе резидентом, пишет, получивши весть о кончине царя: «Я омочил ту бумагу слезами и более суток был в безпамятстве, да иначе бы мне и грешно было: сей монарх отечество наше привёл в сравнение с прочими: научил узнавать, что и мы люди; одним словом, на что в России ни взгляни, всё его началом имеет, и что бы впредь ни делалось, от сего источника черпать будут». Это слова Неплюева. Вот главные черты, в которых выразилось сочувствие ближайших к Петру людей и их суждение о значении его дела: он земной бог, с него мы начали сознать себя людьми, он дал программу для всей будущей народной деятельности. Из этого развился в первой половине XVIII в. настоящий культ Петра. В представлениях современников и их ближайших потомков преобразователь получил мифический облик; я назвал бы его языческим, если б его не рисовали христианскими чертами. Известно, что говорил Ломоносов в заключении своего Похвального Слова Петру: «Кому-ж я героя нашего уподоблю? Часто размышлял я, како Тот, который всесильным мановением управляет небо, землю и море... Но мыслям человеческим предел предписан. Божества постигнуть не могут. Обыкновенно представляют его в человеческом виде. Итак, ежели человека Богу подобного по нашему понятию найти надобно: кроме Петра Великого не обретаю». – «Он Бог, творец России», бряцали на лире одисты XVIII в. В этих представлениях слишком много риторики, чтоб можно

было принять их за отражение действительного отношения к Петру. Но риторика – замена чувств, считаемых приличными или обязательными.

Этот культ, это фетишистское отношение к Петру господствовало до второй половины XVIII в. С Екатерининского царствования замечается поворот в суждениях о реформе Петра. В это время наплыло с Запада в наше общество много новых идей, которые считались необходимыми для человеческого существования и которых не существовало при Петре. Нашли, что эпоха Петровская не всё давала, что нужно для человека; начали видеть в ней односторонность; односторонность эта состояла в господстве материальных интересов. Эти суждения в Екатерининскую эпоху нашли себе официальное и неофициальное выражение: представляя Екатерине план Воспитательного Дома, Бецкий сказал: «Пётр создал людей, а Ваше Величество влагаете в них душу». Сумароков тоже: «Пётр дал нам бытие, Екатерина – душу». – В этих словах нет резкого противоречия с тем, что говорили современники и ближайшие потомки Петровского века; если бы люди Петровского времени способны были к такой диалектике, умели бы различать бытие и душу – они сказали бы то же самое. Но мысль о материальном характере реформы утвердилась в Екатерининском обществе и послужила основанием критики реформы; люди стали замечать, что реформа не была творческой в той мере, как думали, что не всё было создано Петром и что его программа неполна. Я нахожу несколько представителей тогдашнего литературного мира, у которых высказывается этот скептический взгляд на преобразования Петра; так, например, у известной сотрудницы Екатерины, у княгини Дашковой; это была женщина очень образованная, которая ночи зачитывалась над философскими произведениями XVIII в. Странствуя за границей, она однажды за обедом завела с австр[ийски]м канцлером Кауницем разговор о России, и речь зашла о Петровской реформе. Россия, как думал Кауниц, обязана была Петру своим политическим бытием. Дашкова отвергала это мнение, приписывая его предрассудкам и невежеству иностранных писателей, которые, хваля Петра, старались хвалить самих себя. «Еще до рождения Петра, – продолжала Дашкова, – Россия сделала обширные завоевания. Казань, Астрахань, Сибирь, богатые, некогда воинственные народы, известные под именем Золотой Орды, давно уже покорились нашему оружию, и прежде, нежели предки его были призваны на престол русский, искусства наши себе убежище и любителей и России. Мы можем похвалиться, прибавила я, историками, которые оставили более рукописей, нежели историки прочей Европы, взятые вместе».

— «Но, княгиня, – сказал Кауниц, – Вы, кажется, забыли, что Пётр первый ввёл Россию в политические связи с другими государствами Европы и что только с его времени мы признаем ваше существование».

– «Великая империя, как наша, – отвечала Дашкова, – с её средствами не нуждается в чужой помощи и при благодетельном правлении будет не только крепка собственной силой, но, если захочет, может завоевать целые королевства. Кроме того – извините за мое замечание, – если бытие Русской империи не было признаваемо до новейшего времени, то это доказывает лишь невежество других европейских наций, не замечавших существования такой огромной силы. Однако, чтоб доказать Вам, что я говорю не без основания, я готова признать достоинства этого необыкновенного человека». Княгиня Дашкова думала, что главная ошибка Петра заключалась в том, что он пренебрегал национальными обычаями и искажил оригинальность народа подчинением иностранным обычаям. Тот же скептический взгляд высказывает другой представитель второй половины XVIII в., лицо замечательное само по себе и по отношению к современникам; это князь Щербатов, автор многотомной Истории России, основательно её изучивший; это боярин-стародум XVIII в., живой оригинал Фонвизинских стародумов; я назвал бы его Сен-Симоном русским, если бы он не был тайным советником и сенатором. Это был далеко не глупый человек, но не обладающий теми свойствами, которые украшают и изощряют ум: это был недаровитый человек, и, как бывает часто с людьми без острого ума, он в исторических суждениях своих оставался на моралистическом взгляде, исторические события и лица ценил как ригорист

с нравственной точки зрения. События XVIII в. наводят на него уныние, потому что он видит в них падение морали и потому, что они вели к демократизации общества столь противной для представителя старого боярского рода. Эти воззрения проведены в его Записке о повреждении нравов в России. Он почтительно относится к Петру, видит полезное и необходимое в его преобразованиях, но вместе видит в них источник порчи нравов в обществе XVIII в. Причину, почему реформа приняла такой разрушительный характер для нравов, он видит в насильственности реформы и в пренебрежении национальной стороной. Эту же мысль проводит другой, более зоркий историк, генерал Бол... в своей критике Русской Истории, написанной французом Le Clerc, он видит в реформе историческую ошибку, которая заключалась в её торопливости: «В несколько лет реформа хотела усвоить то, для чего нужны столетия; вследствие этой торопливости мы усвоили себе лишь внешний европеизм без внутреннего содержания. Погасла в нас любовь к отечеству, привязанность к отеческой вере и обычаям – мы позабыли старое, не узнавши нового и став непохожими на себя, перестали быть, чем были, не сделавшись тем, чем быть желали. Пётр думал, что для просвещения дворянства достаточно дворян посылать за границу, но из этого вместо ожидаемой пользы вышел вред. Посланные за границу вернулись не умней, не образованней, но испорченнее и смешней, чем были. Пётр увидел, что нужно прежде воспитание, а потом путешествие».

На этих суждениях остановился XVIII в., в них выразилось двоякое противоречивое отношение к реформе: одни безусловно благоговели, другие её осуждали с патриотически-нравственной точки зрения. Это двоякое отношение к реформе повторилось в нашем столетии и в одном и том же лице, в литературных произведениях одного и того же писателя. В 1790 г. был в Париже молодой даровитый писатель Карамзин, он познакомился там с французом Leveque'ом, членом французской Академии, который приезжал в Россию учиться языку русскому и написал потом историю России, в которой развенчивает Петра, не видит в нём и признаков гениальности, видит только подражателя чужим образцам. Этот взгляд возмущал Карамзина, он опровергал его и высказал такое мнение в своих Письмах Русского Путешественника: «Пусть образование будет одно для всех народов; иностранцы были умнее нас, значит надо у них заимствовать. Все жалкие иеремиады о потере нравственной русской физиономии – или шутка или следствие недостатка основательного изучения. Всё народное ничто перед человечеством, главное – быть людьми, а не Славянами. Что изобретено немцами или англичанами на пользу человечества и для меня хорошо, ибо я человек; что хорошо для иностранцев, не может быть дурно для Русских» – Но европейские события конца XVIII и начала XIX в. постепенно изменили в Карамзине этот космополитический взгляд; сначала очарованный французской революцией, он потом утратил веру в неё, увидя её результат в 93-м году; сильные политические потрясения в Европе, провозглашение императором Наполеона обратили его мысль более к национальному, чем космополитическому воззрению. Карамзин сделался консерваторм, и этот консервативный взгляд он перенёс и на Петровскую реформу. В знаменитой своей Записке о Древней и Новой России, представленной в 1811 г. императору Александру, он иначе судит о реформе, находит недостатки в её основной мысли, ищет в ней тёмных сторон, не хочет согласиться с мнением иностранных писателей, будто Пётр творец нашего величия; настоящих творцов его видит в московских князьях, в Иване Калите, Иване III. Он видит ошибку в том, что Пётр, дурно воспитанный и образованный, увидевши Европу, хотел из России сделать Голландию. «Пётр не хотел вникнуть в ту истину, что национальный дух необходим для внутреннего нравственного могущества государства. Признавая превосходство Европы не только в познаниях, но и в нравственном отношении, Карамзин думал, что вследствие подражания мы утратили гражданскую любовь к отечеству, мы стали гражданами мира, перестав быть гражданами России. Пётр, без сомнения велик, но может быть, он возвысился бы ещё более, если б нашёл средство примирить умственное развитие России с гражданскими добродетелями». – Вооружаясь против насильственности реформы, Карамзин говорит, что пытки и казни служили недостойными средствами нашего

славного государственного преобразования, что тайная канцелярия день и ночь работала в Преображенском; наконец, Карамзин не сочувствует реформе за то, что она унизила духовенство и что создала столицу на финском севере; мысль утвердить на Неве пребывание русских государей всегда была, есть и будет ошибкой, по его мнению. Сколько трудов и миллионов употреблено было, чтоб осуществить это намерение, можно сказать, что Петербург был основан на слезах и трудах.

Вот консервативный взгляд Карамзина на реформу, развившийся вследствие революционных переворотов в Европе. В сущности разные противоположные воззрения остались господствующими в наших взглядах на реформу и до сих пор. Из мнений, господствовавших в начале XVIII в. развилось западничество; из воззрений Дашковой и Щербатова – славянофильство. В настоящую минуту эти взгляды слились и теперь бывает трудно отличить западника от славянофила. Вот почему теперь в наших взглядах на Петровскую реформу господствует удивительный хаос: мы не расположены одобрять насильственного водворения иностранных чуждых образцов в национальную русскую жизнь XVIII в., однако находим, что результаты недурны, и мы не согласились бы отказаться от них. Мы думаем, что дурная сторона реформы заключается в её насильственности, и в то же время мы убеждены, что без насильственности реформа не достигла бы ничего. В последнем итоге мы не умеем что сказать, чтоб оценить реформу. Это происходит от неправильной точки зрения, с какой мы рассматриваем реформу; мы видим её сущность только в заимствовании западно-европейских форм XVIII в. Но в этом ли сущность? А не наружная ли это сторона? Рассматривая эту реформу, мы, собственно, определяем только своё отношение к ней, а не внутреннюю её природу; мы хотим только сказать, нравится ли она нам или нет, соответствует ли она или противоречит нашим вкусам и наклонностям. Мы хвалим или порицаем, а редко изучаем это явление; в нашем отношении к ней есть капризность и нервность, мы более расположены критиковать, чем анализировать реформу. Наконец, люди самых противоположных взглядов на реформу сходятся в одном: все видят в ней переворот крутой и коренной и находят, что русская жизнь в XVIII в. стала на иное основание, иную почву, чем в XVII в. Совершенно чуждые риторике XVIII в., мы, однако, высказываем суждения, в основании которых лежат известные слова канцлера Головкина, сказанные им в 1721 г. на празднестве по случаю заключения Ништадтского мира; «в Соборе после обедни он обратился к Петру с такими словами: "Едиными вашими неусыпными трудами и руководством мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на феатр славы всего света, и так рещи, из небытия в бытие произведены и в общество политических народов присовокуплены"» и т.д. В самом деле, европейское бытие России началось с Петровской реформы.

Вот тройственная точка зрения, которая приводит к смутному взгляду на Петровскую реформу. Я попытаюсь стать на иной пункт, с которого буду рассматривать это явление. Я знаю в истории два рода переворотов; иногда бывает, что люди не замечают совершающихся вокруг них перемен; они думают, что продолжают старую жизнь; однако капля за каплей уничтожается старое общество и создается новое, по мнению этих людей, всё идет тихо и правильно, а пройдет два, три века – и мы не узнаем в сложившейся жизни оснований старого общества: мы встречаем иных людей, иные общественные отношения, иной склад всей жизни; между тем современники не говорят о круто совершившемся переломе; они, по-видимому, и не заметили, как зародились новые основы жизни. Иногда, наоборот, происходят шумные внешние перемены, люди, производящие их, или подвергающиеся им, находятся в убеждении, что рушится всё старое, совершается полный переворот, преставление света. Мы вглядываемся ближе в эту ломку и к удивлению, не замечаем резких изменений в жизни; под новыми формами живут старые начала, под наружными украшениями действуют прежние отношения людские. Ни одно старое коренное житейское основание не разрушено, но покрывается новым общественным зданием.

Попытаемся определить, к какому роду переворотов относится Петровская реформа: напоминает ли она медленные и незаметные перемены – и не похожа ли она скорее

на внешнюю шумную ломку, которая под развалинами сохраняет тем крепче и плотней старую жизнь.

Лекция 2-я

нахожу две главных ошибки в прежних и современных суждениях о Петре: во-первых, его действия судят, его сажают на скамью подсудимых, решают вопрос о его виновности, определяют приговор: была ли его реформа ошибочна или напротив; и второй недостаток тот, что и обвиняющие и оправдывающие одинаково видят в реформе неожиданный переворот, вдруг перевернувший всю Россию; вся разница в оценке, но самый факт одинаково признают обе стороны: одни видят грех и преступление в святотатственной попытке наложить руку на святую старину и плачут, что Пётр чародейским жезлом изменил величавое, торжественное шествие России и сделал из неё обезьяну Европы. Другие думают, что так и следовало покинуть родную старину, что нужно было остановить это прежнее шествие России, потому что оно вело к гибели. Эти сторонники приветствуют в реформе этнографическое перерождение целого народа. Обе стороны видят чудо в Петровской реформе: по одним, она остановила солнце, чтобы не дать России погрузиться в мрак ничтожества, а по другим, она повела Россию на путь истинный, как Рождественская звезда. Эти взгляды мешают пониманию фактов. В создании таких взглядов на реформу гораздо более участвуют чувство и воображение, чем мысль и анализ. В явлениях прошедшего мы ищем и находим значение внутреннее, независимое от чувства и настроения известного времени; в преобразованиях, подобным Петровскому, это внутреннее значение вовсе не определяется результатами, какие остаются после них; никогда результаты не зависят вполне от деятеля, а рядом с ним действуют много других сил, действие которых было бы ошибочно ему приписывать; внутреннее значение заключается в целях, какие ставит себе и преследует известное историческое явление; каковы были эти цели, чем они были внушены и к чему вели, в какой степени были достигнуты и как достигнуты? – вот вопросы, ответы на которые могут служить раскрытием настоящей природы реформы. В исторических явлениях, как и в деятельности отдельного человека, рядом со временным, относительным и преходящим всегда есть элементы внутренние и постоянные, которые поэтому должны быть ценимы и понимаемы всеми одинаково во всякое время. Если нам докажут, что Петровская реформа имела целью только перенесение западноевропейских форм и обычаев в Россию, что весь смысл её заключается в замене Думы Сенатом, к перемене кафтана на новоевропейскую одежду и в бритье бороды, – то как бы мы ни ухищрялись и красноречии, нашей риторике никогда не удастся поставить Петра выше африканских князьков, которые, познакомившись с англичанами и не приведши в порядок свой национальный костюм, спешат надеть европейский цилиндр. Лишь оценка, основанная на таком внутреннем значении фактов, может быть признана за их историческое понимание. Как скоро нашей мысли даётся такое понимание, исторические факты тотчас становятся наряду с теми физическими явлениями, которые не нуждаются в нашем оправдании или осуждении; они совершаются, не спрашиваясь, приятны ли они нам или неприятны, и совершаются потому, что не совершаться не могут: если туча разрешится обильным дождем над морем, обошедши ниву, кому придет в голову упрекать её в ошибке, и если она обмочит эту ниву, что значит негодование досужего обывателя, которому она помешала прогуляться пред обедом?

Итак, подойдем к реформе, как к сложному действию механизма, будем рассматривать её тихо, без восторга и негодования, чтобы видеть, из каких пружин и колес она составлена и какую работу работала. Прежде всего надо оглянуться на среду, в которой возникают исторические явления. Здесь я обращаюсь к прерванному рассказу: мы видели, как непрерывно одна за другой следовали новизны в жизни Московского государства. Я пытался доказать особенности, которыми эти новизны отличались. Внешняя опасность вызвала мысль о необходимости перемен в военном строе и необходимости улучшения в

экономических средствах; было признано правительством за правило переменять родное, оказавшееся неприбыльным, на новые вымышленные хитрости неприятеля, с которым боролись; такое правило было высказано в инструкции, данной комиссии князя Голицына о преобразовании военного строя. Но тотчас же стали вкладываться новизны, которые вовсе не были вызваны потребностью народной самозащиты; эти новизны заключались или в образовании европейских знаний, или в искусственном украшении жизни более удобными и красивыми формами; отсюда произошло разделение в древнерусском обществе: одни, перенимая необходимое, увлекались при этом и ненужными лакомствами, а другие, напротив того, восставая против баловства, отвергали и необходимые улучшения. Неумеренная любовь к новизне, с одной стороны, и неумеренное упрямство, с другой, вот две черты, характеризующие состояние тогдашнего общества. На это раздвоение я и указывал как на характер той минуты, которая непосредственно предшествовала Петровской реформе. Посмотрим, как это раздвоение отразилось на людях XVII в.; ведь эти люди своими понятиями и нравственными волнениями создали общеизвестную атмосферу, в которой двигался преобразователь; на них можно наблюдать то, что впоследствии стало твердым убеждением или упорною привычкою. Я возьму несколько образчиков из Кремлёвского общества XVII в., которые показались мне наиболее типичными. Царю Алексею Михайловичу, без сомнения, принадлежит первое место между ними.

Если бы нам нужно было застать русского человека XVII в. на той минуте, когда он впервые перешагнул заветную черту обиходных древнерусских понятий и привычек, то фигура Алексея Михайловича могла бы всего нагляднее показать, как и с какой гримасой он делал этот шаг; царь Алексей Михайлович так и остался в этом положении: одна консервативная нога его завязла в старине, а другая, более отважная, робко пробивает под собою почву. Всё, что прошедшая история выработала в характере древнерусского человека, всё это соединялось в Алексее Михайловиче и соединялось в древнерусской пропорции. Царь Алексей Михайлович блистательно оправдал попа Сильвестра, это было живое воплощение Домостроя: велик он был прежде всего в благочестии, в том чинном художественном благочестии, над которым так долго работала Древняя Русь; никто не превосходил его в искусстве молиться и поститься; великим постом во вторник и субботу он кушал только по одному разу в день, и кушанье его состояло из одной капусты гретой: в понедельник, среду, пятницу он не ел и не пил ничего, а в церкви 5 и 6 часов сряду стоял, клал по 1000 земных поклонов; в великий же праздник и по полуторы тысячи. Для такого богомольца, как для художника, важна была малейшая подробность церковного богослужения: в письмах к Никону, ещё митрополиту Новгородскому, среди разных домашних известий мы находим и такую просьбу царя: «Патриарха на Москве не стало и многолетие пели так: "Спаси Господи вселенских патриархов и митрополитов и архиепископов наших и вся христиане. Господи, спаси и ты государь, отпиши так ли надо петь или иначе"».

Все древнерусские цари, за исключением Грозного, были превосходными мужьями и отцами семейств; но царь Алексей Михайлович из всех них, несомненно, был лучшим; он был два раза женат, мы мало знаем о характере его жён; перед нами, как и перед современным обществом, они являлись под покрывалом; дочери успели сбросить покрывало, и не одно покрывало, но матери ещё держались древнерусского благочестия. Несмотря, однако, на эту отдалённость, можно думать, что жёны были непохожи друг на друга: Наталья была женщина с характером, у неё нервы были скручены из крепких, жестких нитей, не так как у царицы Марьи Ильинишны, и, несмотря на то, царь любил обеих одинаково и Бог благословил его любовь: от 1648 г. до 1666 г. чуть не каждый год шли царские указы от царя к архиереям и епископам, чтобы они пели молебны, потому что простил Господь Бог царицу и дал ей царевича или царевну.

Когда царь умирал на 47-м году жизни, у него оставалось 3 сыновей и 7 дочерей в живых. Непривычно читать, с каким умилением царь относился к своему семейству; он не был из храбрых, но когда нужно было защищать семью, он был отважнее всех; когда в 1662 г. мятежная чернь пришла из Москвы в Коломенское, когда весь двор был в страхе и

разбежался, а с царицею сделался припадок, один царь не струсил; он вышел на крыльцо и сказал: «Я государь, мне нужно наказание сыскивать и чинить, а вы ступайте домой»; и своею твердостью он остановил мятеж. В письме к митрополиту Никону мы встречаем удивительные слова; царь просит Никона: «Да пожаловал бы тебе великому святителю помолиться, чтобы Господь Бог умножил лет живота дочери моей, а к тебе она святителю крепко ласкова; да за жену мою помолиться, чтоб ради твоих молитв разнес Бог с ребенком; уже время спеет, а какой грех станется и мне и ей пропасть с кручины; Бога ради молись за нее».

Все древнерусские князья и цари были великими домохозяинами и строителями, и в этом не уступал им царь Алексей; мы не знаем, перед какими нравственными свойствами он благоговел, но он умел благоговеть перед домовитостью, когда замечал её у других: в 1652 г. умер патриарх Иосиф, великий скопидом, у которого кроме титула не было ничего святого, сам царь был его душеприказчиком и нашёл в его казне 13 000 деньгами и много сосудов серебряных, сковородок, тарелок, кубков и т.д. Царь пишет Никону, что описи этим вещам не было, патриарх знал их количество сам наизусть и что ни который келейник сосудов тех не ведал: «А какое владыка святой, к ним строение было у него государя, в ум мне грешному не влезет! Не было того сосуда, чтоб не впятеро оберчено бумагою и киндяком! Да и в том меня, владыка святой, прости немного и я не покусился на иные сосуды, да милостию Божиею воздержался и вашими молитвами святыми; ей, ей, владыка святой, ни до чего не дотронулся, мог бы я вчетверо цену дать, да не хочу для того, что от Бога грех, от людей зазорно: какой я буду приказчик?»

Но в одном царь Алексей превосходил своих предшественников – в душевной доброте, в непомерном благодушии; недаром современники звали его «тишайшим царём Алексеем». Иностранцы были в восхищении от его ласковости; и удивительно, говорили они, что этот царь при неограниченной власти над народом не покушался ни на чью жизнь, имущество или честь, благодаря этому царь разрушил прежний церемониал: умел стать к людям запросто. Бывало поедет в загородное село к боярину, всё у него осмотрит; ударит боярин лошадь, а царь скажет: «Затем ли я приехал к вам, чтобы обкрадывать вас?» Так был он у одного из любимых бояр своих, у Одоевского; случилось, что в то время боярин был в походе и царя приняли его дети, одновременно помер один из сыновей боярина; царь поехал на похороны, утешал остальных и затем написал утешительное письмо отцу. Не удовольствовавшись письмом, царь написал Postscriptum «боярин, Никита Иванович, не кручинься: только на Бога уповай, и на меня будь надежен». К какому-нибудь стольнику, ловчему или другому неважному лицу царь обращается со словами: брат и заключает словами: «не унывай и нас не забывай». Это не значит, однако, что царь Алексей не умел быть строгим. В письме к стольнику Матюшкину он даёт поведение, чтобы дети боярские при осаде города, стояли на местах, иначе сечь их батогами насмерть, чтобы и стольников велел держать в порядке, – не пьянствовали. Но гораздо чаще строгости царь подвергался вспыльчивости; эта вспыльчивость обнаруживалась в резких формах; однажды в заседании думы, когда решали вопрос, что делать после поражения русских поляками, царский тесть Иван Данилович Милославский, большой охотник похвастаться, вызвался отправиться в полк и привести польского короля пленником в Москву. «Как ты смеешь, смерд, хвалиться ратным искусством, где сдержал ты победы над неприятелем?» – С этими словами царь вскочил, дал ему пощёчину, надрал ему бороду и выгнал его из комнаты. Ещё хуже было с одним стариком, с Родионом Стрешневым; царь открыл себе кровь и получил облегчение; ради общего блага он советовал сделать то же всем боярам, которые волею неволею согласились все, кроме Родиона Стрешнева; это взорвало царя: «Разве моя кровь хуже твоей!», и побил старого боярина. Но гнев Алексея не был продолжителен, он происходил вследствие впечатлительности его натуры; иногда житейская мелочь могла взорвать его до глубины души; однажды царь отправился странствовать в Саввинский монастырь; случилось, что монастырский казначей побил стрельца, царь возмущился до слез, когда получил об этом известие. Но вспыльчивость царя реже

обнаруживалась в действиях, нежели в словах. Известно, что русский народ мастер браниться. Ни один народ не выработал такого лексикона художественной брани, как русский народ, и царь Алексей не отставал в этом отношении от народа. Я хочу познакомить Вас с умением доброго царя браниться; лучшим доказательством этого может послужить письмо к монастырскому казначею Никите. Смущённый до глубины души поступком пьяного монаха, он решается написать ему письмо: «От царя и великого князя Алексея Михайловича врагу Божию и богоненавистнику и христопродавцу и разорителю Чудотворцева дома и единомышленнику сатаны, проклятому неподобному шпыне и злему пронырливому злодею казначею Миките» и т.д. Но у царя не хватало даже гнева на письмо: монаха, подравшегося со стрельцами, он не может укротить иначе, как вызывая на суд его с самим всевышним. Гнев, вызываемый подвижностью его натуры, уступал обычному расположению духа, а это обычное расположение духа была веселость; одной из ярких черт в характере царя был юмористичный, добродушный смех, склонность шутить при всяком удобном случае: собирается он на охоту на медведя и пишет он к боярам шутливую челобитную; просит их, чтобы пожаловали к нему в село и притом напоминает им свои к ним милости или, например, учредит царь утренний смотр своим стольникам и пишет ловчему своему Матюшкину: «Тем утешаюсь я, что каждое утро купаю стольников за то, что опоздают, а потом жалую их, сажаю за стол и едят у меня вдоволь, а иные говорят, мы-де нарочно не поспеем, так нас-де выкупают, да и за стол посадят». Одна страсть была у царя — это охота. Любил он бегать с гончими и с соколами, и с кречетами по подмосковным селам и лесам. Эта охота не сходит у него с языка и среди самых важных государственных дел. Говоря о купании стольников, он пишет тому же Матюшкину: «Сходи к чудотворскому архимандриту, да и молви ему, чтоб благословил он голубей на мельнице половить, да чтоб при тебе о моем здоровье молебен чудотворцам отслужить». Приятно читать, с каким влюблённым наслаждением он описывает Матюшкину охоту с кречетами и соколами, удачу или неудачу, вот отрывок из одного его письма: «Да отпустили сокола Семена Ширяева дикомыт; так безмерно какво хорошо летел, так погнал, да осадил в одном конце два гнезда шилохвостей да полтретья гнезда чирят, так и другореть (другой раз) погнал, так и понеслось одно утя шилохвость и милостию Божиею и твоими молитвами и счастьем как ее мякнет (ударит) по шее, так она десятью перекинулась да ушла пеша в воду опять, так хотели по ней стрелять, да початели что худо заразил и он ее так заразил, что кишки вон; так она поплавала немножко да побежала на берег — а сокол и сел на ней». Одного было много, очень много в натуре царя Алексея Михайловича, это смирения, того русского смирения, которое делает человека перед уважаемым авторитетом тише воды ниже травы. Царь Алексей, обращаясь к такому лицу, не покусится никакими величаниями; вот, например, письмо его к митрополиту Никону (он не был ещё патриархом): «Избранному и крепко стоятельному пастырю и наставнику душ и телес наших милостивому, кроткому, благородному, беззлобивому наипаче же любовнику и наперстнику Христову и рачителю словесных овец. О, крепкий воин и страдалец Царя небесного и возлюбленный мой любимец и содружебник, святой владыко, моли за меня грешного да не покроет меня глубина грехов моих, твоих ради молитв святых; надеясь на твое пренепорочное и беззлобивое и святое житие пишу так светлосияющему в архиереях как солнцу светящему по всей вселенной так и тебе сияющему по всему нашему государству благими нравами и делами добрыми великому господину и богомольцу нашему преосвященному и пресветлому митрополиту Никону Новгородскому и Великолуцкому собенному нашему другу душевному и телесному». За то он не покусится и унижением себя перед любимым и уважаемым человеком, готов даже забыть своё царское достоинство, вот как он продолжает далее в письме к Никону: «А про нас изволишь ведать, и мы, по милости Божией и по вашему святительскому благословению как есть истинный царь христианский нарицаюсь, а по своим злым, мерзким делам недостоин и во псы не только в цари, да еще и грешен а называюсь Его же светов раб от кого создан; и вашими святыми молитвами мы и с царицею и с сестрами и с дочерью и со всем государством дал Бог здорово».

Совмещение всех этих разнообразных свойств производило характер удивительно мягкий, я хотел бы сказать, сдобный характер, тихое умиление было его господствующей чертою, иногда в наивной форме выражающейся в его корреспонденции; но в нём не было никакой энергии, это был характер бескостного, мягкотелого человека без костей; когда нужно было защищать семейство, он проявлял даже себя храбрым, но у него не было воинской доблести. Надменность, самоуверенность терпеть не мог царь Алексей. Эти свойства характера – душевная мягкость, отсутствие отваги иногда проявлялись в соединении с набожностью царя в очень своеобразных формах; в 1652 г. умер патриарх Иосиф, и вот что пишет царь по этому случаю Никону: «В пятницу вынесли его света (патриарха) к Риз-Положению. Я вечером пошел один в Риз-Положение и как подошел к дверям полунощным, а у него никакого сидельца нет кому велел быть игумен, те все разъехались и я их велел смирять митрополиту, да такой грех владыко снятый, кого жаловал (покойный) те ради его смерти лучший – Новинский шумен – тот первый поехал от него домой, а детей боярских я смирял сколько Бог немочи дал, а над ним один священник говорит псалтырь и поп говорит во всю голову кричит и двери все отворил и я начал ему говорить: "Для чего ты не по подобию говоришь!" – "Прости Государь, – отвечал он, – страх нашел великий – в утробе у него святителя безмерно шумело, так меня и страх взял – думал что ожил, для того я и двери отворил, хотел бежать." И на меня прости, владыка святой, от его речей страх такой нашел, едва с ног не свалился, а вот и при мне грыжа то ходит очень прытко в животе, как есть у живого, и мне пришло помышление такое от врага: побегу ты вон, тотчас тебя вскоца ударит! и я перекрестясь, взял в руку его света и стал целовать, а в уме держал то слово: "От земли создан и в землю идет, чего бояться". Да в ту же пору как есть треснуло у него в устах и я досталь испужался, да постоялся, так мне полегчало от страха, да тем себя и оживил, что за руку его с молитвою взял».

Эта мягкость характера делала царя жертвою окружающих; царь с светлою умною головою видел все недостатки окружающих его людей, но у него не хватало духа выступить против этих недостатков, он был неспособен к борьбе. Есть одно место в письме его к Никону, которое доказывает эту его неспособность: «Да ведомо мне учинилось: князь Иван Хованский пишет в своих грамотках будто он пропал и пропасть свою пишет, будто ты его заставляешь с собою у правила ежедневно быть; да и у нас перешептывали на меня: никогда такого безчестья не было, что теперь государь нас выдал митрополитам; молю я тебя владыка святой, пожалуй не заставляй его с собою у правила стоять; добро, государь, владыко святой, учить премудра, премудрее будет, а безумному мозоли ему есть; да если и изволишь ему говорить и ты говори от своего лица, будто к тебе мимо меня писали, а я к тебе, владыка святой, пишу духовную».

Царь очень хорошо знал цену окружающим, но очень боялся, чтобы эти окружающие узнали его мнение о них; он не мог выносить печального лица вокруг себя; что за глазами, – все равно! лишь бы обстановка не мешала его веселому юмористичному расположению духа.

Лекция 3-я

остановился на лице Алексея Михайловича, потому что нравственным своим состоянием этот царь всего лучше отражал нравственную устойчивость своего времени. Мы видели, что это была мягкая, ленивая, пассивная и доброжелательная натура. Царь Алексей Михайлович умел легко и с участием входить в частные людские отношения, но его не хватало на последовательное развитие широких государственных планов; он был чрезвычайно способен усвоить себе обычные формы жизни, но не мог стоять крепко против нового влияния; вот почему, с одной стороны, он старый царь в полном смысле этого слова, а, с другой, любитель новизны. Он занимается литературой, пишет в письмах к воеводам стишки, перед которыми не покраснел бы и Тредьяковский. Чрезвычайно строгий в нравственном отношении, он, однако, не

постыдился завести иностранные потехи, любил прокатиться в немецкой карете или попить с боярами и с духовником до полуночи. Он лучше всего отражает то расшатанное состояние, в каком находилось Московское государство того времени; потому-то он и важен для нас: он может всего лучше объяснить нам, почему московский государственный строй, установленный веками, стал так легко расклеиваться в половине XVII в.; за него не стоял даже и царь, по натуре своей всего более к нему подходивший.

Я хочу познакомить Вас с другим русским характером того времени, сложенным из более крепкого материала – это Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин; это, без сомнения, самая замечательная фигура во второй половине XVII в. до Петра; он замечателен не только сам по себе, по своим внутренним качествам, но имел бы цену во всякое время и во всяком обществе; он ещё важен по своему отношению к времени, к современным ему людям; это фонарь, хорошо освещающий тогдашнее положение дел и настроение умов. Афанасий Лаврентьевич, ближний боярин и канцлер Московского государства, вышел из низшего служилого люда, из городских провинциальных дворян; в Псковском и Торопецком уездах мы встречаем целое гнездо Нащокиных в половине XVII в. Во время усмирения Псковского мятежа в 1650 г. встречаем в числе павших детей боярских и помещиков несколько Нащокиных Псковского и Торопецкого уездов; по всей вероятности, к их роду принадлежал и наш Ордин. В толпе служилого дворянского люда Афанасий Лаврентьевич становится впервые заметным в борьбе России со Швецией при царе Алексее Михайловиче. В 1656 г. сам царь двинулся в поход на Ливонию, принадлежавшую тогда Швеции. В числе других городов был завоеван старинный русский город Кукейнос, переименованный немцами в Кокенгаузен; овладевши им, царь назвал его по имени своего сына Царевичевым – Дмитриевым городом; в этом городе является Афанасий Лаврентьевич воеводой в начале 1657 г. В Москве он был уже давно известен за хорошего дельца. Во время Псковского бунта 1650 г. Афанасий Лаврентьевич был предназначен мятежниками к смерти как дельный слуга московского правительства; псковский помещик убежал в Москву и сообщил правительству верные известия о мятеже, потом с полками князя Хованского он идёт усмирять родной город и показывает при этом много умения, храбрости и ревности и делов. Воевода Хованский отлично отзывался о нём. Когда в 1654 г. открылась Польская война, Ордину поручено было оберегать границы со стороны Литвы и Ливонии. «Четвертое лето я покинут в самых дверях неприятельских и этим путём Литовские и Немецкие люди на твои города не прихаживали», – писал он царю; т.е. он успешно оберегал границу. Это всё объясняет, почему в 1656 г. его назначил царь воеводой в ново-завоёванном Ливонском городе. Воеводством в Дмитриеве-городе начинается его дипломатическая карьера. В 1657 г. разбитая с двух сторон (русскими и шведами) Польша стала оправляться и возбуждать опасения в Москве; это заставило правительство московское хлопотать о прекращении Шведской войны, чтоб развязать себе руки для Польши. Хлопоты о мире поручили Ордину. С первых же шагов на дипломатическом поприще стали обнаруживаться в деятельности Афанасия Лаврентьевича две черты, не покидавшие его более никогда: строгое, строптивое порицание московских обычаев и порядков и постоянная дума о Западе, о необходимости преобразований на западный лад. Мы не знаем, каким образом, но, по-видимому, очень рано Ордину открылось ясновидение всех нелепостей и пороков, какими была наполнена русская жизнь и особенно московская администрация. Всего прежде для этого ясновидящего взгляда требовался здравый смысл и некоторая доля нравственного чувства. Переписка Афанасия Лаврентьевича с царем наполнена жалобами и негодованием па глупость и безобразия, какие совершались тогда в администрации. Он пишет, что сидя в Дмитриеве напрасно дожидается ратных людей и хлебных запасов от воевод из Пскова, Полоцка, Витебска; не слушаясь царского указа эти воеводы не шлют ни того, ни другого. «Из чужих неприятельских земель послушание и вспоможение твоему государеву делу чинят, а из твоих городов ни малой части твоего указа не исполняют. Горько жалуется Ордин на поведение дворян и ратных людей среди завоёванных земель и обывателей, присягнувших на подданство московскому государю; он негодует,

что воеводы, не списавшись с ним, обременяют народ налогами и отдают его на разорение служилым людям и казакам. «От немцев столько разорения пет, сколько всё от казаков запустело, – пишет он царю. – У служилых людей обычай есть мирных обывателей истреблять и хотя за это им смертная казнь бывает, но они от обычая своего не отстают». «Все просят помощи, – пишет он в другом письме, – все обливаются кровавыми слезами; лучше бы я испытал раны на себе, только бы невинные люди такой крови не терпели! Лучше бы согласился я быть в заточении необратном, только бы не жить здесь и не видеть над людьми таких злых бед». За хлопоты в переговорах с Швецией Афанасий Лаврентьевич в 1658 г. получил чин; среди неважных дворян и выслужившихся дьяков он появился в Думе в качестве думного дворянина; он остался на воеводстве в своем Дмитриеве-городе, ему не хотелось покидать его; и он пишет, что ему удалось собрать в завоеванных уездах разбежавшихся крестьян; если он уедет, что будет с крестьянами от хищных казаков и детей боярских. Впрочем, ему скоро пришлось расстаться с своим городком; его вызвали в Москву и посылали на все дипломатические съезды; в первый раз он показал дипломатический ум при заключении мира в Кордиссе. Мир был печальный; московское правительство спешило помириться с Швецией, чтобы удачнее действовать в Польше; планы, какие были в уме царя и Ордина, остались неисполненными. Ордину хотелось удержать за Москвой Ливонские завоевания; его тянуло к Западу и к берегу Балтийского моря; в этом сходилась с ним и царь. В секретной инструкции, данной Ордину на Кордисском съезде, Ордин (хотя и второй уполномоченный) должен был вести главные переговоры; царь просил его похлопотать, чтоб выговорить у шведов Канцев (Ниеншанц) и Ругодив (Нарву). Оба человека, и старый и новый, и Домострой и западник, впервые сознали, где должен возникнуть пункт для сношений с Западом. Но ни Канцев, ни Ругодив не удалось выговорить у шведов; надо было отказаться от заветных желаний. – Потом Ордин является на частых съездах с польскими комиссарами; затем его назначают воеводой во Псков и дают звание окольничего. Из Пскова он опять отозван, едет в Андрусово, чтоб заключить перемирие с Польшей. Это перемирие, окончившее тяжёлую войну, было главным делом Ордина; он был за него и награждён хорошо в Москве, ему дали боярство. Псковский дворянин сел в Думе рядом с Романовыми, Воротынскими и другими знатными боярами. Его сделали богатым помещиком и дали неслыханную дотолу в Московском государстве должность «государственных великих посольских дел и царственной большой печати оберегателя»; в этом многосложном титуле надо видеть государственного канцлера; поэтому Ордин стал управителем Посольского приказа, или, по-современному, министерства иностранных дел. Лишнее было бы пересчитывать отдельные дипломатические дела его на этом поприще. Эту должность, впрочем, он занимал недолго; в 1671 г., воротившись с Польского съезда, он является ещё боярином с жениховой стороны на второй свадьбе царя. Но через месяц управителем иностранных дел становится уже воспитатель царицы Натальи Кирилловны Артамон Сергеевич Матвеев. Ордин вышел в отставку, и вышел рассерженный. Его назначили уполномоченным в Польшу и, вероятно, он предложил свои статьи для переговоров, которые были отвергнуты, и он сошел с дипломатического поприща; он закончил его так, как подобало хорошему русскому человеку XVII в., он удалился на родину и постригся в Псковском Крыпецком монастыре под именем Антония. Это пострижение покрывает его дальнейшую жизнь.

Афанасий Лаврентьевич был выскочкой; личная милость царя была его единственной опорой; он чувствовал себя совершенно одиноким в тогдашнем правительственном московском мире. Чувство этой одиночества, происходившее от ненависти и зависти окружавших его людей, сквозит везде в многочисленных письмах его к царю. На царя он во всём рассчитывает, как на единственную свою поддержку. Как все люди подобные, Афанасий Лаврентьевич был упрям в своих убеждениях, не мог выносить, когда с ним не соглашались; он этого не прощал даже самому царю; чтобы заставить себя слушаться, он сильно эксплуатировал доверенность царя; он не прочь был намекнуть, что не слушаясь его, царь делает угодное боярам, и они враги самодержавия.

«Во всем <...> на Москве сеймом, государь меня не выбирали, а всем ведомо, что я вашею государевой милостью взыскал». Это значило: ты поддерживаешь меня, так поддерживай во всем, если хочешь быть самодержавным, потому что меня и тебя не любят одни и те же люди. Сначала поражают, а потом надоедают постоянные жалобы Ордина на ненависть всех к нему; они выражаются иногда резкими упреками, иногда тихими умильными словами. «Не боясь сильных, – пишет он царю из Дмитриева-города, – которые меня ненавидят, издавеча как мытарь сердцем сокрушённый, как евангельская жена грешница, я твои великого государя ноги слезами омываю во всех делах службишки мои только объявлялись, а к совершению не допускались злыми ненавистями».

Ордин совершенно вопреки тогдашнему общественному настроению в Москве усвоил себе честное отношение к государственному делу: «О твоём государевом деле всего больше болит у меня сердце и молчать не дает, когда вижу в государеве деле чьё нерадение». Он прямо указывает царю, что другие пренебрегают государевым делом из личной ненависти к нему: «У нас такой обычай, что дело любят или ненавидят не по делу, а по человеку; меня не любят и дело твоё государево возненавидели для меня, холопа твоего». Зато и достается же высшим правительственным людям от Ордина в его письмах к царю; каких насмешек и порицаний не встречаем мы в них на областных воевод! Однажды отказали Ордину в одном его предложении, и он пишет царю: «Обругали меня ни за что во весь снег. Воззри, великий государь! И меня, омерзелого холопа твоего, вели от дела откинуть, если я тебя прогневал. Думным людям никому я ненадобен, никому ненадобны такие великие государственные дела, – добавляет он иронически. – Откинь меня от посольства, чтоб не разорилось мною государственное дело. Как в Московском царстве искони, так и во всех государствах эти посольские дела ведают люди тайной, ближней думы, но всем освидетельствованные разумом и правдою и мзды неприятные. А я, холоп твой, всего пуст и все дни службы моей плачусь о недостоинстве моём. У такого дела пристойно быть из твоих ближних бояр: и роды великие и друзей много; и Посольский приказ ни от кого обруган не будет; а я своё крестное целование отдаю тебе, великому государю, и держать за собой не смею по недостатку умишка моего». В этом горьком чувстве государственного одиночества Ордин не останавливается перед словами, в которых несколько не заметно смирения; он пишет прямо, что он не от мира сего, т.е. не от этого дрянного мира; «Аще бы от мира сего был, мир убо своя любил». По образу мыслей, по настроению ума Ордин был дипломатом в полном смысле слова; он укрепился глубоко в том убеждении, что дипломатическое разумение может сделать гораздо более оружия; вот почему он так часто говорит о необходимости промысла, (т.е. смысла, умения), в государственных делах, приёма, столь мало известного прежде в московской дипломатии. «Во всяком деле сила в промысле, а не в том, что собрано людей много; и людей много, да промышленника нет, так ничего не выйдет. Вот шведы, увидя такого промышленника, половину рати готовы продать, да промышленника купить». Прилагая этот промысел к своей разнообразной деятельности, Ордин нигде не мог ужиться с старым порядком. Сидя в Дмитриеве-городе, он видит всю негодность военного строя, и вот он пишет царю целый проект военного устройства; он предлагает уничтожить конную дворянскую армию и заменить ее пешими людьми по набору; он предлагал проект, осуществлённый впоследствии Петром; в этом проекте перед ним носился западный образец, он сам в этом признается: «Не стыдно доброму и со стороны учиться».

Старые Московские дипломаты и воеводы были совершенно связаны указами из Москвы; каждый шаг их был предписан и подвергался критике со стороны наблюдавших за ними дьяков, служивших в приказе Тайных Дел. Эта недоверчивость была именно следствием отсутствия промысла в государственных московских деятелях. Со своей мыслью о личном разумении Ордин не мог ужиться в тесной рамке, предоставляемой государственным деятелям московским правительством, и у него в письмах высказывается мысль о другой реформе, имеющей целью предоставить деятелю в отдельных отраслях более свободы и чтоб он не всегда ждал указа из Москвы: «Где глаза видят, ухо слышит,

тут бы и промысел чинить неотложно; не всё же ждать указа из Москвы. Вот я Мариенбург взял без Московского указа». — Явившись воеводой в Пскове, Ордин и здесь предлагал реформы. Города управлялись в XVII в. воеводами, которые судили и рядили город во всём. Мы знаем последствия этого управления. Ордин предложил меры для новой городской администрации. Прежде всего новый псковский воевода предложил меру в пользу свободной торговли. Благодаря притеснению от посадских людей иностранные купцы неохотно ездили в русские города. Составлен был план вольной торговли. «Во всех государствах славил те торги, которые без пошлин учинены», — говорил Нащокин. Воевода псковский, Ордин хлопочет об уничтожении воеводского произвола в управлении городами. Он предложил псковичам новое устройство городского управления; посадские люди обратились в Москву с челобитною утвердить план, составленный воеводой, но которому всё управление города переходило в руки выборных от города 15 человек, которые выбирались на три года с тем, чтоб каждый год из них сидело в земской избе по пяти человек; эти пятеро выборных должны судить посадских людей во всех торговых и обидных делах; распоряжаться городским хозяйством; присутствовать при суде в тяжбах посадских людей с дворянами. Очевидно, это был план городского самоуправления; он не удался. Ордина скоро услали вести переговоры с польскими уполномоченными, а князь Хованский, его преемник, не любивший его лично, скоро уничтожил все его затеи, говоря, что неприлично судить мужику. И этот план городского преобразования встречаем в деятельности Петра.

Наконец, Ордин является деятелем в Посольском приказе, который ведал рядом с иностранными делами и управление некоторыми городами, и другие статьи внутренней администрации, например, питейные сборы. Оскорбляло это смещение Ордина, который составил себе высокое понятие о Посольском приказе. «Посольское дело, — говорит он, — имеет своим основанием совет Божий». В другом письме он называет Посольский приказ «оком всей великой России» и говорит, что по нём иностранцы судят о нашем государстве. Он обращается к царю с предложением изменить этот приказ и жалуется на неприличные нравы и управление посольских дьяков. «Надобно, государь, мысленные очеса на государственные дела устремляти безпорочным и избранным людям к расширению государства от всех краёв, то дело одного Посольского приказа. Тем и честь и низость во всех землях. И иных приказов к Посольскому не применяют и думные дьяки великих государственных дел с кружечными делами не мешали бы и непригожих речей на Москве с иностранцами не плодили бы».

Все эти проекты, жалобы, указания, столь обильные в письмах Ордина, остались без непосредственных результатов, но они важны для нас по отношению к последующим преобразованиям. Рассмотревши их последовательно, мы избавимся от ошибки, столь обычной в наших взглядах, будто Петровская реформа была неожиданная, с неба упавшая новость.

Лекция 4-я

ба царствования — и Алексея и Фёдора имели одинаковое значение для старорусского государственного порядка, значение это было разлагающее, разрушительное, и они разрушали старый порядок двояким путем: их добродушие облегчало распушенность государственных отправлений; их ум и понимание настоящих потребностей государства заставляли их думать о нововведениях, подкапывающих старые порядки. Действия Алексея Михайловича, планы его сотрудников указали главные задачи преобразований. Я хочу ступить одним шагом ближе к реформе, хочу познакомить вас с состоянием Москвы и московского общества после смерти Фёдора Алексеевича. Это состояние московского общества имело важное влияние на преобразовательную деятельность Петра. Если царь Алексей и Ордин-Нащокин указали главные задачи этой деятельности, то события 1682 г. определили, так сказать, чувство реформы, её

приёмы и образ действия. В 1682 г., когда царь Фёдор умер, мы не находим в Московском государстве главных обеспечений государственного порядка. Государство, столь долго слагавшееся и устраивавшееся, в этом году не увидело перед собой ни одной крепкой опоры. Во-первых, не было закона о престолонаследии; московские вотчинники, по-видимому, не считали его нужным; существовал старый обычай передавать престол старшему сыну, но теперь не было места этому обычаю, потому что по смерти Фёдора не оказалось старшего сына. При подобных же обстоятельствах в 1612 г. был избран царь собором, произошло всенародное избрание. И теперь необходим был собор, чтоб решить, кто должен быть преемником умершего царя. Любопытно видеть, как выбрали этого царя. Патриарх, многие бояре и народ были за младшего из оставшихся братьев, за Петра. Патриарх, собравши Думу, предложил вопрос о царе, и бояре отвечали, что должен быть избран царь по согласию всех чинов Московского государства. Согласно с этим решением патриарх выходит на царское крыльцо, велит людям собраться на площади перед церковью Спаса и спрашивает, кому из двух царевичей быть на царстве. Раздались крики: «Петру Алексеевичу». Некоторые голоса слышались про Ивана, но были заглушены. Бояре соглашались – патриарх возвращается во дворец и благославляет на царство Петра. Между тем чинов Московского государства и не было вовсе на площади; царя поставила случайная толпа, находившаяся в Кремле. То же делают и стрельцы после бунта, являются во дворец и говорят: царями должны быть оба брата. У всех на языке **все чины Московского государства, всенародное избрание**, но все одинаково злоупотребляют этим выражением. Далее, любопытно вслушаться в политические речи разных московских людей этого времени; судя по ним не существовало даже определённого понятия о форме правления. Искони установилось в Москве самодержавие, но, по-видимому, не знал, в какой форме, никто не думал, что для самодержавия необходимо **единодержавие**. После стрельцкого бунта поставлены царями оба брата, в Думе нашли это неудобным; но нашлись политики, которые сочли не только возможным, но и удобным двоевластие. Обратились за примерами к Библии, к древней истории, говорили, что в Египте одно время управляли Фараон и Иосиф; в Риме было 2 императора, Аркадий и Гонорий – находили двоевластие полезным, один царь на войне, другой управляет Московским государством; первая роль назначалась младшему, вторая – старшему брату.

Это государство, столь расширившееся и усилившееся в последнее столетие, не умело стать независимо; оно продолжало быть данником, платило дань хану крымскому; дань не прекращается весь XVII в. Котошихин определяет ежегодную сумму до 20 000 руб., т.е. более 1 % всех денежных доходов царя. В таком положении государства, в таком отсутствии главных насущных обеспечений его можно было бы видеть насмешку судьбы. Ещё более иронии было в положении царского дома. Он был многочисленный и, однако, некому было наследовать престол. Старший брат умершего царя был больной, слепой, неспособный управлять государством; младший был мал, ему было не более 10 лет. Зато при недостатке царевичей было много царевен и две царицы: Наталья Кирилловна, царица-мачеха и царица Марфа, жена Фёдора. Царевен было 7: 2 Михайловны и 5 Алексеевны. Эти царевны почувствовали себя свободно впервые в 1682 г., до тех пор, в царствование отца и старшего брата их сильно стеснял вековой придворный этикет; этикет этот теперь, как и всё в государстве, стал шататься и слабеть. Царевны почувствовали возможность выйти из положения, в какое их ставил этот этикет; иначе им ничего не оставалось, кроме монастыря. В прежнее время их выдавали за бояр и князей, пока они имели значение; потом, когда бояре и князья пошли в разряд холопов, нашли неприличным родниться с ними; а иностранных принцев было трудно заманить в Москву; они по обязанности должны были стать монахинями, а у Алексеевны не было этого желания. При Фёдоре они стали чувствовать некоторую свободу, благодаря болезненности брата. Теперь, когда провозглашен был брат Пётр, они должны были почувствовать себя очень дурно под тяжелой рукой мачехи, и никто так тяжело не чувствовал этого, как Софья, в лице которой женщина и древней России выходит в первый раз на политическую сцену. Познакомимся с её характером. Ей было 20 лет в 1682 г., но ей давали 40. Красивой её

с её характером. Ей было 20 лет в 1682 г., но ей давали 40. Красивой её считали только не выдавшие её, знавшие её близко говорили, что она была среднего роста тучная женщина с некрасивой походкой и большой головой, с сердитым, суровым лицом. Но у неё были силы духовные, способность и счастье помогли ей развить их По-видимому, она присутствовала на уроках, какие брал старший брат у Симеона Полоцкого; она знала хорошо польски, много читала; одно из своих сочинений Симеон Полоцкий посвятил ей; в посвящении находим любопытное известие о занятиях Софьи; он говорит, обращаясь к ней «Всегда ты ищешь мудрости небесной, благороднейшая царевна; по имени своему и жизнь ведёшь: мудрое глаголишь и мудрое делаешь; обыкла ты книги церковные читать и в свитках отечественных премудрость искать». Симеон Полоцкий рассказывает, что это сочинение у него Софья взяла в черновой и, прочитав внимательно, велела переписать для себя. В царствование старшего брата Софья имела большое значение; ей открыт был большой простор для деятельности; она более всех ухаживала за постоянно умирающим братом, утешала его, подавала лекарство; старший брат любил её более других сестер; но при постели царя присутствовала не она одна, здесь присутствовала дума, бояре; здесь Софья завязала знакомства, с помощью которых действовала впоследствии; по-видимому, здесь заключён был сердечный союз её с князем Василием Васильевичем Голицыным, который заставил его думать о разводе с женой. Можно сказать, что при Фёдоре Софья была хозяйкой во дворце. Понятно, что по смерти брата она должна была почувствовать себя очень дурно. При дворе готовилась водвориться мачеха, которая всегда была в дурных отношениях с ней. Софья могла думать, что царица Наталья пригласит её подчиниться древнему обычаю – пойти в монастырь, скажет, что сказали ей впоследствии стрельцы во время раскольничьего спора в Грановитой Палате, когда Софье предложили сойти с царства; ей сказали: «Давно пора тебе, государыня царевна, в монастырь, ты только и делаешь, что мутишь государством». А у Софьи были личные средства идти против этого грустного будущего; по-видимому, она была женщина с необыкновенной энергией, по крайней мере такой считали её даже её враги. Один из них говорит о ней, как о необыкновенно умной женщине, называет её более **мужска ума исполненной девой**.

В таком положении был царский дом по смерти Фёдора. Дворцовые отношения важны для нас потому, что они послужили основанием для политических партий, образовавшихся в Москве перед реформой. В это время находим в Москве невидимое количество вельмож, обязанных своим возвышением родству с царем: Стрешневы, Милославские, Нарышкины, Апраксины и их ближайшие родственники: Языковы, Лихачёвы. Все эти фамилии поднялись и стали при дворе из самого низа служилого класса; их предки были стольниками и городовыми дворянами. Теперь они стояли в ряду старых боярских фамилий; положение их было основано на родственных отношениях к царю. Понятно, что для них были важны отношения между членами царского дома.

Благодаря этому двор 1682 г. разделился на 2 партии, тут готовилась борьба между Софьей и Натальей. Московское государство пережило много волнений и смут, но оно не переживало дотоле борьбы мачехи с падчерицей; это несчастье настало в 1682 г. Все придворные разделились на 2 стороны; одни стояли за падчерицу, другие за мачеху; сторону Натальи образовали значительное число неважных людей, поднявшихся недавно; к ним примкнули любимцы Фёдора – Лихачёв и Языков; во главе партии стоял Матвеев. Эта сторона была озлоблена испытанными несчастьями. В царствование Фёдора Наталья Кирилловна была удалена из Москвы в Преображенское, Матвеев был сослан в Пустозёрск, куда не заглядывал никакой значительный человек из Москвы. Зато противная партия должна была бояться большой беды с тех пор, как был провозглашен царем Пётр. Вождями этой партии были Милославские, главный был Иван Михайлович Милославский, человек без особенных способностей, но злобный и корыстолюбивый. Семья эта вообще принесла престолу очень дурные наклонности. Царь Алексей не любил Ивана Милославского, прогнал его от себя и приблизил Матвеева, который имел при нём большое значение. При Фёдоре Матвееву досталось за это, а теперь Матвеев ехал в Москву, чтоб управ-

лять государством. Милославский сделался душой заговора вокруг Софьи; к этой же партии принадлежал князь Василий Васильевич Голицын по личному отношению к Софье, — и Хованский, — не замечательная, но любопытная личность этого времени. Хованские — старшая линия рода Голицыных, но несмотря на эту знатность им никогда не везло, как никогда не удавалось стать наверху В XVII в. эта фамилия особенно мало заметна до Алексея Михайловича Иван Андреевич Хованский выдался первый, Алексей Михайлович поручил ему важное дело, назначил его главнокомандующим в Польских войнах. Но князю Ивану была всегда неудача в военной карьере, он прославился своими поражениями; вообще он был взбалмошного характера, торопливый, всюду совался, но не умел хорошо обдумать дело и осмотреться; в Москве хорошо знали его вечную суетливость, вызвавшую меткое прозвище Тараруя. Князь Иван нашёл, что может сыграть видную роль, став за Софью. Он был закоренелым стародумом — личным врагом Матвеева; помня своё происхождение от Гедимины, он терпеть не мог московских выскочек, появившихся в последнее царствование. Политический стародум, по тому же консервативному чувству он стал стародумом и религиозным, он пристал к расколу и явился его вождем. Рядом с этими тремя главами Софьиной партии встречаем много незначительных людей; в том числе Толстых, полковников стрелецких и несколько стрельцов. Так сложились придворные отношения в первые дни по смерти Фёдора. По-видимому, московское общество хорошо чувало бедствия, какие могли произойти от таких придворных отношений. Современники говорят о тревожном состоянии, в каком находилось общество в Москве; распространился глухой, но сильный ропот на двор и управление; слышались жалобы на бояр, на приказных людей; слышались жалобы не только от мужчин, но и от женщин, особенно негодовали на временщиков, на людей, появившихся в последнее время; на председателей приказов, у которых **очи ослеплены корыстью**. Говорили о людях самовольных, изменявших древним обычаям, без совета замышлявших новости; говорили, что хотят завести новые суды, подражая иностранному обычаю. В Москве ходили слухи о пророчестве мудром, сказанном царю Алексею; пророк говорил о предстоящих смутах и волнениях народа. Когда царь спросил, отчего бывает мятеж, он царю отвечал: «От удаления заслуженных и честных и приближения к престолу людей мелких». Благоразумные люди одобряли правило Аристотеля и Ликурга не допускать к управлению иноземцев и в частных беседах раскрывали книгу пророка Исаии и читали то место, где говорится о волнениях народных от неправосудия властей.

Такими чертами описывают состояние московского общества XVII в. современники, хорошо знавшие положение дел. Эти тревожные ожидания скоро оправдались; произведён был двойной мятеж, политический и церковный, какого ещё никогда не приходилось испытывать Московскому государству.

Лекция 5-я

В следствие слишком краткого обзора истории XVIII в., мы должны часто делать отступления, чтобы живо представить сферу, в которой вырос и воспитывался Пётр. Эти отступления задержат рассказ о Петровской реформе, но не повредят ему. Мы должны и теперь сделать такое отступление. Прошлый раз я обозначил партии при московском дворе по смерти Фёдора и указал, кто были сторонники Софьи: далеко не одинаковые чувства связывали этих сторонников. Царевны, уже почуявшие прелесть воли, ненавидели мачеху, грозившую заключить их в терем или монастырь. Из бояр некоторые были связаны сердечными или родственными отношениями, другие пристали как стародумы, чтоб не пустить наверх выскочек, державшихся за мачеху. У сторонников царевны было много злости, но, кажется, Софья была единственная голова и смелая воля во всей партии. Чтоб знать, где эта голова и воля достала руки для работы, надо знать тогдашнее состояние Москвы. Зерно города состояло из Кремля и Китая-города, со временем обраставших со всех сторон примыкавшими поселениями. Сверх жи-

лиц бояр, дворцовых служителей, в состав столицы вошли многочисленные подгородные слободы, захваченные в городскую черту расширением столицы. Но до XVI в. Москва росла и разбрасывалась преимущественно на левом берегу Москвы-реки. Кажется, раньше XVI в. Замоскворечье не было заселено; здесь за речкой, прямо перед государевым дворцом между речкой и нынешней Канавой находился великокняжеский сад, название которого удержалось в ближней улице Садовников, заселявших её в XVI в. За этим садом, между нынешней Якиманкой и Пятницкой улицей, с начала XVI в. стали возникать новые слободы, обитателям которой пришлось принимать участие в важных переворотах. В начале XVI в. великий князь Василий велел выстроить здесь слободу для своих дворцовых оберегателей, своей стражи. Эта Великокняжеская гвардия имела право во всякое время держать у себя и пить вино, между тем как простым гражданам это позволялось только. Но чтоб другие не заражались дурным примером, этих государевых сберегателей выселили за город; место, куда их поселили, стало зваться **Наливками**; воспоминание об этом удержалось в имени церкви Спаса, что в **Наливках**. Без сомнения, эти государевы телохранители времени Василия в царствование его сына сделались известны под именем стрельцов. По крайней мере, стрельцкие слободы становятся известны там, где находилась слобода **Наливки** и стрельцы удержали за собой значение дворцовой стражи. Иностранцы не называют их иначе, как гвардией Это пьяное название долго не было пророчеством. Стрельцы развелись вследствие важной военной потребности и долго удовлетворяли ей; недостатки старой дворянской конницы рано стали чувствоваться в Кремле, наводя на мысль о постоянной пехоте. Такой постоянной пехотой являются стрельцы в царствование Грозного. При штурме Казани они шли впереди дворянской конницы смелее всех (1553). Впоследствии стрельцы появились и в областных городах; они имели тройное назначение: 1) в военное время ходили в походы, составляли пехотные отряды в армии; 2) в мирное время служили в гарнизонах и городах и 3) составляли полицейскую стражу; составляли караул при дворце и при городских воротах; они встречали иностранных послов и провожали государя в его поездках.

При пожарах они исполняли обязанность пожарной команды. Благодаря этому разнообразному назначению стрельцкое войско развилось очень быстро; в 1541 г. 1800 стрельцов ходили выводить измену в Новгороде и разгромили город.

В начале XVII в. в столице считалось до 10 000 стрельцов, сверх того в областных городах стояло стрельцкого гарнизона человек по 50, по 80, до 150. В пограничных городах эти стрельцкие гарнизоны были многочисленнее. В царствование Алексея Михайловича находим до 20 приказов стрельцких, в приказе от 860 до 1000 человек. В мае 1582 г. в начале событий, о которых я хочу рассказать, в Москве их было в сборе около 14 000. Когда это стрельцкое войско стало размножаться и старых стрельцких слобод оказалось недостаточно, новые отряды стали селиться на левом берегу Москвы-реки. Таким образом возникли новые небольшие стрельцкие слободы, разбросанные на разных московских окраинах. Память об этих стрельцких слободах сохранилась в топографической номенклатуре столицы, одна из этих слобод находилась в том месте, где теперь церковь Сергия, что в Пушкинских.

Другие полки были помещены и приходе Троицы в Листах, где была выстроена потом **Сухарева Башня**, по имени полковника стрельцкого, Сухарева, единственного оставшегося верного в смутах 1682 г.

Третий полк, Титов, находился за рекой, на том месте, где теперь церковь Спаса, что в Чигасе. Стрельцкое войско вербовалось из вольных людей городских или служилых, из людей резвых и **стрелять гораздых**, по выражению указа. В стрельцы не принимали ни холопей, ни беглых людей. Звание стрельца было наследственное и бывают в стрельцах вечно, говорит Котошихин. Стрельцкие дети унаследовали своё звание от отцов и дедов. Стрельцы жили на полном казенном содержании; им выдавали хлеб и жалованье, которое простиралось до 10 руб. в год, значит, стрельцы получали вдвое и втрое против дворян, служивших у патриарха (которые получали по 3 и 4 руб.). Для этого жалованья

крестьяне и города Московского государства, за исключением дворцовых земель, были обложены значительной податью, называвшейся стрелецкой деньгой. Сумма стрелецкого жалованья простиралась до **100 000** руб. Сверх жалованья стрельцы получали хлеба до 15 четвертей и 2 пуда соли; одежду тоже получали от казны. Они составляли самый нарядный отряд во всей московской армии; они щеголяли в цветных кафтанах, желтых сапогах и бархатных шапках с меховой опушкой; у каждого полка был свой цвет кафтана. Правительством баловало стрельцов и предоставляло им большие льготы общественные и экономические; они имели свой суд, свою администрацию, был особый стрелецкий приказ; десятники и сотники выбирались из стрельцов; сверх того они пользовались большими материальными выгодами, занимались торговлей и ремёслами, но не платили никаких пошлин, не тянули тягло вместе с посадскими людьми столицы. Благодаря этим льготам стрельцы в XVII в. сделались очень зажиточным классом в столице. Котошихин говорит, что в полках стрелецких было много людей торговых и ремесленных очень богатых. В XVI и XVII вв. они оказали государству очень важные военные услуги, не раз отличались в битвах, в царствование Алексея Михайловича они главным образом взяли Смоленск штурмом под предводительством Матвеева. Но во 2-й половине XVII в. это войско начало портиться. Разные причины действовали на стрельцов, разрушая их дисциплину; прежде всего на стрельцах отразилось то общее разложение государственного порядка, о котором я говорил. Именно в половине XVII в. в состав полков стрелецких вошли ненадежные элементы; после Разинского бунта отобрали из стрельцов ненадежных, удалили их от окраин и поселили в Москве.

Наконец, вредное действие должно было оказать на дисциплину экономическое положение стрельцов; это были мирные обыватели столицы, на которых, однако, лежала военная служба. Они должны были с неудовольствием отправляться от времени до времени на службу. Затем занятие торговлей и промыслами должно было особенно чувствительно отражаться на избалованном войске. Один современник говорит, что упадок дисциплины зависел более всего от их купечества и любостяжания, которому содействовали командовавшие. Благодаря этим причинам в царствование Фёдора в стрелецких слободах стал разливаться сильный ропот на правительство и администрацию; надо заметить, что всё начальство стрельцов принадлежало к другому классу: все полковники, головы, полуголовы и сотские были из дворян или детей дворянских; эти начальные люди поступали с стрельцами так, как все администраторы с подначальными людьми, гоняли их на свои работы, удерживали их жалованье, заставляли одеваться на свой счёт и т.д. В стрелецких полках, как и везде, тогда очень обычны были телесные наказания. Жалобы на все эти злоупотребления представлены были умирающему царю Фёдору, но царь оставил их без внимания. Но лишь только умер Фёдор, стрельцы большой толпой подступили к Красному крыльцу и требовали исполнения своих просьб, которые были не исполнены при Фёдоре. Жалуясь на злоупотребления начальников, стрельцы требовали, чтоб им выдали головой полковников и чтоб заставили их заплатить все недочеты, высчитанные стрельцами на начальных людей. Новое правительство, ещё не чувствовавшее себя прочным, без главного своего руководителя Матвеева, не сообразило, как действовать и сделало потачку стрельцам, велело взыскать с полковников, что требовали стрельцы. Возле Архангельского собора перед Разрядом вывели полковников и несколько дней били на правеже, взыскивая насчитанные на них деньги; много палок было переломлено о спины и ноги дворян. Стрельцы стояли толпой у приказа и руководили наказаниями начальных людей, били их несколько дней и переставали только по распоряжению стрельцов. Взыскания простирались до 2 000 руб., огромная сумма в то время. В стрелецких слободах в то же время шла расправа без помощи правительства; начальных людей хватили, сбрасывали с каланчей. Это было в самом начале нового царствования. Стрельцы были взволнованы, раздражены против военной администрации; этим настроением стрельцов решилась воспользоваться сторона Софьи. Я не буду рассказывать бунта стрелецкого; нам надобно узнать лишь причины, характер и последствия этого восстания.

В Москве в продолжение трёх дней, 16, 17 и 18 мая, происходили неслыханные сцены; бунтовавшие стрельцы вторгались за решетку дворцового крыльца, врывались во внутренние дворцовые покои, шарили везде в комнатах царевен, заглядывали под кровати, переворачивали перины. Масса людей по списку, данному Софьей, были избиты стрельцами. С высоты Красного крыльца сбрасывали бояр на копья стрельцов, стоявших внизу на площади между Успенским и Благовещенским соборами. Трупы убитых бояр через Спасские ворота выволакивали на Красную площадь с криками: «Сторонись, вот боярин едет, вот думный!» Сама царица-вдова должна была с царём и царевичем выйти на Красное крыльцо, чтобы доказать стрельцам нелепость слухов о смерти Ивана. Стрельцы трогали его, заставляли отвечать, что он жив: «Аз есмь и никто меня не изводит». В прежней истории Московского Кремля и дворца таких событий ещё не бывало. Стрельцов поднимали, чтоб избить сторонников царицы-вдовы, но стрельцы плохо понимали различие между Софьиными и Натальиными боярами; они вообще восстали против и начальных людей и бояр, и мятеж получил характер не придворной интриги, восстания не против известной партии, но против государственного порядка и высших его органов. Стрельцы говорили вообще против управителей, чтоб их всех избить. Это было настоящее Разинское восстание в стенах Кремля. Лишь только обнаружился бунт, государство точно исчезло, все органы его попрятались, не видно было ни одного боярина на улице, ни один дьяк не смел показаться; здесь господствовали пьяные стрельцы: «Теперь наша воля, всё дрожит перед нами». Таким образом, Софья увидела скоро, что взяла через край; из орудия стрельцы сделались владыками дворца и начали распоряжаться сами царевной. Царевна, царица, патриарх и бояре во всех этих волнениях 1682 г. являются лицами без речей, автоматами,двигающимися невольно. Бунтуя против бояр и начальных людей, стрельцы старались сблизиться с низшим классом в Москве, и мятеж начал получать социальный характер. Одним из первых его действий было разграбление Холопьего и Судного приказов, была объявлена свобода холопам и крестьянам. Впоследствии Софья, желая привлечь к себе бояр и начальных людей, обвиняла стрельцов в том, что они хотели избить всех дворян, освободить холопов и овладеть всем государством.

Таково значение и характер этого мятежа; вышедши из придворной интриги, мятеж получил характер движения против государственного порядка. В таком изменении характера мятежа была виновата одна царевна.

Шумные события в мае 1682 г. пронеслись, временной бурей над народом и государством; эта буря кое-что сломала и погнула, но ничего не вырвала с корнем; потом всё является опять на прежнем месте, но для дворца государей московских эти события имели роковое разрушительное действие, было падением без восстания.

Я не намерен шутить, если скажу, что двор старых московских царей был добродетельнейшим из европейских дворов; возьмём любую европейскую придворную хронику, сколько в ней найдём пороков, страстей, каких не отыщем в Москве В XVII в. не находим в Москве даже летописи, вместо неё Служебные, Разрядные и Приходо-расходные книги.

Старые русские цари вели чинную, степенную, ровную жизнь, которая не возмущалась ни порывами страстей, ни даже вздохами, разве иногда долетавшими до дворцового государева верха неосторожными криками какого-нибудь истопника или подьячего, наказываемого батогами в ближнем приказе.

Всякий шаг этой жизни был в точности давно определён, ступая по какому-то вековому приличию, и заносился в Приходо-расходную книгу. Все люди, принимавшие участие в этой жизни, от последнего истопника до первого боярина, двигались как части какого-нибудь многоколёсного механизма и даже тот, для кого этот механизм единственно работал три века, и он, постепенно втягиваясь в его круговорот, становился не управителем, а первым из колёс, неспособным ни ускорить, ни остановить его движения. Читая эти записки о придворной жизни, удивляешься, как могли люди среди этих ежедневных неизменных мелочей находить время грешить, как могли сохранить умение грешить. И вдруг цвет дворцовых теремов, бережённей пуще зеницы ока от дурного глаза и от дуновения

ветерка, девица-смиреница, развившаяся под влиянием благочестивого монаха, хотя некрасивая, но украшенная именем и ведением премудрости, смело выступила на Красную площадь, сдёрнула с лица покрывало и зажгла государственный мятеж; покрыла эту площадь трупами отцовских друзей и слуг; дозволила обшарить свои девичьи покои, перевернуть перины сестёр и теток – и всё для того, чтобы избавиться от ненавистной мачехи и чтоб не дать оторвать от себя князя Василия Васильевича Голицына. Знал бы это Алексей Михайлович, как вспыхнули бы его румяные пухлые щёки, как загорелись бы его глаза от этого срама родной дочери. Вследствие этих событий глубоко пал московский двор и не поднимался более никогда. Историческая работа, окружавшая этот дворец полурелигиозным уважением, не повторилась более в народе. Атмосфера Кремлёвского двора, и прежде не отличавшаяся благорастворённым воздухом стала ещё хуже; вот отчего Алексей Михайлович так часто уезжал в Коломенское и Преображенское, он редко проводил долгое время в Москве. А теперь от Кремлёвского воздуха стало пахнуть кровью и вину нельзя было сложить на простых мятежников, вот почему неудивительно, что со времени Петровской деятельности дворец Кремлёвский пустеет. Пройдёт ещё 10 лет, и мы увидим, что величие этого двора было да прошло и быльём поросло.

Лекция 6-я

1682 г. не один Кремлёвский дворец утратил прежнее своё обаяние в глазах народа, не государственный лишь порядок поколебался, поколебалась и древнерусская православная церковь, пал авторитет древнерусской церковной иерархии. Вслед за восстанием против двора и правительства произошло восстание против церкви и высшего духовенства. Оба эти восстания похожи одно на другое не только по времени и месту действия, не потому только, что в обеих этих драмах много общих действующих лиц; между ними удивительно много сходства и по самому построению драмы и по самым мотивам действия. Майское стрелецкое восстание было восстанием против двора и правительства, оно было зажжено искрой, брошенной царской дочерью и было ведено под предлогом восстановления порядка, прекращения смятения в деле управления государством. Точно так же и июльское восстание против церкви и церковного начальства было поднято ревностнейшими её силами и ведено во имя прекращения в ней смут и беспорядков. Нам надо остановиться на этом церковном мятеже, чтоб понять печальную роль, какую играла церковь в эпоху Петровской реформы. Июльский мятеж 1682 г. был поднят раскольниками.

В прошлом году я говорил об этом явлении нашей истории очень кратко и неполно и указал лишь на причину его происхождения. Теперь остановимся на нём несколько дольше. Расколом мы называем отделение значительной части русского православного народа от господствующей православной церкви. Отделение это началось в царствование Алексея Михайловича при патриархе Никоне и продолжается до сих пор.

По официальным документам Министерства Внутренних Дел, в 20-х годах нынешнего столетия раскольников значилось свыше 800 000, но эта цифра далеко не покрывает всего числа православных людей, не принадлежащих к господствующей церкви. Эти люди действительно считаются миллионами. Раскольники считают себя такими же православными христианами, как и мы себя; они не расходятся с нами ни в одном существенном вероучении; они не признают лишь нашей церкви, или, точнее говоря, авторитета нашего церковного правительства во имя старой веры, во имя древнего благочестия, разрушенного Никоном, поэтому они называют нас церковниками или никонианцами, а себя староверами или старообрядцами, людьми древнего православия; но мы их не считаем еретиками, а только **раскольниками**, отклонившимися от церкви, но оставшимися в нашей вере. Если раскольники не расходятся с нами ни в одном существенном основном вероучении, то спрашивается, из чего же они откололись? Почему же они не признают авторитета церковного правительства, нами признаваемого?

В ответ на эти вопросы в большей части книг о раскольниках православных и раскольничьих можно прочесть такую повесть. До Никона русская православная церковь была едина и нераздельна и древнерусский православный народ составлял единое нераздельное стадо с единым пастырем, но исстари утвердилось в нём несколько своеобразных церковных обычаев, существовавших в первобытной православной церкви, от которой мы приняли христианство. К числу таких обычаев принадлежит и способ складывания креста, и способ написания имени Иисуса – Исус или Иисус. К таким же особенностям принадлежит и форма креста – простой или восьмиконечный. В числе этих особенностей встречаем и чтение члена Символ Веры; мы читаем: «И в Духа Святого Господа животворящего»; вместо этого раскольники читают: «И в Духа Св. истинного и животворящего». Согласно с понятием о сотворении человека по образу и подобию Божию в Древней Руси утвердился обычай не позволять брить бороду, потому что это искажает образ и подобие Божие. Эти местные обычаи и понятия из практики вошли в богословские книги, и наоборот. Русский церковный Собор 1551 г., названный Стоглавым, признал некоторые из этих обычаев и понятий и освятил их собственным авторитетом; так, он признал пение аллелуи дважды, а не трижды, как теперь её поют. Между тем в начале XVI в. важной работой церковного правительства сделалось исправление богослужебных книг, в текстах которых, благодаря рукописному способу распространения их, закралось много разногласий. Это исправление богослужебных книг не только не исправило, напротив, утвердило эти местные обычаи и понятия; они попали в новоисправленные книги и, когда последние стали печататься, они вместе с церковными книгами разошлись и по церквям Русской земли; особенно много было этих особенностей в церковных книгах, изданных во время патриархата Иосифа, того самого, у гроба которого мы видели Алексея Михайловича. Никон с самого начала своего управления обратил серьезное внимание на церковные книги и решил исправить их по древнему тексту и вновь издать их. С Афона, с других мест Востока и с разных углов Русской земли свозили на Никольскую улицу целые горы церковных книг русских, греческих и церковно-славянских. Новоисправленные церковно-славянские книги разосланы были в разные приходы Русской земли с указом отобрать старые печатные неисправленные книги. Ужаснулись старые русские люди и, заглянув в новые книги, не найдя там ни сугубой аллелуи, ни двухперстного крестного знамени, в поправках и новшествах они усмотрели новую не веданную ими веру, прокляли эти книги и продолжали молиться по книгам старой письменности. Но Московский церковный Собор 1662 г., на котором присутствовали 2 патриарха, Антиохский и Александрийский, осудили этих людей за непокорность и прокляли их, отлучив от русской православной церкви. С этого времени и раскололось русское церковное общество и многие сыны русской церкви оказались за её оградой.

Такова в главных чертах повесть, которую прочтете о происхождении раскола в разных книгах раскольничьих и православных. Обе стороны одинаково описывают события, но каждая отдельно и по-своему объясняет их, и объяснения каждой из них мне кажутся недостаточными. Отчего произошел раскол? Старообрядцы отвечают: оттого, что Никон уничтожил сугубую аллелую, двуперстие и другие древние обычаи и понятия, а они (эти обычаи и понятия) святыми отцами переданы нам, они завет древнего благочестия, без которого невозможно спастись, и когда благочестивые люди стали защищать эти старинные обычаи и мнения, русская иерархия отлучила их от своей испорченной церкви и прокляла. Но здесь не договорено многое. А каким образом сугубая аллелуя и двухперстное крестное знамение могли стать свято отеческим преданием и каким образом подобные подробности богослужения могли сделаться существенным содержанием веры? Очевидно то, что с обеих сторон дали полную силу формальным мнениям. Это и надо считать истинной причиной раскола. У православных повествователей находим иной ответ на тот же вопрос. Раскол, говорят они, произошел от невежества, от узкого понимания идеи христианства, от неумения различить существенное от полусущественного, форму от содержания. Однообразие и неподвижность русской жизни давали силу преданию, увеличивали авторитет старины. Этот ответ гораздо глубокомысленнее раскольнического, что,

впрочем, и естественно. Раскольниковские повествователи – самородные доморощенные историки без высшего образования, без учёных степеней, а православные историки все магистры и доктора богословия или истории. Но и этот ответ не удовлетворителен. А разве авторитет церковной иерархии не такое же предание старины, как авторитет сугубой аллелуи. Остаётся необъяснимым, каким образом староверы решились из-за сугубой аллелуи восстать против иерархии священников, которых они же считали непосредственно идущими от апостолов. Необъяснимо и другое обстоятельство. Те обычаи и сведения, за которые держались раскольники и во имя которых они отделились от церкви, – и до Никона не имели господствующего значения в древнерусском обществе. Если сам Никон сначала крестился ещё двумя перстами, то и до него многие крестились тремя; крестились и так и иначе, т.е. и по-раскольнически, двумя перстами, и по-нашему – тремя. На миниатюрах нач. XVII в. можно встретить изображение молящихся у Чудотворца гроба совершенно по-старообрядчески; в биографии одного святого XVI в. изображено было так же, как он складывал персты для крестного знамения; мы находим, что он их складывал по-нашему; то же самое было и с аллелуей. Таким образом, никто дотоле не обращал на это внимания. Каким образом великий князь Василий Иванович читал до этого молитвы с сугубой аллелуей, не смущая присутствовавших иерархов и каким образом до Никона не образовалось раскола?

Я хочу ввести вас в такой угол древнерусской жизни, в который мы до сих пор не заглядывали. Изображая историю Московского государства, я говорил о возникновении и развитии государственных учреждений и мало говорил о чувствах и понятиях русского общества. Теперь я хочу вас познакомить с ними, чтобы сделать понятнее появление раскола

До XV в. древнерусская церковь была почтительною дочерью Константинопольской церкви, своей митрополии. Русская церковь принимала из Константинополя митрополитов и епископов, отсюда принимала она также и церковные законы и обычаи, высоко чтя авторитет восточного духовенства. Но с XV в. этот авторитет Византийской церкви стал колебаться и умах древнерусского общества; этому содействовали и византийские и древнерусские события. Во-первых, московские князья, начавшие чувствовать свою силу, хотели освободиться от влияния византийского двора и в церковном отношении. Московские князья были виновниками того, что стали назначать из русских митрополитов и патриархов; первым таким митрополитом был Иов. С другой стороны, разные события стали колебать доверие русских к византийскому православию. С конца XIV в. греков стали стеснять турки; в опасности они искали помощи на Западе, у латинов; чтоб приобрести содействие папы, византийские иерархи согласились на соединение с католическою церковью и подписали этот союз на Флорентинском Соборе. Этот союз с латинством сильно уронил авторитет византийского православия в глазах русских. Несколько лет спустя поганые агаряне окончательно покорили Византию. Русские привели в связь это политическое бедствие с нравственным состоянием греков. С того времени на Руси стали недоверчиво и презрительно смотреть на греков; но с того же времени переменялся взгляд русских и на самих себя, на своё церковное значение. Если православие упало на Востоке, то оно сохранилось единственно на Руси. Митрополит Филипп в 1471 г., уговаривая новгородцев остаться верными Москве, обращается к ним с такими словами: «Царствующий град Константинополь непоколебимо стоял, пока как солнце сияло в нём благочестие; а как покинул истину, да соединился с латиной, так и попал в руки поганных». Но если пал Царьград, столп и утверждение Московского православия, то его всемирное церковное значение перешло по наследству к Москве. Первый Рим пал от ереси, второй от агарян, но твердо стоит третий Рим – Москва; вот взгляд, какой начали усваивать русские с того времени. Любопытно послушать, какая церковная самоуверенность начала проглядывать в церковной русской литературе в XV и XVI вв. Вот что пишет великому князю один из русских иноков Филофей (инок Псковского Евросимова монастыря): «Внимай тому, благочестивый царь, – пишет он, – два Рима пали, третий – Москва – стоит, а четвертому не

бывать. Святая соборная церковь этого нового Рима в твоём держанном царстве ныне по всей поднебесной ярче солнца светится православной христианской верой. Знай, все православные христианские царства сошлись в одно твоё царство; во всей вселенной один ты христианский царь. Твоё христианское царство уже другим не достанется: после него чаем царства, которому не будет конца. Подобаet всё это держать со страхом Божиим». Это русское туземное убеждение укреплялось и поддерживалось приезжими людьми с Востока. Один пришлый славянин с Афона серб Похомий в жизнеописании Сергия Радонежского спрашивает в риторическом воодушевлении, откуда воссияло это светило: «Не из Иерусалима-ли, не с Синая-ли засветился этот светильник?» и отвечает: «Нет, из Русской земли, которая недавно вышла на свет из мрака кумирслужения, но уже озарилась многими светилами, так что превзошла издавна приявших просвещение». Сейчас прочитанные мною слова инокa XVI в. почти буквально повторяет Иерусалимский патриарх Иеремия. Обращаясь к царю Фёдору, он говорит, что русская церковь единственная, оставшаяся в мире и превзошедшая всё своим благочестием. Это убеждение в том, что Русь осталась единственным убежищем православия, укоренилось в русских умах XVI и XVII вв. Рядом с ним распространилось и другое явление. Это другое явление относится к свойству древнерусской мысли о церковных вопросах. В продолжение целого столетия древнерусское общество и мысль его вращались в области церковных преданий. Работая долго над этими преданиями, русский ум усвоил себе особенную способность и приемы мышления; характеристическую черту его составляет удивительная склонность к подражанию и строгому разбору отдельных случаев и внешних подробностей религиозной жизни. Вот один образчик подобного расположения мысли. Став на христианскую точку зрения, старый русский человек готов был наговорить много хорошего, хотя и по чужим образцам, о значении женщины в христианстве, но вот представляется отдельный случай, и древнерусский книжник останавливается с смущением перед вопросом: «Можно-ли священнику служить в одежде, в которую вшит женский плат?» – Как будто путём общих своих христианских понятий о женщине задавший этот вопрос не мог добраться до решения данного ему вопроса: а разве женщина погана? Старый русский ум умел подыскивать такие связи, до которых мы не дойдём логическим путем; он очень хорошо мог ответить на вопрос, почему надо хоронить мертвеца не по закате солнца, а когда оно стоит ещё высоко: потому что покойник видит тогда последнее солнце до общего Воскресения. Отдельные случаи, известные формальные подробности в богослужении и учении могли приковать к себе внимание древнерусского человека и в размышлениях об этих случаях он был способен дойти до сильного напряжения мысли, но войти во внутренний смысл этого учения, составить стройное религиозное мировоззрение, – на это не хватало его усилий. Вот особенности, обнаружившиеся в явлениях древнерусской церковной жизни. Удивительное формальное напряжение мысли и недостаток внутреннего содержания в вопросах, на которые мысль устремилась, таковы две стороны, характеризующие умственную деятельность того времени. Эту двойственную черту можно было бы назвать церковно-нравственной или обрядовой казуистикой. Трудно с точностью объяснить источник и происхождение этого свойства древнерусского ума; я думаю, тут не обошлось без участия византийского влияния. Византийские богословы отличались чрезвычайной тонкостью в различении понятий, в умении складывать их в строгую и стройную богословскую систему. Нигде в христианстве внешняя сторона богословия не развилась до такой тонкости так, как в византийской церковной литературе. Но что должно было произойти, когда тонкие определения, изысканные замысловатые вопросы византийской богословии стали усваивать древнерусские умы, ещё не утратившие настроения эпической наивности? Эта встреча диалектических тонкостей византийских богословов с живым эпическим расположением русского ума, не вышедшего ещё из-под обаяния мифологических верований и произвела указанную склонность древнерусской мысли к церковной казуистике. С половины XV в., когда стала заметна эта церковная гордость, в древнерусском обществе обнаруживается и склонность к казуистическим размышлениям и спорам; эти споры появля-

ются во множестве. Вот некоторые из них: В 1478 г. святители Успенский собор в Москве, и при этом освещении митрополит ходил с крестом «не по солнечному восходу»; это напугало Ивана III, ждавшего за это наслания гнева Божия, возбудило церковный процесс, заставило перерывать церковные книги, вызвало бесконечные толки в обществе и до темноты глубокомысленные умствования со стороны защитников мнения великого князя в прениях с митрополитом; приостановленный нашествием татар спор этот возобновился в 1482 г. и едва не кончился полным разрывом между главами двух сторон общества, светской и духовной. В то же почти время в XV в. возник ожесточённый спор об аллелуи, и опять высказались глубокомысленные богословские рассуждения; таким образом, стали спорить, славить ли.

Замечательно, что с того же времени вместе с обнаружением подобной казуистики сами русские иерархи начинают жаловаться на недостаток грамотности в русском народе и на невежество в духовенстве. Архиепископ Новгородский Геннадий говорит, что трудно отыскать священников, умеющих читать богословские книги, что они, раскрыв книгу, читают по памяти, не обращая внимания на то, что напечатано в книге. Эта склонность умствовать о богословских предметах и недостаток элементарного церковного образования объясняют происхождение укоренившегося взгляда на всемирное достоинство русской церкви и умножение споров о формальных или казуистических церковных тонкостях. Эта склонность к богословским умствованиям в связи с развитием церковной гордости и может считаться источником происхождения раскола.

Лекция 7-я

обратился прошлый раз к явлениям духовной русской жизни в XV и XVI вв., чтоб показать, как произошли и развились в сознании древнерусского человека две особенности: церковно-национальная самоуверенность и склонность мудрить о простых вещах, любовь к ухищрённым казуистическим толкованиям формальных подробностей церковной и нравственной жизни. Оба эти свойства очень мало соответствовали гражданскому и нравственному состоянию древнерусского общества; можно даже сказать, что они совсем не оправдывались его гражданским и нравственным развитием; и тем не менее древняя Россия долго жила ими; они были самыми энергическими пружинами её духовной жизни с XV в. Я готов даже утверждать, что в них выражалось всё, что было создано самобытного и оригинального древнерусским умом под влиянием христианства.

Возьмите первые произведения старообрядческой литературы; вы встретите в них те же самые черты, ту же церковно-национальную гордость и ту же склонность отыскивать таинственную спасительную силу и глубокий смысл в букве и обряде. Воззрения и склад умов старообрядческих писателей конца XVII в. удивительно близко подходят к богословским чувствам и мыслям людей XV в. Я разберу два, три памятника старообрядческой литературы, чтоб доказать это сходство.

Семён Денисов принадлежит уже ко второму поколению старообрядцев. Он родился (около 1683) несколькими годами позднее того времени, когда жгли Аввакума, дьякона Фёдора вместе с другими начинателями раскола – в начале 80-х годов. Семен Денисов – один из лучших старообрядческих историографов раскола. Ещё в молодости он имел случай поучиться грамматическому и риторическому смыслу, умел правописать и добре глаголати, значит, мог потягаться с любым из старых или новых русских писателей в искусстве плетения словес, в уменьи простенькую и худенькую мысль нарядить в пышные и шумные украшения древнерусского риторического гардероба. В начале XVIII в. он написал большое, очень читаемое у старообрядцев историческое сочинение: «Виноград российский», или Историю о первых страдальцах, страдавших за древнее благочестие. Я прочитаю Вам начало этой повести в лёгком переложении: <...> «Предивный и всеслащайший виноград российской земли – коль предобре его всепридобрый Бог как другой рай

насадил! Как всеблагодатно всепрекрасным оплотом спасительных законов его оградил! Как широко и крепко корни благочестия углубил! Все концы, все пределы российские им всепрекрасно исполнены. Воззришь-ли на тень его причудную: она покрыла горы, вознеслась над холмами. Посмотришь-ли на ветви его предивные: точно благодатные кедры возвышались, точно добровонные кипарисы благоухали. Посмотришь-ли на всепрекрасные грозды всепрекрасного благочестия, – они так богато раскинулись, что на юге достигали до Каспийского моря и до Чёрного, на востоке до Хийских или Китайских границ, на западе до моря Варяжского в Лифляндии и Эстляндии, на севере до целого моря, залива великого океана, на северо-востоке до моря великого Ледовитого и до реки великой Оби. Была российская земля и пределами и благочестием весьма изобильна, и странами и православием зело пребогата, расширилась от моря и до моря, от рек до концов вселенной. С тех пор как великий и всехрабрый князь Владимир преславно привлёк из Греции все доброты православия, все красоты церкви, все христианские благолетия, преславная Россия столь пресветло простерла свет многосиянного православия во все свои части, что все концы, все пределы своего обдержания, приблистательно просветив, обратила к невечернему и праведному солнцу Христу и так богато облистала пресветлыми догматами, что не было города, где бы не сиял свет благочестия, не было села, которое не озаряло бы лучом православия, не было деревни, где бы не блистало бы сияние благоверия; но куда ни посмотришь, всюду узришь всепрекрасное церковное благолепие, куда ни обратишь взора всеспасительную доброту и неподобную красоту монастырей увидишь, и как это великое и великопространное небо украшается пресветлыми звездами, точно многоценным камением, так и широко простершаяся Россия всепрекрасными обителями, всеблаголепными храмами столь дивно была украшена, столь всебогата усажена, что и была и заслуживала нарицаться вторым небом. Но хотя премного было в России предивных городов, хотя не было числа её всепрекрасным обителям, однако вся она исполнена была единым благочестием, царствовало в ней причудное согласие пресветлого православия. Сбывалось на ней апостольское слово: един господь, едина вера, едино крещение. Не очень прилежала Россия к наукам словесным академиков, не изошрялась в высокоумных софистических мудроплетениях; за то благоревностно и бесхитростно содержала она здоровую веру, простое благочестие, и столь твёрдо и непоколебимо хранила доброту православия, что в такое долгое время никому не попустила замутить российское благоверие непотребными новшествами, но соблюла ниву пресветлого православия чистой от всякого плевелочения, всегда обильные колосья преочищенной пшеницы в небесные житницы. Нет в ней такого города, где бы не было светлого, в истленных мощах почивающего, но есть такие города, где они многоцелебно покоятся по два, по три, по десяти и более. Они златоплетенно украшают российские пределы, соединяют земное с небесным, российских людей с самим Христом, – дивный и предивный мир, всепресладкая сладость, всепрекрасное соединение, общение воистину превожделенное, исполненное красоты божественной, благолепия небесного, славы преестественной, которой не только земные люди, но и ангелы небесные все прелюбезно наслаждались, всесладкую эту песнь воспевая: "Слава в вышних Богу и на земле мир в человецех благоволение"».

Вы видите, что эта широкая картина Древней Руси не отличается скромностью ни политической, ни церковной, это апофеоза древней дониконовской или допетровской Руси. Впоследствии более учёные писатели могли становиться выше Семёна Денисова в витиеватости и темноте словесных мудроплетений, но не могли превзойти его в церковно-национальной гордости и надменности; а Семён Денисов только выразил те церковно-национальные чувства и верования, которыми жило православное русское общество с половины XV до половины XVII в. Но вот явился Никон в Москву; навезли с Афона много греческих книг, по ним исправили русские церковные книги и прокляли Собором всех, кто не принял этих исправленных книг. По одному случаю, одному примеру можно следить за процессом изменения церковных чувств, вызванных этим исправлением богослужебных книг. Этот пример представляет нам Соловецкая братия, монахи одного из знаме-

нитейших монастырей, в которых была особенно крепка уверенность, что Россия – единственно оставшаяся в мире христианская держава. В 1657 г. в Соловецкий монастырь присланы были исправленные служебники и другие церковные книги; священники и дьяконы заглянули в книги и сказали: «Будем служить по старому служебнику, по которому мы учились и привыкли служить; мы старики и по старому-то служебнику не можем очередных служб церковных держать, а по новому, сколько ни учись, не научишься, да и некогда; что было учено, и то плохо ведаем, а по новым книгам сколько нам, старцам малограмотным, ни учиться, а всё-таки не навикнуть; лучше станем с братьей в монастырских трудах пребывать и по старым книгам служить» – Братья отвечала: «Если попы станут по новым книгам служить, мы и слушать не хотим и причащаться у них не будем». По видимому, сначала соловецкая братья не поняла всей силы корректурных поправок в новых книгах и отвергла их только потому, что не могла вновь учиться по ним; но потом были созданы более серьёзные соображения, чтоб оправдать отказ. Сообщают, что один соловецкий священник был 2 раза кнутом высечен за то, что решился служить по новым книгам. Архимандрит говорил <...> Собор 1667 г., на котором присутствовали два восточных патриарха, одобрил все Никоновские исправления и осудил непокорных. Соловецкая братия обратилась тогда к царю с челобитной; и эта челобитная, написанная вслед за соборным проклятием раскольников в 1668 г., служит каноническим сочинением у старообрядцев. Здесь изложены все старообрядческие доказательства неправоты новой веры и канонические достоинства веры старой. Эту челобитную я хочу анализировать, чтоб показать Вам мысли и чувства первых учителей расколы. Прежде всего раскольники обратили все усилия своего ума на то, чтоб опровергнуть все корректурные исправления в новых книгах. Вот образчики этих опровержений: в новых книгах написано в молитве «Царю небесный» **души истины**, а не истинный, как в прежних книгах; две буквы **и** и **й** отъяли из истинный и вышло, что Дух Святой не истинный, не вполне, а только сопричастен истине. Вот одна важная ересь в новых книгах; старообрядцы указывали на много других подобных, между прочим, негодовали, зачем в новых книгах написано: «отче единородный слове», между словами нет ни запятой, ни союза и ясно, что смешивают отца и сына <...> два лица Святой Троицы. В старых книгах написано было и воскресной тропаре на Пасху: И на престоле Христе со Отцем и Духом **бешше**; в новых книгах: со Отцем и Духом **был еси**; а этого они не понимают, что Богу приписывается не **бытие**, а **предбытие**; бытие приписывается тварям только, а Бог всегда был и прежде всякого бытия. Твари изменяются, переходят с места на место, поэтому о твари и прилично говорить в многократном виде был еси, а относительно Божества глагол можно употреблять только в однократной форме: **бешше**. Таким образом, новые книги приписывали Божеству лишь временное бытие, начало и конец <...>. Вот к чему привело исправление. Исполнив все эти поправки, Соловецкая Челобитная приходит к такому общему заключению: «Все церковные службы утренние и вечерние, молебны и панихиды, словом сказать, весь чин и устав, всё, что содержит церковь Божия, всё это в новых книгах переменили, переделали и напечатали иногласно с преданием святых отцов и всю православную христианскую веру исказили. На свой разум богопротивный ссылаются они и на греческие книги; говорят, что в них написано именно так и печатают с них без рассмотрения, только бы было согласно с греческими книгами, а этими греческими книгами они православную веру до такой степени истребили, что в твоём Русском государстве прежней веры и следов не осталось, и эти новые учителя новой вере нас учат словно мордву или черемисов». Вот впечатления, вынесенные староверами из рассмотрения исправленных книг. Они доказывали неправильность этих исправлений и правоту веры старой. «Надо иначе креститься, всё, во имя чего мы крестились прежде, изменено, уничтожено, – говорили они, – надо совершать новые обряды, вступая в новую веру. Но в самом ли деле до такой степени неправа эта старая вера? А сколько угодников, святителей русских! и не подлежит сомнению, что они спасались старой верой, а у новых учителей нет ещё ни одного святого, на которого они могли бы указать, а вера старая имеет их целый сонм. Пока не-

поколебимо стояла эта старая вера, в Российском государстве всё было тихо и спокойно, а как начали изменять книги церковные, вводить римские обряды, так и пошли в государстве мятежи, начались грабежи, мор и недороды хлебные. Вот ещё новое доказательство правоты старой веры. Наконец, сколько людей с Востока, приезжая в прежние века в Россию, смотрели здесь церковные обряды и похваляли их; и патриарх Иерусалимский и другие не находили в церкви русской ничего еретического, а теперь всё оказалось ересью и неправильностью в старинных книгах; и кто же говорит о ересь и неправильностях в книгах? Приезжие греки, да нехаи из Киева (хохлы). Что это за новые учителя?» Вот отзыв Соловецкой Челобитной о современных греках. «Из греческих учителей, приезжавших в Россию, ни один не умеет лица перекрестить и без креста на шее ходят, а у нас и поселяне дивуются и говорят: учителями и пастырями зовутся, в чужую землю учить приезжают, а сами лба перекрестить не умеют; как же поселян учить будут? Им самим надобно бы приезжать в Русское царство учиться и навекать благочестию, чтоб потом в своей земле можно им было других учить. Эти греки, приезжая в Россию, заботятся лишь о том, чтоб побрать здесь побольше золота и серебра, а о вере православной вовсе и не думают». Вот заключение Челобитной.

Итак, русская церковно-национальная гордость была оскорблена исправлением книг церковных. Эти исправленные книги ставили учителей древнего благочестия в странное неловкое положение перед другими людьми. «Ныне, – продолжает Челобитная, – видя у нас смятение, многие иноземцы смеются над нами и говорят: "Вы православной веры христианской доселе не знали, а если и знали, то давно заблуждаетесь, потому что с прежними книгами, бывшими при старых царях нынешние не соглашаются ни в чём" и нам в ответ на эти их ругательства сказать нечего, потому что они за дело порицают нас, указывая на наше непостоянство. Мы должны от них уходить, молчать или говорить, что наша истинная вера от крещения земли Русской до Никона 700 лет стояла твердо и непоколебимо». Вот чувства и соображения, руководившие раскольниками в их борьбе с Никоновскими новшествами. Легко узнать здесь, в этих старообрядческих рассуждениях, действия тех двух особенностей умственной церковной жизни, какие характеризуют русское общество XVI и XVII вв. Очевидно, это те же нравственные пружины, какие мы заметили в богословских спорах XV в. о сугубой аллелуии и т.д. Надеюсь, что теперь мы можем дать более ясный ответ на вопрос о происхождении раскола: два с лишком века русские церковные умы были убеждены, что они единственные в мире носители и хранители благочестия, что все остальные погрязли в ереси и невежестве, всем миром овладел дьявол, одна Россия осталась неприкосновенной. Вдруг в XVII в. наехали греки и нехаи, навезли своих книг и стали осуждать книги русские; вслед за ними и владыки русской церкви стали говорить, что старые книги церковные никуда не годятся. Как никуда не годятся? А святители как спаслись? По каким книгам учились Сергий, Зосим и Савва? Разве их учили греки и нехаи? Да и в самом ли деле эти поправки заимствованы из старых книг? Это говорят греки; а вера их давно уже «Мухаметовой прелестью испраказилась». Вспомним одно место <...> Поставили Аввакума против вселенских патриархов, чтоб уговорить его отказаться от своей старой веры, и он так рассказывает об этом: «И волоча многожды в Чудов монастырь меня поставили пред вселенских патриархов и наши все туг же, что лисы, сидели: от писания с патриархи говорил много. Последнее слово ко мне рекли: "что де ты упрям; вся де наша Палестина и Сербы, и Албансы, и Валахи и Римляне и Ляхи, все тремя перстами крестятся; один ты стоишь на своём упорстве и крестишься двумя перстами; не подобает так"». «Вселенские учителя, – отвечал Аввакум, – Рим давно упал и не встает и Ляхи с ним-же погибли, до конца бывши врагами христианам, и у нас православие пёстро; от насилия Турского Магмета испортились и впредь приезжайте к нам учиться; у нас Божиею благодатью до Никона отступника в нашей России у благочестивых царей и князей всё было православие чисто и непорочно и церковь не мятежна».

Это старорусское верование наполняло русские умы ужасом и недоверием перед поправками. Люди, не умеющие перекрестить себе лба, султановы данники, римские со-

юзники приезжают к нам и учат вере словно мордву и черемисов, словно мы и не слышали о православной истинной вере. Это казалось горько и обидно людям древнего благочестия. Да и в самом-ли деле <...> не имели никакого основания? И вот русский софистический церковный ум начинает отыскивать в поправках недостатки, доказывать их ложность; в одном месте не находит нужной запятой, в другом союза и. Вся эта казуистическая ловкость, выработанная литературой XV и XVI вв. и разогреваемая церковно-национальной самоуверенностью, была обращена на отыскание и доказательство недостатков в церковных книгах и их поправок. Вот вся душа раскола, весь психологический процесс, из которого он вышел. Под расколом обыкновенно разумеют известное узкое понимание веры, известное расположение религиозного чувства, направленное на сохранение внешних обрядов. В таком смысле раскола вовсе не происходило, по крайней мере, в XVII в. он не происходил. Раскол – это Древняя Русь, это старорусское религиозное мирозерцание; оно всё целиком перешло в старообрядческую литературу со всеми своими нравственными интересами и казуистическими мудроплетениями. Если раскол есть разделение церкви, отделение известной части православного русского общества от иерархии **без всякой перемены в основаниях веры**, то в таком смысле можно начать его историю с XVII в.; но в таком ограниченном смысле раскол понимается редко. Но спрашивается, почему в старообрядцах мы замечаем такую привязанность к церковным обрядам, к букве писания? Не довольно объяснить это недостатком духовного или религиозного развития и образования; его было мало и в других церковных обществах, где, однако, не последовало ничего подобного нашему расколу. Самая привязанность к букве и обрядам объясняется церковным национальным чувством и тем софистическим направлением мысли, на которое я указывал как на отличительные особенности древнерусского ума. Вера есть известное душевное настроение, не более и не менее; она должна равномерно обнимать все силы души, проникать известным чувством все душевные силы и отправления, она должна искажаться, как только овладеет исключительно известным душевным отправлением; когда вера исключительно овладевает чувством, она производит религиозную сентиментальность, **пиетизм**; она производит **фанатизм**, когда овладевает исключительно волей, и софистическую церковную казуистику, когда овладевает одним разумом. Старорусское общество, по-видимому, отдавало в распоряжение веры лишь две духовные силы – ум и воображение. Никаких следов фанатизма или внутреннего религиозного умиления мы не находим в событиях и в литературных произведениях Древней Руси. Вот эти-то воображение и ум, односторонне захваченные верой, при содействии Византийских образцов и произвели наклонность к ухищрённым толкованиям, а сознание себя как единственных представителей православия заставляло древнерусских людей придавать преувеличенную цену и значение мелочам в богослужении и церковных книгах <...> Один из первых законоучителей раскола, дьякон Фёдор, в послании своём пишет о перемене текста одного члена символа веры; в ново-исправленном тексте читаем: **рожденна не сотворенна**, а в прежних изданиях было: рожденна, а не сотворенна. Вот дьякон Фёдор пишет: «Всем нам православным христианам подобает умирать за букву аз, оную же окаянный враг выбросил из символа веры. Великая зело сила в сим аз сокровенна». Вы не поймёте этой великой силы, если пропустите, что древнерусский человек считал себя единственным хранителем не только **аза**, но и всей буквы древнего православного благочестия.

Лекция 8-я

Раскольниковое движение 1682 г. Немецкая Слобода в Москве.

Жалею, что указав на происхождение раскола, не могу проследить историю его до Петра и рассказать раскольниковую смуту 1682 г. Вы можете прочитать об этом в 13 томе Соловьёва, в 1 томе Устрялова и в истории Русского раскола Макария. Кто хочет ознакомиться с нравственной силой, с упорством, развившимся в некоторых членах русского общества XVII в. в пользу раскола <...> тому я советую просмотреть статью Тихонравова о боярыне Морозовой. Я ограничусь немногими характеристическими чертами старообрядческого движения, чтоб показать результаты его накануне реформы. Отверженные собором 1667 г. от господствующей церкви, раскольники рассыпались в разные стороны в глухие места; в диких лесах и уединённых пустынях основали скиты, установили своё богослужение и отвергли не только господствующую церковь, но и государство, отказались молиться не только за патриарха, но и за государя. Поднятые против них гонения увеличивали лишь их силу и упорство; спустя несколько десятков лет они с гордостью могли указать на длинный ряд мучеников, украшенных чудесными видениями, и на другие поощрения нравственной силы. Стрелецкое движение 1682 г. открыло им случай заявить эту силу. Многие стрельцы были настроены в старообрядческом духе; начальник их, князь Хованский, объявил себя за старое благочестие. С помощью его старообрядцы подняли восстание против церкви. Главными виновниками этого восстания были московские мещане, или посадские люди; к ним примкнули, но не искренно, неохотно стрельцы нескольких полков; средоточием движения был стрелецкий полк, живший за Яузой в Чигасах Титов полк. Коноводами были несколько старообрядцев, собравшихся в то время в Москву из разных пустынь и скитов. 3 июля они с толпой народа приходили в келью патриарха, чтоб спорить с ним о вере; через день ещё с большей толпой, с крестами, хоругвями и иконами явились в Кремль, вошли в Грановитую палату и долго спорили здесь с царевной Софьей и с церковными властями. Оба эти церковных похода старообрядцев страшно уронили в глазах толпы авторитет высшей иерархии. На все вопросы патриарх отвечал одно: «Мы носим на себе Христов образ, и не вам, мирянам, нас учить!» Раскольниковый начётчик Павел Данилович, московский мещанин тихим гласом заметил на эти самоуверенные слова: «Это правда, владыка, что Христов образ носите и нам мирянам следует быть у вас и послушании, но Христос показал нам образ смирения, крепости и своими пречистыми устами сказал: "Посмотрите на меня, как я благ и смирен сердцем", а не учил людей он ни кострами, ни мечём». И властям нечего было отвечать на эти уроки. Народ ещё более махнул рукою на иерархию среди этого зрелища, устроенного старообрядцами; взирая на их суровые лица с надвинутыми клобуками, люди говорили «Не толсты у них животы, не то, что у этих новых учителей!» – Что ещё хуже, духовное правительство так же испугалось, как и светское, этого движения. Чтоб оторвать стрельцов от старообрядцев, Софья созвала вождей стрелецких и перепоила их. Эти стрелецкие пятидесятники и сотники, вернувшись в полки и встречаемые упреками товарищей: зачем пропили благочестие! – отвечали: «Что нам было делать? И царевна и патриарх со слезами говорили нам: "Не выдавайте нас и не променяйте государства на 6 чернецов"».

Смута, возбуждённая в русском обществе исправлением церковных книг, была самым глубоким движением в древнерусской жизни накануне реформы; новое дуновение, взволновавшее поверхность русской жизни XVII в. и затронувшее церковные обряды, встревожило массу боязнью новой латинской веры и на этом остановилось. Всё, что в народной жизни, в понятиях лежало глубже догматической софистики и церковной самоуверенности русских грамотеев, всё это осталось тихим и неподвижным по-прежнему. На

этом строе общественной жизни XVII в. я покидаю Древнюю Русь, на которой я долго удерживал наше внимание и обращусь к новой России.

Говорят, что древняя Россия была обращена лицом к Востоку, к Азии, а новая повернулась лицом к Западу, к Европе. Если так, то в то время, как она делала этот поворот направо кругом, она встретила у самых ворот своей белокаменной столицы передовую колонну Западной Европы – это была Немецкая слобода. Немецкая слобода с её обитателями встретит первая и будет долго сопровождать нашу реформу; поэтому я остановлюсь на ней и на некоторых подробностях её истории. Немец в общем смысле западного европейца романца или германца давно уже был знаком Москве. Воспитанная в религиозно-нравственном одиночестве старая Московская Русь никогда не уважала католической Европы и не стала уважать её больше с тех пор, как половина её стала протестантской; но Россия давно и охотно пользовалась западноевропейским миром и его изобретениями для житейских удобств – по древнерусским понятиям дьявол завладел западноевропейским миром и вовлёл его в тину грехов; вот почему древнерусский человек не удивлялся успехам немецких греховных хитростей; кому же, как не им, людям, вращающимся постоянно в грехах, и усовершенствоваться в этих художествах? И когда для древнерусского человека среди <...> наступала очередь греха, он охотно обращался к этим заморским хитростям, чтоб ими усладить и укрепить свою греховную земную жизнь и окунуться в море греховных наслаждений. Уже при Иване III всё, что было хорошего в Кремле, было сделано руками иностранных художников, начиная от пушек и кончая Собором; эти художники – Фиоровенти, Дебосис были выписаны из-за границы вслед за великой княгиней. В XVI в. в Москве охотно принимали иностранцев, знавших какое-нибудь мастерство или искусство. Особенно нуждались в Кремле в немецком **дохтуре** для царева здоровья. В первое время положение этих докторов было очень трудно и даже опасно. При Иване III один немецкий доктор был казнён за неудачное лечение старшего княжеского сына Ивана, а другого доктора-немца публично зарезали татары (с позволения царя) за то, что не успел вылечить татарского царевича. Но впоследствии, когда убедились, что медицина не всемогуща, стали в Москве обращаться с докторами вежливее. Боязливый царь Борис, вечно дрожавший за своё здоровье, имел 5 докторов-иностранцев, и все они получали хорошее содержание, имели поместья с крестьянами; им было выдано по 5 лошадей из царской конюшни, по 2 кареты для их жён, одним словом, замечает современник-иностранец, они были в такой части, что казались в Москве боярами и князьями. В обращении с ними, если верить тому же иностранцу, царь Борис отрешался даже от древнерусской церковной гордости, беседовал с ними часто о предметах религиозных и даже просил их молиться о спасении его души, так он трусил за своё здоровье и жизнь. Эта же трусливость заставила его быть ласковым и с другими иностранцами. В 159... г. он принял 35 ливонцев, бежавших в Россию от смут на родине, угощал их в своём дворце, обещал сделать их боярами и князьями, одев их жен в шёлк, золото и бархат, быть им не царем, а заботливым отцом с тем, чтоб они поклялись верно служить ему и его сыну и доносить обо всех лихих умыслах против царя; не доставало, чтоб царь Борис прямо потребовал от беглецов служить ему верно, когда понадобится действовать против русских.

Царь Пётр никогда не доходил до этого в своей привязанности к иностранцам. Дворцовая гвардия, оберегавшая царя Бориса, была составлена исключительно из иноземцев. Впрочем, уже в то время эти царские телохранители получили отличную боевую репутацию. В 1604 г. в битве под Новгородом Северским малочисленный отряд Лжедмитрия опрокинул бы огромную русскую рать, если б не поддержал иноземный отряд; и в следующем году в битве при Добрыничах они же поддержали колеблющуюся рать и решились победу в пользу Бориса. «Русские, – замечает один современник, – стали любить иноземцев, хвалили их мужество и говорили: знать, немецкий бог сильнее русского, ваших горсть устояла, а мы бежали». Признание превосходства иноземной рати заставило Московское правительство усиленно вербовать иностранцев в русскую армию. Начальником одного из отрядов, решивших битву в пользу Бориса при Добрыничах был француз-

ский капитан Маржерет, знаменитый бродяга, сначала служивший при Генрихе IV, потом бывший на службе у немецкого императора, у польского короля и, наконец <...> в 1600 г. ушедший на московскую службу к царю Борису, столь же верно служивший и первому самозванцу, но отказавшийся служить Василию Шуйскому. На короткое время завернувши на родину, Маржерет опять является потом в лагере второго самозванца, от него уходит к полякам, с ними является в Москву и в 1611 г., когда вся столица восстала для поляков, ловко поддерживает их, спасает от истребления и потом сжигает Москву <...> скоро он покидает поляков и снова предлагает свои услуги Москве, но Пожарский отказался принять странствующего рыцаря, который <...> «злее Литвы и литовцев проливает кровь христианскую». Где-то наконец сложил Маржерет свою буйную голову, одну из последних, носившую дух средневековых кондатьеров. Это лучший образчик западноевропейских авантюристов, являвшихся в XVII в. в Россию, потому я несколько и остановился на нём. Но Маржерет важен для нас и в другом отношении; живя в России, он зорким французским глазом осматривал Московию и, побывав на родине, составил превосходный очерк положения Московского государства в конце XVI в начале XVII в. Много драгоценных бытовых черт исчезло бы для нас без этого странствовавшего солдата-писателя.

У него мы встречаем известие об иностранном войске в Москве при царе Борисе. Он говорит, что оно состояло из 2 000 немцев, поляков и греков и что некоторые капитаны этих отрядов получали по 120 руб. в год денежного жалованья и поместья от 600 до 1 000 четей земли (четь – полдесятины), от которой пользовались доходом. Если этот оклад сравним с приводимым у него же жалованьем других служилых московских людей, то найдём, что простой иностранный капитан получал почти столько же, сколько думный дворянин (3-й чин Московской иерархии, следовавший за думным боярином и окольничим). Первый самозванец не доверял тоже русским и ласкал иностранцев не менее Бориса. Из них одних он составил свою гвардию, разделив её на три роты, командирами которых были француз, шотландец и ливонский немец.

Он платил им такое жалованье, что даже рядовые могли щеголять в бархатных кафтанах. Русские обижались, видя как иноземцы поднимали нос: «Знать нас царь не любит и нам не верит», – говорили они, косясь на этих заезжих баловней правительства. С окончанием смуты задержанный на время прилив иностранцев усилился и новое правительство столь же охотно как и прежнее принимало добровольных эмигрантов и выписывало нужных мастеров из Западной Европы. Число заграничных ратников было так велико, что для Смоленского похода при царе Михаиле набрано было 2 полка с 5 000-м наёмным отрядом, которые послужили впоследствии образцом при введении в русскую армию иностранного военного строя. При царе Фёдоре было в московской армии 63 полка иноземного строя, 38 полков солдат пехотных и 25 рейтарских; все полковники и большие офицеры были из иностранцев. Придворных докторов в XVII в. явилось так много, что для них было основано особенное правительственное место, Аптекарский приказ. Выписана была из Голландии при царе Алексее целая компания корабельных мастеров, и они построили корабль на Оке; вслед за ними выписали и иных мастеров. Правительство искало за границей разных навычных людей геометрии и небесному бегу (астрономии) и разным премудростям. Вслед за мастерами являются в Москву и промышленники иностранные. В XVII в., пользуясь давним правом беспошлинной торговли в России, существовало много торговых домов с иностранными фирмами, которые были здесь первыми основателями фабричной промышленности. Голландец Андрей Виниус основал железный завод близ Тулы. Два других иностранца, гамбургский купец Марселис и голландец Акма получили от правительства привилегию искать руду во всём государстве и потом основать железные заводы на Шексне, на Ваге и в других местах. Бархатный мастер Фимбранд завёл в Москве фабрику для выделки кож, а пушечный мастер Коэт основал стекольный и поташный заводы. Эксплуатация страны, мануфактурная деятельность, таким образом, завязалась уже в первой половине XVII в.

Сначала все приезжавшие в Москву иностранцы селились в столице разбросанно, где попало; лишь наёмные ратники, отличавшиеся разгулом, были сначала поселены в соседстве с стрельцами в слободе Наливках за Москвой-рекой. Москвичи не давали прохода, смеялись над их местом жительства и называли их пьяницами; вот почему они выпросили у царя позволения поселиться в другом месте и им отвели место за Земляным городком. В Китай-городе и Белом городе жили в разных местах иноземные доктора, мастера и купцы. Им здесь в царствование Грозного было дозволено даже выстроить немецкую кирку; но возникли неприятности, на которые обратило внимание правительство; этих иностранных купцов выселили за стену Белого города за Земляной Вал, и они выстроили там себе особенную слободу, которая стала зваться немецкой слободой с конца XVI в. При царе Борисе иноземцев-лютеран было так много, что прежняя церковь оказалась тесной и, шведский принц Густав, которого Борис прочил в женихи своей дочери Аксинье, выплотал позволение выстроить церковь обширнее. Бури смутного времени разметали московских иностранцев, и немецкая слобода опустела. Когда при Михаиле начался новый прилив иноземцев, они опять стали селиться в Москве рассеянно, преимущественно сосредотачиваясь за Москвой-рекой и на Покровке; на своих дворах они стали заводить маленькие кирки; тогда духовенство православной церкви обратилось к московскому правительству с жалобами, что эти немцы держат на своих дворах русских, оскверняют церковное служение и оттого пустеют их приходы. Случались и другие неприятные истории: иноземные купчихи негодовали на иностранных офицерш, своих бывших служанок, заводили с ними распри из-за мест в лютеранской церкви и раз даже дело дошло до драки. Патриарх велел перенести церковь из Белого города подальше.

Чтоб избежать подобных неприятностей, при Михаиле им позволено было построить одну общую церковь, которая и сделалась средоточием новой немецкой слободы. Царь Алексей указом велел выселить всех немцев из города и отвести им место в пустынном пространстве между Фроловскими и Покровскими воротами на правом берегу Яузы на то место, где была старая немецкая слобода. В несколько лет эта местность застроилась; лет 10 спустя она представляла уже маленький немецкий городок с частыми домиками, правильными улицами, большими садами и огородами. Эта немецкая слобода представляла самую пёструю смесь племён, вероисповеданий, состояний и занятий; здесь жили и иноземные генералы, и доктора, и мастера, и разные ремесленники, нужные русскому правительству. По вероисповеданию преобладали немцы-лютеране; один иностранец, бывший в Москве в 30-х годах XVII в., насчитал их в Немецкой слободе свыше 1 000 семейств. Затем следуют кальвинисты; у лютеран было 2 храма, у кальвинистов один; менее всего было католиков-французов и итальянцев; они не имели права на публичное богослужение. Все иностранцы говорят в один голос, что ни к кому москвичи не относились с таким недоверием, как к католикам. Многие иностранцы переходили в православную веру. Один иностранец времени Алексея Михайловича указывает на целое предместье Немецкой слободы – Басмановку, заселённое этими перекрестившимися иностранцами и называвшееся слободою перекрестною. В правление Софьи в Бутырском солдатском полку было уже 31 человек из иностранных, принявших православную веру. Все слобожане носили свои национальные костюмы; даже свою прислугу из русских или татар одевали по-немецки. Свита иноземных посольств, приезжавших в Москву при царе Алексее, нарочно ходила в Немецкую слободу, чтоб любоваться смешным видом дородных русских и безобразных татар, затянутых в узкую одежду. В Немецкой слободе жили весело, пиры и маскарады следовали один за другим; это сбродное население искателей приключений мало дорожило жизнью и предавалось буйству и разгулу; драки на пирах обычное явление в Немецкой слободе: но благодаря преобладанию немцев Слобода отличалась семейственностью; неженатых было очень мало, на них смотрели здесь как на непутных людей.

Таково было это преддверие Западной Европы, встретившее русских, когда они обернулись к Западу. Познакомив Вас с ним, я обращусь к воспитанию преобразователя.

Лекция 9-я

Детская Петра, игрушки его. – Учение.

Очерк первоначального учения русских царевичей до Петра в XVII в.

Курс словесного и письменного обучения. Царственные и потешные книги.

Библиотека царей XVII в. с Михаила.

Круг образования чисто церковный вначале постепенно расширяется и получает в конце XVII в. светский характер.

опять напомню Вам, что излагаю не историю Петра и его преемников, а происхождение, развитие и характер известного переворота в нашей народной жизни, совершившегося в конце XVII и начале XVIII вв.; этим объясняется неровность моего изложения, пристальное внимание к одним сторонам предмета и умолчание других. Обыкновенно реформы тесно связывают с лицом Петра, видят в них его личное дело, считают их созданием его творческого гения; в таком случае огромную важность получает биография его детства и юности, самые незначительные мелочи становятся важными историческими фактами, потому что в их сцеплении скрывается завязка и развитие той силы, которая перевернула всю нашу народную жизнь. Но странно: обыкновенно в большей части исторических повествований о Петре именно детство преобразователя изображено небрежно, мимоходом; повествователи говорят в своё оправдание, что до пятнадцатилетнего возраста (т.е. до того времени, о котором сам преобразователь начинает рассказывать о своей жизни потомству, раскрывает свои тайные думы), – нет средств следить за его душевным развитием; можно лишь догадаться о влиянии, какое имели на его детство окружавшие его лица и события. В 1719 г. Пётр написал записку «О начале кораблестроения в России» и здесь рассказал несколько автобиографических известий, относящихся к 1687 и следующим годам, т.е. к тому времени, когда автор был уже пятнадцатилетним юношей. С этого времени и начинается последовательный биографический рассказ о Петре у большей части повествователей. Но в 15 лет при своём очень раннем развитии Петр был почти зрелым человеком, почти сложившимся характером. Легко понять, почему историки, начиная всматриваться в него с этого времени, встречают в нём неожиданный и непонятный феномен, почему (говоря словами одного из них) внезапно из непроницаемой мглы он вдруг является перед изумленным потомством с несомненными признаками какой-то великой мысли, с живой любовью к науке и искусству, с стремлением к великим подвигам и – что ещё удивительнее, – с неодолимым влечением к морю. Одним словом, легко понять, почему: «лишь только история озаряет его своим светом, на величественном челе его нельзя не заметить великой думы, зародившейся в душе великого царя и которой впоследствии он остался верен всегда». Если остаётся неизвестной первоначальная обстановка, среди которой сложились первые впечатления и понятия преобразователя, то он, естественно, должен явиться изучающему его в таком неожиданном свете. Чтоб объяснить себе эту неожиданность, повествователи иногда ограничиваются положением, что Пётр получил воспитание совсем не похожее на воспитание его предшественников, и которое дало иное направление его мыслям и делам.

Я попытаюсь изложить с некоторою обстоятельностью историю первых лет жизни Петра.

Четырнадцатый ребенок у царя Алексея Михайловича и первый у царицы Натальи, Пётр родился в Кремле 30 мая 1672 г. Я пропускаю всю мифологию астрологических гаданий и предсказаний, которыми впоследствии окружили рождение и первые годы Петра, – весь этот непоэтический вздор, с помощью которого позднейшее поколение, изумлённое деятельностью преобразователя, старалось объяснить себе явление необыкновенного человека. Ни из чего не видно, чтоб воспитание Петра ведено было как-нибудь иначе, не так, как воспитывались его отец и старшие братья; ниоткуда нельзя заключить о существенной разнице в этом отношении, хотя мы не особенно много знаем о воспитании

предшественников Петра. Вот что говорит об этом известный подьячий Котошихин, избравший Россию в том виде, в каком он покинул её в середине царствования Алексея Михайловича. «По окончании года с удалением кормилицы к царевичу приставляли для досмотра мамку, боярыню честную, вдову старую да няньку и иных прислужниц. А как царевич будет лет 5-ти, и к нему приставят для бережения и научения боярина чеством великого, тихого и разумного, а к нему придадут товарища окольного или думного человека; также из боярских детей выбирают в слуги и в стольники таких же молодых, как и царевич. У каждого царевича свои хоромы и люди, кому их оберегать, особые. А до 15 лет и больше царевича кроме тех людей, которые к нему уставлены и кроме бояр и ближних людей видеть никто не может (такой обычай)» Интересно сопоставить это известие с словами одного иностранца, поляка, написанными во время его пребывания в Москве в 1671 до 73 г., следовательно, когда родился Пётр. Этот иностранец, Рейтенфельс, говорит, что царских детей содержат в уединении; они очень редко выезжают. Народу показывают лишь старшего, наследника престола и то на 16-м году, а прочие сыновья живут почти в монашеском уединении, от сидячей жизни становятся слабы и подвержены разным болезням. Лекаря думают, что и старший царевич, Алексей Алексеевич, умер от недостатка деятельности и движения. С некоторого времени, впрочем, на это стали обращать больше внимания, и царские дети в определённые часы каждый день стали заниматься разными играми, конной ездой, стрельбой из лука; зимой им делали ледяные горы, с которых они катались в санках и лубках, опираясь палками.

Дворцовые акты, относящиеся к первым годам жизни Петра знакомят нас довольно близко с обстановкой его детской. Здесь некоторые мелочи имеют свою цену, если не для биографии преобразователя, то по крайней мере для характеристики тогдашней педагогики. Едва минуло Петру год, как его детская стала заваливаться массой игрушек, и чем далее, тем больше она заваливалась. Уже в 1674 г. для него соорудили потешного деревянного коня с прорезными стременами и колесцами и обтянули его опоячной белой кожей, даже вымазали кожу маслом, чтобы сыростью не пахло, добавляет приказный акт. Потешное стульце на колёсах является уже с 8 месяцев жизни Петра. В 1678 г. ведено было сделать потешную деревянную бабу, куклу с серебряной цепью и серьгами. Очень рано в детской Петра являются разные музыкальные инструменты: цимбальцы маленькие с кистями, унизанные жемчугом и переплетённые в сафьянную кожу; цимбалы с играющими часами и большие цимбалы немецкого дела; рядом с ними «музыкальный страмент с стальными иглами». Все эти вещи могли, без сомнения, быть в детской и у прежних царевичей, но между ними есть одна, особенно напоминающая время Алексея Михайловича, столь любимого заморские потехи и художества: в 1674 г. для ребенка сделали «**клевикорды**», без сомнения, для того, чтобы развлекать его, а не учить музыке. Но особенно разнообразен был у Петра выбор военных предметов: разные копья, луки посеребрённые, знамена с изображением солнца, месяца и звезд, потешные барабаны и барабанцы, колчаны и стрелы с белыми перьями, которыми царевич забавлялся со своими сверстниками, стольниками. И здесь между военными игрушками встречаем мелочи, напоминающие работы взрослых людей конца XVII в.; в детской у Петра была очень хорошо представлена московская артиллерия: тут встречаем множество пищалей и пушек с лошадками. Если, таким образом, детская преобразователя была снабжена гораздо разнообразнее, чем у прежних царевичей, то по своим педагогическим приёмам она едва ли была хуже наших; я даже замечаю в ней одно преимущество: давая дитяти сладостное удовольствие разыгрывать обстановку взрослых, она не заставляла; всё, что было в этой детской, предназначалось для игры и ничего более; (ничего Фребелевского в ней не было); зато была одна особенность, которой нет у нас: около царевича мы встречаем целый придворный штат, представлявший довольно близкую пародию Кремлевского дворца; этот штат стольников, спальников, карл и других слуг состоял из сверстников царевича. Пётр, правда, не мог сказать о себе, как некогда Иван Грозный, что он не помнил, как вступил на царство; Пётр очень хорошо помнил, но только потому, что это вступление ознаменовалось событиями,

которые резко врезаются в память и запечатлеваются в ней навсегда; зато с самого раннего детства вся обстановка, люди, окружавшие его и с которыми он имел сношения, всё готовило его быть царём и никем больше; об этой обстановке нельзя было сказать того, что сказала Екатерина II о воспитании своего старшего внука его воспитателю: «Вы воспитываете в нём более, чем царя, вы воспитываете в нём человека». Но московскому двору XVII в. от этих дворцовых воспитателей и невозможно было требовать более правильной педагогики, может быть, впервые приложенной Вильгельмом Пруссим, удалившим из обстановки сына своего наследника всё, что могло напоминать ему о царском происхождении и будущем положении.

Чему и как учили Петра? Чтобы не подумать без основания, что его учили иначе, а не тому, чему учили прежних царевичей, я хочу сделать краткий очерк первоначального обучения царевичей в Древней Руси. Очерк этот тем более не будет лишним, что введёт нас в уголок древнерусской жизни, куда мы ещё не заглядывали и который поможет нам составить себе понятие о первоначальном обучении во всей Древней Руси. Это первоначальное обучение перешло целиком по своему содержанию и приёмам из среды духовенства к светским людям; мирян учили так же и тому же, чему и как учили людей, готовившихся к званию священнослужителей. Учение начиналось с азбуки, переходило потом к изучению порядка церковной службы, т.е. к часослову и заканчивалось псалтырью. В этом состояла вся программа начального обучения в Древней Руси. Эта программа была усвоена и московским дворцом. Учение начиналось с азбуки; азбуки в старой Руси становятся известны уже с начала XVII в., когда впервые их стали печатать; уже царь Алексей учился по печатной азбуке.

В 1637 г., когда его сажали за книгу, патриарх Филарет, его дед, подарил ему азбуку большой печати на одном столбце, напечатанную крупными буквами на одном листе длинной широкой лентой, подобно тому, как писали в приказах. Сохранившийся экземпляр азбуки того времени знакомит нас с их содержанием; за буквами, слогами и словами под титулом (б-ца, агл. и другие) в этой азбуке следуют молитвы, а потом краткое изложение православной веры в вопросах и ответах. Иногда к этой азбуке присоединялись и назидательные нравоучения преимущественно религиозного характера, расположенные в алфавитном порядке, начиная, например, с буквы аз: «Аз есмь свет всему миру» и тому подобное. Иногда в конце азбуки присоединяли приветствия, поздравления родителям и благодетелям на Рождество и другие большие праздники. Азбуку учили долго; изучение её замедлялось ещё тем, что вместе с усвоением букв надо было заучить наизусть всё её содержание – все молитвы и изречения, в ней написанные; от азбуки переходили к часослову, который так же долго изучали наизусть, от часовника переходили к псалтырю. Этим изучением наизусть объясняется, почему словесный курс продолжался несколько лет, например, царь Алексей начал учиться лет с пяти, в 1635 г., и только через три года мог оставить азбуку и перейти к часовнику, а через 6 месяцев к псалтыри. Изучением псалтыри собственно заканчивалось словесное учение, и лет около 7 начиналось обучение письму: для этого существовало особое руководство, скорописная азбука, в которой фигурно на разные почерки были изображены все буквы прописные и каллиграфные со всей тщательностью каллиграфического искусства, которое было доведено до совершенства в московских приказах. За буквами и здесь следовали разные назидательные изречения и загадки, служившие прописями. Приведу образчики тех и других из скорописной азбуки XVII в. – Эти изречения тоже расположены в алфавитном порядке, например, под буквой Х встречаем: «Храни свещу свою от ветра, сиречь душу от зла». Но странно, что рядом с этим дети должны были писать под буквой О: «Отврати лице твое от жены чужой и с ней много не беседуй». А вот одна из загадок для образца: «Стоит древо, имеющее красные цветы, а под деревом корыто; на дереве сидит птица, щиплет цветы и бросает в корыто, но цветов не умалается, а корыто не наполняется?» Вот что это значит: древо – свет мира сего, а ветви – народове, а цветы – человеци, корыто – земля, а птица – смерть.

Совершенно одинаково и тому же учили и девочек, по крайней мере так было в царском семействе. К учению приступали с молитвой, служили по этому случаю особенный молебен, так об одной из дочерей Алексея Михайловича встречаем известие, что слушала молебен в дворцовой церкви, потому что начали учить её заутрени, т.е. порядку церковных служб. Этим оканчивался собственно правильный курс словесного и письменного учения царских и других детей. Лишь некоторые из них, кончив этот курс, дополняли его изучением Библии, Евангелия и Апостольских деяний. О царе Алексее рассказывают, что через 3 месяца по приступлении к псалтыри он стал учить деяния апостолов. Вместе с словесным и письменным учением учили и пению, исключительно церковному; такое музыкально-церковное образование получил в XVII в. царь Алексей; на 8-м году он стал учить Октой (восьмигласник, заключающий в себе ежедневную церковную службу), а на 10-м году **страстное пение** (т.е. пение на страстной седмице). Для образования словесного и письменного обыкновенно выбирали учителя из подьячих Посольского или из других приказов; эти учителя были люди тихие и не бражники (не пьяницы). «Учат же только языку Русскому, а латинскому, греческому и немецкому и другому ученья в Московском государстве не бывает», добавляет Котошихин. Любопытно сопоставить с этими словами подьячего известие того же иностранца, где встречаем суждение о характере образования царских детей. Рейтенфельс говорит, что царские дети в Московском государстве не занимаются изящными науками, разве исключая энциклопедических сведений о предметах политических, научных и философских; зато они тщательно изучают и лишь на Отечественном языке быт и состояние своего государства и соседних держав, дух и потребности подвластных народов. «Надо отдать справедливость, – добавляет поляк, – что такое воспитание царских детей в России даёт им прекрасное направление и гораздо полезнее знания всех тайн философской премудрости и уроков заморских учителей». Не следует забывать, что это говорит поляк, а в Польше, как и в тогдашнем Московском государстве было очень обычно фанфаронство по отношению к западной науке. Но этим не оканчивалось обыкновенно образование в царском семействе, описанный курс был обычным в обществе подданных. Царевич не усваивал себе некоторые сведения, шедшие дальше часослова и псалтыри и даже имевшие с ними очень мало общего. В круг его образования даже в XVII в. входили предметы светского характера. Это дальнейшее образование приобреталось с помощью картинок. Царевич получал в руки иллюстрированные книги; это были книги царственные и потешные. Царственной книгой называлось иллюстрированное изложение отечественной истории, где под рисунками помещался краткий текст. Один отрывок такой царственной книги сохранился до нашего времени; по нему мы можем судить, что царь Алексей имел под рукой такое живописное изображение отечественной истории. В списках приказа находим известие, что в 1639 г. из Казённого приказа отдано было в Оружейный 5 книг царственных деяний в лицах, т.е. с картинками. Сведения о предметах житейских, о том, что ожидало царевичей в общественной и практической деятельности, сообщались им в разных потешных книгах, содержание которых было, вероятно, очень разнообразно; ни одна из них не сохранилась до нас, но уцелела программа одной такой книги, в которой изложены были рисунки, какими живописно должны были напоминать, к чему готовили царевича Алексея. В 1664 г. дано было приказание составить книгу с картинками для старшего царевича Алексея; в оглавлении рисунков находим прежде всего сцены и фигуры из военного быта: барабанщик, 2 трубача; двое пушку тащат, двое на конях с барабанами; плетут шанец, осыпь делают. Затем следуют изображения сцен гражданского и народного быта, например, как в бочку сало льют, на берегу раковины перебирают; потом птицы, звери, сцены птичьей охоты; есть рисунки, специально посвящённые детям: детей учат грамоте, дети перед мастером стоят, дети кланяются мастеру, дети за столом, дети виноград щиплют, дети едут в карете, в рыдване, на конях, дети бегают от зверя пешие и тому подобное. Вместе с потешными книгами, в которых изображались столь разнообразные предметы и сцены из обыденной жизни, мы находим в руках детей XVII в. своего рода беллетристику. Это были иллюстрированные сказки, на-

пример, *Бова Королевич*, *Рыцарь Роланд*, переведённый у нас в XVII в. с итальянского рыцарского романа. Эти царственные и потешные книги были и то время наиболее распространённым средством для светского образования; научного в них было очень мало. Нельзя, однако, думать, чтоб царевичам в XVII в. совсем не преподавались и светские науки; это видно и по библиотекам царей XVII в.; в библиотеке Михаила встречаем книги исключительно духовные -- закралась только одна светского содержания История Троицкого сидения (осады). В библиотеке царя Алексея в числе книг, большею частью духовных, встречаем и светского содержания: грамматику, лексикон. В библиотеке старшего царевича Алексея круг наук светского содержания расширяется ещё более; здесь находим: грамматики печатные и рукописные, лексикон славяно-греческий, другой славяно-латинский; 137 книг на разных иноземных языках; книгу Аристотеля, книгу о Монархии, книгу цифирную (арифметику), книгу размерную (геометрию), 11 книг описания земель, 14 листов описания разных земель (ландкарты) с 2 яблоками, изображавшими шар земной (глобусами).

Итак, первоначальный церковный круг образования Древней Руси уже с половины XVII в. стал заметно расширяться и получать светский характер.

Теперь мы перейдем к первоначальному воспитанию и обучению Петра.

Лекция 10-я

Первоначальное воспитание Петра. Зотов.

Первоначальное обучение. Отсутствие дальнейшего образования.

опреки мнению людей, думающих, что Петра воспитывали не так, как прежних царевичей, люди первой половины XVIII в. вводят нас совершенно в круг древнерусской педагогики, рассказывая о том, как стали учить Петра грамоте: его стали учить рано, с 5 лет, и совершенно по-старому. Его крестный отец, старший брат царь Фёдор, неоднократно говаривал царице Наталье: «Пора, государыня, учить крестника». Царица Наталья просила своего кума достать учителя кроткого и смиренного, сведущего в божественном писании, и как будто бы для полнейшего убеждения в истинно древне благочестивом настроении воспитателя Петра встречаем известие, что учитель был выбран человеком, от одного имени которого уже пахло старой Древней Русью – это был боярин Фёдор Соковнин. Вся фамилия Соковниных состояла из людей, приверженных древнему благочестию и даже придерживавшихся старой веры. Две родных сестры этого самого боярина Фёдора, боярыня Федосья Морозова и княгиня Авдотья Урусова, ещё в царствование царя Алексея заявили себя в неодолимой преданности расколу и были первыми его мученицами; их схватили, и царь Алексей подверг их суровому заключению в яме Боровского острога. В одном из посланий их наставника, протопопа Аввакума, находим любопытное о них свидетельство. Ободряя себя и других среди гонений, Аввакум говорит своей обычной неподражаемой речью: «Безумный, ну-ка воспрянь и исповедуй Христа сына Божия громко перед всеми. Что скрываешься? Ведь другого такого времени не дождешься, само царство небесное в рот валится, а ты всё откладываешь. Смотри, вот боярыня Морозова с своей сестрой Евдокией какие столпы великие были! Весь мир их не стоит; одних крестьян до 8 000 имели, одних домов <...>, а ныне вместо вызолоченных кроватей в земле заключенные сидят и мучатся за православную веру». Обе сестры и умерли в земляной своей тюрьме в Боровске. Почтительные братья их Фёдор и Алексей положили одну могильную плиту над сестрами и написали на ней свои имена. Алексей Соковнин сложил впоследствии свою голову на плахе за участие в заговоре против Петра во имя той же благочестивой старины, а брату его Фёдору назначено было выбрать учителя Петру; и он указал царю на мужа кроткого и смиренного и в грамоте искусного; это был Никита Моисеевич Зотов, подъячий из приказа Большого Прихода, или, говоря применительно к нашей административной терминологии, из Департамента неокладных Сбо-

ров Министерства Финансов. Весь рассказ о вводе Зотова в должность наставника царевича исполнен такой верности духу древнерусской жизни и быта, что не оставляет нам ни малейшего сомнения к характере зотовского преподавания. Соковнин привёл Зотова во дворец и оставил его в передней, а сам пошёл доложить о нём царю. Скоро из царских комнат вышел дворцовый служитель и громки спросил: «Кто здесь Зотов?» – При этом вопросе будущий учитель так оробел, что не мог сдвинуться с места, чтоб следовать на зов, и посланный должен был взять его за руку, чтоб ввести в царские комнаты. Зотов просил дать время ему придти в себя и, простояв немного, сотворил крестное знамение и пошёл в царские комнаты. Здесь, завидя царя, Зотов бросился ему в ноги; но Фёдор его принял ласково, пожаловал к руке и проэкзаменовал его в присутствии Симеона Полоцкого; учёный воспитатель царя одобрил и чтение, и письмо Зотова. Затем Соковнин отвёл одобренного учителя к царице Наталье, которая приняла его, держа за руку Петра и сказала: «Знаю, что ты человек доброжелательный и искусен в письме, отдаю тебе единственного сына на обучение». Зотов залился слезами и, от страха трясаясь всем телом, повалился в ноги царице и сказал: «Недостоен я, государыня, принять сие сокровище». Затем царица допустила его к руке и велела ему придти на другое утро. На следующий день пришли царь с патриархом, ослужили молебен с водосвятием, окропили ученика святой водой, благословили и посадили за азбуку. Зотов поклонился своему ученику в землю и начал курс своего учения. После этой сцены и не говорите, чтоб Зотов мог обучить своего ученика каким-нибудь заморским или латино-римским политическим мудростям. По словам Котошихина, в учителя царевичей выбирали людей тихих и не бражников, а что Зотов был человек тихий, за это ручается его приказный чин; но говорят, что он не удовлетворял другому условию и любил выпить. Несмотря на это, я не разделяю почти единодушного отзыва историков, что Зотов был из рук вон плохим учителем; они жалуются на подьячего, что он не мог обучить своего ученика ничему сверх чтения и письма, ничему такому, чего он и сам не знал и не был способен получить нравственное влияние на питомца; жалоба совершенно неосновательная, во-первых, потому, что педагоги XVII в. не только у нас, но и на Западе ещё не умели учить тому, чего сами не знали; тем менее этого можно было ожидать от человека, который всю жизнь провёл, сгибаясь над перепиской казённых бумаг, над отчётами государственных доходов с погребов, мясных лавок, кабацких сборов и тому подобное, а потом вдруг получил указ быть учителем в царских хоромах – от человека, который терял память от страха в царских чертогах и кланялся в ноги своему ученику, от такого человека требовать, чтоб он овладел внутренним нравственным ростом ученика и направил его на неведомые тогдашней Руси пути – это требование по меньшей мере безбожно. У меня не хватит духу упрекнуть Зотова за то, что он не был творческим педагогом, чем-то вроде Песталоцци. Да и, наконец, его звали во дворец не для воспитания, а только для выучки грамоте; и Зотов по мере делал то, что ему было заказано, пользуясь всеми наличными средствами древнерусской педагогики. Он преподавал Петру словесное учение, т.е. прошёл с ним азбуку, часовник, псалтырь и даже апостолов. Согласно с приёмами древнерусской педагогики всё это, разумеется, было взято на зубок. Впоследствии Пётр был как у себя дома на клиросе, пел и читал не хуже любого дьячка; о нём рассказывают, что он мог наизусть читать любое место из Евангелия и Апостолов. Совершенно в таком же духе и порядке учили царя Алексея и старшего его сына Фёдора; так же учил Зотов и Петра; но этим не ограничивалось его преподавание; он старался воспользоваться и системой наглядного обучения. Ученик учился охотно и понятно; в досужие часы любил слушать разные рассказы и с любопытством смотрел книги с рисунками зверей и боевых сцен. Это не ускользнуло от внимания Зотова, и он донёс об этом царице Наталье; она велела выдать из казны все иллюстрированные исторические книги, заказаны были даже новые рисунки мастерам живописных дел в Оружейной палате. Из дворцовых актов 79-го и 80 гг. видно, что для семилетнего царевича раскрашивали шафраном потешные тетради или писали золотом и красками на большом александрийском листе 12 месяцев, солнечные и небесные беги, что-то вроде миниатюрного астрономического атласа. Под руково-

дством Зотова была составлена целая коллекция потешных тетрадей с множеством рисунков, изображавших самые разнообразные предметы: дворцы, военные корабли, боевые сцены и тому подобное и разные исторические события в лицах с прописями, т.е. иллюстрированные сказки и повести текстом; одним словом, всё то, что, как мы видели, составляло содержание наших старинных царственных потешных книг, служило в детской Петра живописной энциклопедией XVII в. Весь этот запас иллюстраций, изготовленных самими лучшими мастерами, Зотов расположил по содержанию в разных комнатах царевича. Но Зотов не был и не мог быть приверженцем педагогического правила учить до головокружения; лишь только он замечал, что царевич утомлялся за азбукой или псалтырью, он брал у него из рук книгу и начинал рассказывать что-нибудь о деяниях Алексея Михайловича, Ивана Грозного и даже возводил его до более отдалённых эпох Дмитрия Донского и Александра Невского. Среди этих бесед он водил царевича по комнатам и показывал ему изображения предметов и лиц, о которых шла речь, внушал ему, что это необходимо знать для государя. Впоследствии взрослый Пётр не обнаруживал особенной любознательности и интереса к отечественной истории и едва ли согласился бы с Зотовым, что знакомство с нею нужно государю; но кто знает, может быть, без Зотовских бесед он не имел бы и тех скудных сведений о родной старине, какие сохранились в его памяти среди военных походов и планов преобразования, которыми он был занят впоследствии. И на том спасибо подьячему! Мы достоверно знаем, что Пётр прошёл с Зотовым полный курс древнерусского образования, т.е. и словесное, и письменное, и церковное пение и впоследствии он умел и любил петь на клиросе по нотным и церковным книгам. Не может быть, чтоб он учился медленнее или хуже отца своего, а мы знаем, что последний на 10-м году учился страстному пению, значит, оканчивал свое образование. Надо думать, что и Пётр окончил свои занятия с Зотовым около 10 лет; это время падает на начало 82 года, на страшные майские и июльские события этого года. Действительно, с этого времени мы уже не встречаем более Зотова около Петра. Закончив программу своего преподавания, почтенный подьячий, а теперь уже дьяк удалился на покой. Спрашивается, учился ли Пётр чему-нибудь дальше? Мы знаем, что его старший брат, познакомившись с русской грамотой, приобрёл дальнейшие познания. Алексея учили и науке цифирной, и науке размерной, и описанию земли, и иностранным языкам. И для царевича Фёдора образование далеко не было закончено одним только обучением грамоте и письму. С удалением подьячего мастером около него стал учёный монах Симеон Полоцкий, сочинения которого дают понятие о содержании его уроков. Может быть, моё выражение покажется вам забавным, но я хотел сказать, что Симеон Полоцкий преподавал Фёдору курс государственных и политических наук в объёме того времени. Все свои лекции он излагал виршами или силлабическими стихами; они неуклюжи и наивны, но в них есть любопытная сторона; в понятной стихотворной форме Симеон Полоцкий излагал Священную историю, Ветхий и Новый Заветы, историю Римской империи и тому подобное. Вместе с тем он сообщал своему ученику сведения о государстве, об обязанностях государя, о потребностях и об отношениях подданных к государю, о значении примера государя для жизни подданных. Если угодно, это была политическая энциклопедия того времени. Мысли, подобные тем, какие находим в сочинениях Симеона Полоцкого, занимали голову царевича до вступления его на престол по смерти отца, до 15-го года его жизни. Этого дальнейшего образования, занятий собственно образовательных мы не встречаем в жизни Петра; вообще о промежутке 1682–88 гг. биографы преобразователя ничего не умеют сказать. Это время является у них пробелом; между тем именно это время было особенно важно. Припомните, это было время, когда Пётр переживал от 11 до 17 лет своей жизни; в это время обыкновенно впервые пробуждается самосознание, впервые начинают действовать самостоятельно душевные способности, освобождаясь от влияния и зависимости, в которой их держали непосредственные впечатления окружающего. В это время пробуждается нравственное чувство, складываются и определяются отношения к людям и окружающим предметам. Именно в это время около Петра не было никакого руководителя, даже Зотова.

Очень трудно объяснить, каким образом Наталья не позаботилась о дальнейшем образовании своего единородного сына. В прежнее время она сама принадлежала к либеральному кругу московского общества. Новые вольнодумные стремления были ей внушены её воспитанием и, по-видимому, развились благодаря мужу. О ней есть свидетельство иностранца Рейтенфельса, который говорит, что в первое время замужества царица Наталья жила веселее и свободнее прежних цариц; она хотела даже отступить от старинных обычаев московского придворного церемониала; известно, что царицы не показывались на глаза народу; они выезжали в закупоренных наглухо экипажах; царица Наталья решилась однажды раскрыть дверцы своей кареты; это произвело ужасное впечатление на москвичей; ей растолковали, что не следует так делать, и она впоследствии не повторяла более подобного опыта. Всё это заставляло бы нас ожидать от неё особенной заботливости о воспитании сына. Можно различно объяснять отсутствие этой заботливости. Петра начали учить в царствование Фёдора. У старшего брата Алексея может быть, учитель был и не лучше, чем у Петра, но зато около него стоял образованный дядя, Ртищев, основавший с своими нехаями (киевские монахи) что-то вроде Академии наук близ Нескучного в Андреевском монастыре. Этот Ртищев и руководил образованием старшего царевича и составом его библиотеки. У Петра встречаем двух дядек, это были свойственники его, Стрешневы, люди, о которых нечего сказать ни хорошего, ни дурного. Можно было бы ожидать влияния на воспитание Петра со стороны Матвеева, но он был в далеком изгнании во всё царствование Фёдора, время детства и юности Петра, а лишь только появился в Москву в 1682 г., он погиб во время стрелецкого бунта, и снова царица Наталья осталась без руководителя, а главное, со своими семейными заботами. Мы знаем причину и характер этих забот, ненависть против падчерицы и интриги против Кремлёвского дворца. Наталья принимала участие в подготовке стрельцов к новому мятежу в то время, когда они шли спорить с патриархом о новой вере. Вот чем можно объяснить эту небрежность дальнейшего образования Петра. Итак, Пётр получил совершенно старинное первоначальное образование, но оно было дано ему в худшем виде, чем его старшим братьям; притом, это первоначальное обучение не сопровождалось дальнейшими школьными занятиями. Между тем предоставленный самому себе в указанный промежуток лет, он жил среди впечатлений, которых, без сомнения, не испытывали его старшие братья. Не нужно много воображения, чтоб составить себе понятие о той сфере, которая окружала его в юности, о характере тех душевных разговоров, которые раздавались в комнатах царицы Натальи: жалобы, сетования и пересуды – вот содержание разговоров, слышанных Петром с ранних лет. «Змея подколотная власть украла и теперь Бог знает что делать с Васькой (Голицыным) и Федькой (Шакловитым)» Все эти Васьки и Федьки должны были рано звучать в ушах Петра и оставлять в нём впечатление злости. С другой стороны, можно думать, что не раз заходила речь о необходимости образования. Царица Наталья должна была хорошо знать, чему и как Артамон Матвеев учил сына своего; у Андрюши был учителем образованный грек, учивший его греческому и латинскому языкам. Этот Андрей был тут постоянно на глазах, служил стольником у Петра. Важным сановником при Петре был князь Борис Голицын; он правил делами двора вместо царицы, он был постоянно на глазах у Петра, и дети Бориса учились у поляка греческому и латинскому языкам. Все эти примеры должны были сделаться известными и Петру. Наконец, вспомните, что это была сфера, в которой ещё не могли умолкнуть речи, поднятые при царе Алексее; не могли забыть ещё того, что говорил Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, что надо учиться тому, что хорошо у других, что это вовсе не стыдно. Здесь хорошо ещё помнили о хлопотах, употреблённых при царе Алексее для сооружения русского морского флота. Иноземцы, явившиеся в Москву вместе с переведёнными книгами, и постоянно выписываемые немцы составляли около молодого царя (с 1682 г.) круг понятий и интересов, совершенно не похожий на тот, в котором воспитывался царь Алексей и вообще царевичи XVII в. Наконец, самые игры Петра, все эти заморские хитрости **страменты** и **клевикорды** должны были постоянно напоминать Петру о немцах, о заморском, о хороших сторонах того и другого.

Все эти впечатления должны были ложиться на Петра тем резче, что мы знаем несомненно о раннем и несколько болезненном развитии Петра. Что он развит был не по летам, об этом свидетельствуют многие. В 1683 г. его видел и говорил с ним один иностранец. Представлявшийся обоим царям в качестве посла. Петру было 11 лет, но иностранец Кемфер давал ему не менее 16; ошибиться в этом возрасте на 5 лет всё равно, что ошибиться на 20 лет при определении возраста сорокалетнего человека. Очень много можно привести в объяснение этого скороспелого развития Петра; без сомнения здесь действовала живая впечатлительная натура, но обстоятельства детства могли только содействовать этому быстрому развитию, а как мы видели, эти обстоятельства были раздражающего свойства. Пётр осиротел очень рано; ему было едва 3 года, когда он лишился отца; лишь только он стал сознавать себя, стал отдавать себе отчет в окружающем, он должен был считать себя изгнанным, опальным царевичем; наконец, страшные сцены 1682 г. могли произвести сильное потрясение и в очень здоровом взрослом человеке. Всего интереснее, что приведённое свидетельство о 16 годах одиннадцатилетнего Петра относится год спустя, к времени стрелецких мятежей. Другое иностранное, к сожалению, очень краткое свидетельство подтверждает, что это раннее развитие сопровождалось болезненностью Петра. Один француз, бывший в Москве после Кемфера слышал, что с Петром делались припадки падучей болезни. Это было, вероятно, последствием сильного нервного расстройства, впоследствии сказавшееся в постоянном трясении головы и в непроизвольных гримасах лица. Это быстрое развитие болезненного свойства должно было делать молодого человека особенно восприимчивым к внешним впечатлениям. Все, что неясно ложилось на его мозг и нервы в первые детские годы, все толки, жалобы и суждения, всё это всплывало в нём с течением времени и указывало предмет и цель будущих занятий. Таковы были условия первоначального развития Петра. С 1688 г., когда он обращается к более правильным занятиям, с этого времени в нём является и развивается мысль о преобразованиях и новшествах. По мере того, как эта мысль развивалась и уяснялась в нём, и мы будем следить за ходом и ростом внутреннего его развития.

Лекция 11-я

Дальнейшее развитие Петра с 1683 до 1688 г.

Игорный характер его занятий не изменяется до Азовского похода.

Потешные полки – крепость Пресбург – эскадра на Переяславском, потом на Белом море. Практическое направление действий Петра.

ледя за занятиями Петра с 1683 до 1688 г., мы видим, что он продолжал свои прежние потехи; игорный характер его занятий, по-видимому, не изменился ни в чём. В 1683 г. для него ещё делают потешных коней; в 1685 г. для него готовят военного человека с мечом в руке, военную куклу; в том же году выписывают для него из-за границы потешных ворон и обезьян; одним словом, мысли Петра сосредоточены на тех же предметах; но при этом он ведёт необыкновенно подвижную жизнь. До 1683 г. он, по-видимому, исключительно жил в Москве вместе с царицей Натальей. Но с 1684 г. начинаются его ежегодные частые путешествия в подмосковные сёла. Он посещает Измайлово, ездит к Троице, в Коломенское, особенно часто в Преображенское. Имея в виду его возраст, нельзя не подивиться этой подвижности. Например, в начале 1685 г. мы его видим в Преображенском, апрель, май, июнь в Коломенском. В июле является в Алексеевском, затем до сентября опять живет в Коломенском и отсюда едет в село Воробьёво, в октябре живёт в Коломенском. Среди всех этих поездок он не расстаётся со своими игрушками, часто забегает он в большую мастерскую казну, где были собраны разные и главным образом военные редкости. Здесь он вращается среди луков золочёных, нарядных пищалей, пушек, знамён и других военных принадлежностей; все эти вещи переносили в его хоромы, и его комнаты обращались в арсенал; десятки, сотни ру-

жей, луков, знамён и тому подобных вещей наполняли его жильё. Со всеми этими вещами он не расстаётся в своих поездках даже на богомолье, которое цари обыкновенно предпринимали осенью; Пётр отправлялся с большой свитой к Троице, в Калязино и другие обители, а затем на нескольких возах везли всю эту бронь и разные военные снаряды. В приказных актах того времени есть одна характеристическая черта, указывающая на вкусы Петра: в 1686 г. на Пасху вместо красного яйца ему подарили нож булатный, вероятно иноземной работы. Спрашивается, учился ли он чему-нибудь в это время? Зотова мы уже не видим возле него – едва ли Пётр учился чему-либо в это время; правда, в числе вещей, требуемых к царю, мы видим книгу огнестрельную, глобус большой (который отдали потом в починку иноземному часовщику), зрительную трубу – вот и всё, что заставляет предполагать о научных занятиях Петра в это время, но может быть, эти вещи требовали тоже для игры, а не для руководства при занятиях; но мы видели, что Пётр учился не по книгам. В числе вещей, требуемых из мастерской казны, мы встречаем шахматную доску и все принадлежности кузнечного мастерства. В своих путешествиях он берет с собою массу свинца и пороха, он учился стрелять. Одним словом, в это время он приобретал практические сведения, необходимые для хорошего солдата. С 1688 г. для него началось правильное учение, хотя и продолжалось короткое время; ему пошел 17-й год. Есть остатки его детских занятий, по которым можно судить о его ученической деятельности, о степени его развитости в это время. После него остались учебные тетради, ведённые в 1688 г. уже семнадцатилетним юношей; мы видим по этим тетрадям очень малое знакомство с русской грамматикой; Зотов не сумел обучить его хорошенько письму; Пётр не всегда, например, умел отделить одно слово от другого и делал невероятные ошибки правописания, слово стрелять он пишет таким образом: **сътрелять**; и ты ставь – **итыстафь**, поверка – поверка. У последнего подьячего XVII в. вы не встретите подобных ошибок; кто сделал бы их, ни одного дня не удержался бы в Московских приказах. В тетрадях находим собственноручное изложение Петра правил геометрии и арифметики; из этого изложения видно, что он прилежно занимался математикой, но по способу изложения, по развитию и приёмам мыслей легко заметить, что умственная работа была для него ещё непривычным делом; он рассуждает и выражается так, как в наше время не будет рассуждать и выражаться и четырнадцатилетний юноша. В 1688 г. он совершенно случайно начал заниматься математикой. Везде отыскивая редкости, он встретился в 1687 г. с князем Долгоруким, отправившимся во Францию в посольство. Разговаривая с Петром, Долгорукий сказал, что у него был верно завезённый каким-нибудь иноземцем дивный инструмент, да жаль, украл; можно было им брать дистанции издали, не подходя к месту. Долгорукий говорил об астролябии, не умея её назвать. Пётр заинтересовался игрушкой и заказал Долгорукому привезти этот инструмент из Франции. В мае следующего года астролябия была в Москве, но Пётр ничего не мог с нею сделать; послали за иноземным дохтуром, но и он ничего не мог сделать, а сказал, что знает сведущего человека и привёл голландца Франца Тиммермана. С ним Пётр стал заниматься математикой и прошёл арифметику, геометрию и увлечённый своими вкусами перешёл от чистой математики к прикладной; стал заниматься фортификацией и артиллерией. Учитель его был не знаменитый учёный; вероятно, учился в какой-нибудь элементарной школе, не знал основательно ни прикладной математики, ни военного искусства и успел уже давно забыть и отвыкнуть от занятий; преподавая ученику, сам делал ошибки, свойственные людям, давно не занимавшимся подобными предметами. В указанных учебных тетрадях Петра есть собственноручные выкладки Тиммермана; иногда он пропускает в умножении одного множителя, в другом месте у него выходит $4 \times 5 = 24$ и тому подобное. Но очевидно, что Тиммерману при усердии ученика удалось вложить в него основные правила математических и военных наук. Впрочем, эти занятия длились не долго. Наталья женила Петра в 1689 г., затем следует ссора с царевной и бегство Петра к Троице. Когда всё успокоилось, Петр возвратился к своим потешным занятиям, которые и теперь не теряют игорного характера; они становятся только сложнее, растут вместе с играющим. Тут явилась вокруг него целая компания товарищей, потешных –

соратников, из которых впоследствии образовалось два полка, Семёновский и Преображенский; самые их названия указывают на то, что они образовались из товарищей его игр, окружающих его в двух подмосковных сёлах – Семёновском и Преображенском. Из того, что рассказывают о происхождении этой компании, мало верного и ясного. Уже с 1683 г. у Петра являются конюхи, служившие у его потешных лошадей; в 1686 г. Пётр берёт этих конюхов из конюшенного ведомства и причисляет их к мастерскому приказу в качестве придворных пушкарей. Эти конюхи, сначала в числе 7, и являются первыми преображенцами, первыми солдатами сформировавшегося впоследствии полка; все они принадлежали к низшим дворцовым чинам и из них-то выйдут потом некоторые сотрудники преобразователя, например, князь Меншиков и др.

Но очень рано в числе сверстников и товарищей Петра при его детских играх являются люди знатного происхождения: Бутурлин и Голицын в 1686 г. записались в барабанную науку к Петру. В 1689 г. всё чаще встречаем Петра в Преображенском; здесь он проводил большую часть своего времени; здесь же развивались его военные экзерции. Из потешных ли книг или из рассказов окружавших его людей, но во всяком случае ещё раньше знакомства с Тиммерманом Пётр занимался практической фортификацией. Учение с Тиммерманом началось в 1688 г., но уже в предыдущем году явился в Преображенском потешный городок, для которого из столичной палаты отпускали красного сукна для покрытия скамеек; впоследствии здесь, на берегу Яузы, возникла земляная крепость, построенная Петром – **Пресбург**, на которой он упражнялся в штурмах. Скоро военные упражнения Петра усложнились следующим открытием Живя в Измайлове, бегая по дворам, Пётр забрался раз в сарай деда Никиты Ивановича Романова. Здесь среди старого хлама он увидел изломанный ветхий ботик английской работы, и когда Тиммерман сказал, что такой ботик может даже ходить против ветра, то Пётр велел его починить и спустить на Язу. Приглашён был для этого другой голландец, Карштен-Брандт, который потом должен был строить заморские корабли в миниатюре сначала на Москве-реке, затем на Измайловском пруду и, наконец, на Переяславском озере. В таком виде и порядке развивались потешные занятия Петра; их дальнейший ход до Азовского похода не представляет особенного интереса. В 1690 г. у Петра и потешных его сотрудников был бой с стрельцами; при этом бросали горшки с горючим материалом. Один из таких горшков разорвало возле Петра и опалило ему лицо так, что он был болен и мог возобновить свои занятия только осенью. В конце следующего года был другой примерный бой; образовалось две армии, русская из потешных сотрудников Петра и польская – из стрельцов. Русской армией командовал генералиссимус, звали его Фридрихом, это был стольник и сверстник Петра. князь Федор Ромодановский; в русской армии в числе ратников значился ротмистр Пётр Алексеев; он отличился, взял в плен генералиссимуса неприятельского, а один из сотрудников его, ближний стольник князь Иван Дмитриевич Долгорукий, волей Божией отошёл в вечность, он был ранен среди боя в правую руку. В том же году Пётр отправился на Переяславское озеро, чтобы осмотреть свою эскадру. В июне 1693 г. с трудом выпросившись у матери, Пётр в первый раз увидел море в Архангельске с иностранными кораблями. В 1694 г. Пётр получил свободу в своих занятиях; 25 января умерла его мать; он три дня плакал, тосковал, на 3-й вечер он отправился к Лефорту и пропировал до утра. В том же году был знаменитый Кожуховский поход с потешными солдатами, они штурмовали село Кожухово. В следующем году Пётр отправился в настоящий Азовский поход – этим первым серьёзным делом оканчивается его юношество, и деятельность его принимает серьёзный характер.

Я передал вам столько отдельных мелких черт и так беспорядочно, что боюсь, вы не вынесете никакого ясного и цельного представления из моего рассказа о детстве и молодости Петра; поэтому все изложенные черты я хочу собрать и обобщить так, чтобы вам стали ясны главные моменты в духовном и нравственном развитии Петра, главные влияния, под которыми слагался его характер. Отправляясь в Азовский поход, царю было уже 23 года; если не цельный характер, то основные черты должны были сложиться и остаться

в том виде навсегда. Мы видели, что Пётр получил первоначальное воспитание совершенно древнерусское; если и не худшее, то, без сомнения, более древнерусское, чем его старшие братья. Отсюда-то вынес Пётр свои старорусские замашки, старорусский образ мыслей и понятий, которые впоследствии вместе с умением спеть на клиросе и прочитать наизусть апостолов так резко сквозят через его иноземную одежду, сквозь его голландско-московскую речь и понятия. Но это первоначальное образование не продолжалось даже в том виде, как это было с старшими братьями. Никакой Симеон Полоцкий не пришёл сменить подьячего Зотова, чтобы присоединить к псалтырю и часовнику общественные и нравственные уроки. К тому же некоторые обстоятельства помогали излишней свободе Петра, содействовали тому, что он был очень рано предоставлен самому себе нравственно; десяти лет его объявили царем среди общества, в котором не умели отличать взрослого царя от царя-недоростка. Что ещё хуже, рано отданный на жертву своим впечатлениям, этот царь воспринимал их живее, чем это следовало нормальному человеку. Особенности его природы вместе с событиями его детства были всегда опасной, преждевременной зрелости. Нервы его были потрясены прежде, чем настало время их деятельности; в нём были возбуждены и раздражены чувства раньше, чем он встретился с предметами, которые должны были возбуждать и раздражать их. При всём этом и нервные движения, и сердечные чувства работали в нём усиленно при совершенной неразвитости умственной. Свободный и праздный, он отдался весь неутомимой деятельности без плана и определённой цели и, по-видимому, увлекаемый лишь внешними впечатлениями и детским инстинктом. Но время, в которое он рос, дало и план и цель его занятиям. Он вырос в древнерусской среде, но совсем не в той, в какой росли его деды. Это было время серьёзное, с большими заботами и большим запасом новых интересов и понятий. Эти интересы и понятия временно были выше и лучше детских инстинктов Петра. Лишь только стал помнить себя, он видел у себя в руках заморские игрушки; лишь только стал понимать всё, что говорилось вокруг, он видел людей, с любовью говоривших о Западе, о необходимости учиться и подражать, особенно в делах ратных. Вот Пётр без руководства и беззаветно отдавался этим воспоминаниям, которые всплывали в нём всякий раз, как только он встречался с напоминающим явлением; известие о заморской игрушке – астролэбии заставило его учиться цыфيري и геометрии; встреча с ботиком деда подняла в нём ряд детских воспоминаний о маленьких кораблицах, стоявших среди его игрушек в его детской комнате, о флоте и кораблях иноземных, столь занимавших людей, близких отцу и матери его. Затем потешные полки с потешным городком на Яузе, эскадра на Переяславском озере, потом на Белом море, Кожуховский поход – всё это было последствием той же игры. Быстро переходя от предмета к предмету, от впечатления к впечатлению, молодой царь соединял их по указанию одной своей играющей фантазии. Этот характер забавы не оставляет его занятий до 1695 г. Это просто недогадка; и впоследствии сам Пётр признавался, что до Азовского похода у него сверх игры на уме ничего не было. Вы, может быть, спросите, откуда происходила эта страстность, эта столь продолжительная игра? От неравномерного развития разных способностей Петра; он перестал учиться, когда другие ещё учатся, зато он играл тогда, когда другие уже не играют. Мы обыкновенно вступаем в круг действительных предметов с школьной скамьи, здесь набираемся чувства и впечатлений прежде, чем встречаемся с вызывающими их предметами. Наши знания благодаря школе превышают наш опыт; когда мы с этим знанием встречаемся глаз на глаз с действительными предметами, в нас происходит перелом, около 17, 18 лет. Столкновение это не всегда оканчивается благополучно; иные гибнут при этом внутреннем нравственном переломе, но зато кто выходит из него целым, выходит с крепким умственным и нравственным закалом, тот выносит в себе нравственную устойчивость, которая руководит человеком всю его жизнь. У Петра не было ни этой предварительной подготовки, ни этого перелома; он перешёл в жизнь незаметно для самого себя, прямо из детской, от игры к делу; чем более он рос, тем более мужала его игра, и если эта игра была хорошим делом, то в этом виноват был не он, а время. Время наполнило детскую голову Петра мыслями о флоте, фортификации, а что в

этих занятиях принадлежит Петру, это их игорный потешный характер. Пётр подступал к делу без всякой теории, с плохим знанием грамоты, с одной технической подготовкой. Но эта особенность его роста и развития положила на него печать, заметную в продолжении всей его последующей жизни. С ранних лет он видел себя в кругу массы предметов, рассеивавших его мысли. Эти предметы изошрили его глаз, упражняли его руки и очень мало давали времени подумать, заглянуть внутрь себя и развить в себе мышление, из которого обыкновенно складываются нравственные отношения и понятия, духовная сторона человека. Слишком долгое обращение среди пушек, знамён, пищалей, всех этих практических предметов, рано сделали искусными его руки, метким его глаз; привычка преимущественно к внешним впечатлениям развила в нём внешнюю жизнь. Впоследствии, как вы увидите, не было мастерской, где бы Пётр не был как у себя дома, не было занятия, за которое бы схватился Пётр и которое не сработало бы хорошо. Но зато он никогда не задавал себе вопроса о нравственном отношении к предметам и лицам. По натуре он был очень добрый человек, в нём были хорошие чувства, но это не было вследствие работы над самим собой. В своих указах иногда он смело берётся рассуждать об отвлечённых предметах, но каждый чувствует, что это не кузница, не корабельная верфь для него, что он тут не дома, он чувствует себя неловко и часто впадает в противоречия. Дальнейшая история его жизни есть лишь развитие этих особенностей. Чтобы проследить за ними, мы пойдем за Петром в его заграничной поездке, мы увидим, что его будет там интересовать, какие мысли возбуждает в нём Западная Европа; затем, вернувшись вместе с ним домой, мы займёмся рассмотрением его законодательных распоряжений и преобразований.

Лекция 12-я

Пётр за границей.

1694 г. кончились потехи Петра, иначе говоря, занятия его утратили прежний потешный шуточный характер, но они остались те же; навеянные взрослыми заботами XVII в., они делаются серьёзные и постепенно превращаются в действительное дело; так из игры в солдаты с сверстниками Пётр образует постепенно 2 полка; это два первых регулярных полка – Семёновский и Преображенский. Из детских моделей корабликов, извлечённых из Большой Оружейной казны постепенно выходит Переяславская эскадра, а потом и Воронежский флот; с этим войском и эскадрой был взят Азов. Взятие Азова могло утвердить в Петре и близких его людях убеждение в пользе и применимости его детских забав. В это время сложилось обычное общество Петра, не покидавшее его до самой его смерти. По своему характеру и составу это общество было странное и пёстрое. Оно состояло из людей своих и чужих, необходимых по военному и морскому делам. Здесь были Гордон (иностранец генерал), Лефорт, инженер Брюс и переводчик Посольского приказа, Андрей Андреевич Виниус, без которого Пётр не начал бы Северной войны; англичанин Кревет; здесь были и свои русские ученики: Ромодановский, Бутурлин, Репнин, Матвеев и др.; это была известная всем компания Петра, с которой он работал и пил. Главою её был наименее рабочий и дельный человек, но зато великий мастер устраивать пиры и балы, это Франц Лефорт. Среди обычных занятий и пиров до 1696 г не заметно в Петре интереса к правлению; он стоит вдали от правительственных дел, создает себе собственные заботы и очень мало занят делами боярской думы и другими правительственными учреждениями. Мы знаем, что другие русские царевичи XVII в. росли и воспитывались в дворцовом тереме; Петр вырос и воспитывался большей частью на улице, бегая по дворцовым подмосковным дворам – это большая разница, но не следует забывать и одного сходства в его воспитании с воспитанием прежних царевичей; подобно им окружённый своей компанией и Пётр держался в стороне от русского общества и даже от тогдашнего правительства; так же мало принимал участия в его заботах и развивал в себе охоту и вкус к ним. Мало того, в конце 1696 г. Пётр задумал совершенно поки-

нуть русское правительство, ехать за границу. Мысль этой поездки, её форма, мне кажется, легко объясняются самым развитием занятий Петра. Для вновь заводимого флота понадобились мастеровые. По окончании Азовского похода заложен был на Воронежской верфи новый флот в гораздо больших размерах, чем прежде; надобны были капитаны и мастеровые и всевозможные корабельные мастера; их надо было выписывать; в немецкой слободе было много иностранцев; там можно было найти рядовых солдат и сухопутных офицеров, но здесь было мало людей, знавших морское дело. Их выписали из Голландии, но это были люди чужие. Надо было эту отрасль военного дела, столь полезную и даже необходимую, утвердить в России; эту мысль выразил сам царь впоследствии в предисловии к морскому регламенту: «Доблесть военного дела утвердить в России умыслил царь и ввести искусство этого дела в народе своём». Решено было обучить своих мастеров, и прибегли для этого к давно известному средству: взяли стольников и спальников царских в числе 50 и послали за границу учиться архитектуре и искусству корабельному. Эти стольники и спальники были люди знатные – Голицын, Долгорукий, Шереметев и т.д. Из них каждый должен был привезти особое свидетельство от заграничных мастеров, что прошёл успешно заказанную науку, а кто вернется без свидетельства, тому грозило отобрание имущества.

Всё дело поездки за границу было подготовлено просто, обыкновенно <...> Странно было бы, если б он сам не подвергся этой заграничной выучке, на которую он осуждал своих подданных. Была готова и форма, в которой можно было предпринять эту поездку. В то время мы вели европейскую войну; может быть, впервые пристягнулись крепко к политическим делам Европы; мы были членами Священного Союза, во главе которого стояла Австрия, большая часть Германии, Венеция. Этим и воспользовались, чтоб снарядить посольство за границу для общих всему христианству дел, в ослабление врагов Креста Господня, султана Турецкого и хана Крымского. В свиту этого посольства решился замешаться Пётр инкогнито, чтоб избежать торжественных встреч, угощений, равно как и любопытства праздной толпы, и заняться под шумок своим любимым делом в приморских городах. Он взял с собой и некоторых товарищей, это были его давнишние знакомые, Преображенские бомбардиры, все люди незнатные, с которыми он начал свою работу в Преображенском, продолжал её на Переяславском озере и потом в Воронеже. В число этих волонтеров, к которым примкнула и молодежь знатных родов, замешался и Пётр в качестве десятника Петра Михайлова. Можно было бы предпринять эту заграничную поездку и в более простой форме, но такой формы не придумали, и Пётр отправился в путь с посольством, во главе которого были Головин, Лефорт и думный дьяк Возницын. Это путешествие любопытно для нас, как один из самых важных моментов в жизни Петра. Он готовился в первый раз увидеть воочию Западную Европу. Рассказы, слышанные им в детстве о Западе от вывезенных из Голландии плотников, должны были только усилить внимательность, с какой царь относился к увиденным им явлениям западной жизни. Русский за границей – это до последнего времени было любопытное для Запада явление; нас встречали везде с удивлением, с улыбкой, смотрели как на диковинку, а кончили тем, что привыкли и стали смотреть равнодушно. Старая Россия относилась очень надменно к католическому миру; Европа платила ей тем же. В Москве всех иностранцев готовы были считать басурманами. Когда посольство приехало в Ригу и остановилось у одного трактира, русские были окружены любопытной толпой; из которой Пётр слышал такие слова: «Да вы что за люди? Христиане, что-ли вы? Слышно, что вас в хлеве крестить будут». В конце XVII в., когда усилились эти поездки, совершаемые прежде с целью религиозной или дипломатической, взгляд этот меняется. С конца XVII в. начинается ряд записок русских путешественников о впечатлениях, испытываемых ими в Западной Европе. Мы не имеем полного и подробного описания того, что испытывал и думал Пётр за границей, какое впечатление произвела на него Европа. Чтоб объяснить это, не мешает узнать, что думали и чувствовали другие русские, вместе с ним отправившиеся за границу. В том же году, когда выехал Пётр, в другую сторону, на Вену, выехал из Москвы другой русский, уже

пожилой человек и знатный боярин Борис Шереметев, знаменитый впоследствии фельд-маршал. Он поехал, как и Пётр, с специальной целью изучить военное дело; он был главнокомандующим в Азовском походе, приобрёл уже в то время репутацию опытного воеводы. С большой свитой отправился он на Краков; в числе дворовых людей, взятых и путешествия, встречаем Алексея Курбатова, впоследствии известного деятеля по финансовой части. Кто-то из этой свиты, неизвестный по имени, вёл дневник путешествия, очень монотонный, сухой и скучный, но интересный как образчик того, с какой стороны русские смотрели на то, что встречали за границей. Вот, например, описание Ольмюца: «Ольмюц город хороший и крепость крепкая, хорошая, и часы на ратуше премудрые».

Из Вены Шереметев поехал на Венецию, где жили и учились два брата Шереметева, отправленные туда Петром. Из Венеции отправились в Рим, были в Падуе; по-видимому, люди, ехавшие с ним, интересовались не одними домами и строениями; вот что находим в дневнике: «Падуя – город великий и строения в нём старые; в костеле лежат мощи Святого Антония, и академия доктурская преславная». Заехали в Лорето, здесь с любопытством осматривали домик, принесённый ангелами из святой земли, в котором жила пресвятая Богородица. В Баре внимание путешественников было занято обрядом чествования мощей Святого Николая Чудотворца. Были они и на острове Мальте; рыцари мальтийские понравились им и, по-видимому, сам Шереметев произвёл на рыцарей приятное впечатление. Он был принят в состав мальтийского ордена. Вот всё, что можно найти в дневнике людей, проехавших довольно медленно от Кракова до Мальты и обратно до Москвы; и если дневник хорошо отразил впечатления путешествовавших, то эти впечатления чисто внешние – они заметили хорошие города, школы докторские, большие строения, некоторые обряды, святых и только.

В то же время записал свои заграничные наблюдения в Италии другой стольник, отправленный в 1696 г. за царевичем Алексеем и впоследствии ставший известным дипломатом – Пётр Толстой. У Толстого наблюдения были шире и острее, чем у неизвестного спутника Шереметева. Его останавливали не одни внешние формы западной жизни, не одни церкви, монастыри и строения; он следил за общественной жизнью, за её характером и настроением. Любопытно, что поражало с этой стороны русского XVII в. В Варшаве он был поражен, увидя на улицах в открытых экипажах много дам и девиц и заметил, что они это делают **без зазора**. Ещё более удивился, увидев за прилавками в магазинах жен и дочерей богатых купцов. Приехав в Венецию, он был поражён, что не встречается пьяных. Ещё более он удивился, что не возбраняются публичные увеселения. Люди веселятся, и начальство не мешает им, все ведут жизнь веселую, беспечную, но не кричат, не бранятся на улицах, ведут себя скромно. Народ живёт спокойно, без усиленного труда и без тяжких податей. В Неаполе Толстой зашёл в суд, следил за процессом и удивлялся, что тяжущиеся говорили скромно и учтиво, без крика и брани, не таком, как он привык видеть в московских приказах. Достаточно этих отрывков, чтоб характеризовать первые впечатления русских, когда в первый раз они просто и свободно увидели западный мир.

Теперь мы будем следить за путешествиями Петра. В г. Риге посольство обидели благодаря натянутым отношениям между Стокгольмом и Москвой, здесь русских обобрали и обругали, губернатор не позволил Петру осмотреть крепость. Затем они очутились в Кенигсберге, где посольство встречено было торжественно; Пётр, приехавший раньше, занялся обычным делом; отыскал себе к прусской армии учителя, который с удивлением заметил, как такая понятливая особа ищет его указаний и содействия. С ним Пётр прошёл теорию и практику артиллерийской науки и приобрёл такое искусство, что учитель его, подполковник Штерфельд, (Соловьев, 14 том, 251 стр.) впоследствии прислал ученику аттестат, в котором говорилось, что в самое короткое время Пётр оказал такие успехи, приобрёл такие сведения, что везде за опытного, осторожного, благоискусного, мужественного и бесстрашного огнестрельного мастера почитать быть может. В Кенигсберге Пётр оставил некоторых своих волонтеров для обучения тому же искусству. Курфюрст угостил Петра по-приятельски фейерверком, маневрами и боем в зверинце. Отсюда Петр быстро

двинулся в Голландию, главную цель его путешествия. Вот почему немецкие впечатления оставили в нём мало следов. Правда, в Германии в это время можно было на многих остановить серьёзное внимание, особенно во владениях курфюрста Бранденбургского. Это было время серьёзного научного и литературного движения в Германии – это было время Лейбница. В Ганне недавно был основан университет; впервые профессор Томазиус в Лейпциге заговорил с кафедры по-немецки, оставляя старую латынь. Шпейер своими лекциями и проповедями в Ганне и Берлине вносил в нравственную и религиозную жизнь такое направление и такие идеи, из которых впоследствии вышел пьетизм. Но всё это стояло в стороне от Петра. Зато около Гальберштадта он внимательно осматривал железные заводы. Совсем не по-немецки, а скорее по-французски во главе этого умственного и литературного движения в Германии стояла дама – это была знаменитая Софья-Шарлотта, – её салон в Берлине был предшественником французских салонов 2-й половины XVIII в., здесь собирались все знаменитости без различия наций и состояний; здесь замечательного чем-нибудь человека искали с жадностью и со страстью, с какой библиоман ищет редкую книгу. Эта Софья-Шарлотта, жившая в то время в Ганновере у матери, много наслышалась о Петре и, получивши известие, что он едет без всякой свиты, не утерпела, чтоб не посмотреть на новую замечательность в ином, не берлинском вкусе. Вместе с матерью, необычайно живой и подвижной 60-летней старушкой, они двинулись в местечко Копенбрюгге наперерез Петру. Я не знаю, передавать ли вам подробности этого свидания. О нём там много говорено в исторических сочинениях, что вы можете везде прочитать о том, как русский гений встретился с блестящими немецкими звёздами. Некоторые черты имеют значение для характеристики Петра, и я не могу не передать их. Его едва уговорили на свидание с дамами; наконец он согласился, но только без посторонних свидетелей и прошёл к ним с заднего крыльца; он в первый раз явился перед европейскими женщинами и срезался страшно. Когда он вошёл и к нему обратились с комплементами и расспросами, он растерялся, закрыл лицо рукой и отвечал: «Ich kann nicht гречески», потом разговорился, оттаял и в продолжении 4 часов заблокированный нескончаемой болтовней Пётр в свою очередь удивил дам развязностью, живостью, умением говорить и находчивостью ответов. Обе дамы посвятили его за ужином во все тайны салонной образованной болтовни. Пётр не остался в долгу, он был развязан и любезен с дамами; согласился чтоб вошли придворные курфюрстыни и к концу ужина угостил их московской сценой – напоил их. Заперев двери залы, он велел подать большие стаканы, и все должны были выпить по 3, 4 стакана вина, не было исключения и для курфюрстынь, они должны были пить по-московски, залпом. После ужина был импровизированный бал, в котором принимал участие Пётр. Вечер кончился для Петра тем весёлым и растерянным состоянием, в котором человек не знает, что делает. Это свидание интересно потому, что курфюрстыни записали впечатление, произведённое на них Петром. Этому отзыву придают такое важное значение, что я нахожу необходимым на нём остановиться. В числе слухов о Петре принцессы верно узнали о некоторых странностях его наружности; в то время Пётр был ещё красив и не имел той вялой и изношенной физиономии, какую он приобрел впоследствии, но у него уже тогда тряслась голова и он бесцельно размахивал правой рукой. Вот что пишет дочь: «Я представляла себе его гримасы хуже, чем они на самом деле и удержаться от них не в его власти. Видно также, что его не выучили есть опрятно, но мне понравились его естественность и непринужденность». А вот что пишет болтливая и остроумная мать: «Царь высокого роста, у него прекрасные черты лица и благородная осанка, он обладает большой живостью ума, ответы его быстры и верны. Но при всех достоинствах, которыми одарила его природа, желательно было бы, чтоб в нем было поменьше грубости. **Это государь очень хороший и вместе очень дурной**; в нравственном отношении он полный представитель своей страны. Если б он получил лучшее воспитание, то из него вышел бы человек совершенный, потому что у него много достоинств и необыкновенный ум».

Вот всё, что сказали важного обе курфюрстыни. С тех пор это выражение «очень хороший и вместе очень дурной» стало паролем, эпитафией всех историков Петра. Вы

видите, что общий тон этого отзыва благоприятный; легко видеть мотивы, руководившие этим отзывом. Вдруг едет из России оригинальная диковина, неотшлифованный алмаз, самоцветный камень, дитя природы – и вот дамы изучают его, рассматривают, экспериментируют его характер – он составляет истинное лакомство для пресыщенного, испорченного вкуса образованного мира. И вот изучение это дало благоприятные результаты; они Бог знает что думали, боялись, что Пётр заставит их закрыть лицо руками, но ничего не бывало, вместо того они увидели умного молодого человека, застенчивого, но под конец уже очень развеселившегося.

Эта приятная неожиданность соединилась с другим приятным чувством – дамами приложено было над этой замечательностью четырёхчасовое усилие и все приемы, развитые и испытанные в берлинском салоне, и царь доставил дамам удовольствие чувствовать себя выше и умнее этой замечательности. Вот где я нахожу источник этого приятного чувства и хорошего отзыва о Петре. Но что они сказали? Что он человек очень хороший и очень дурной и что при хорошем воспитании он был бы человеком совершенным. Но про всех нас можно сказать, что мы очень хорошие и вместе очень дурные, а при лучшем воспитании вышли бы лучше, это ещё небольшая похвала. Вот всё, что находим. Хотелось бы встретить более полную характеристику.

Из Коппенбрюге Пётр поехал дальше, опередив посольство, он спешил в Голландию; это была первая страна, где он хорошо узнал жизнь Западной Европы. Впечатления, встреченные им там, определяют взгляды и отношения Петра к западной культуре. Вот почему следует остановиться несколько обстоятельнее на пребывании его в этой стране, на том, что он видел и чувствовал там.

Лекция 13-я

Пребывание Петра в Голландии и Англии

водя Вас в подробности заграничной поездки Петра, я прошу не забывать, что здесь одинаково важно то, что он замечал и чего не замечал; последнее даже иногда важнее первого для истории его понятий. Во многих отношениях Голландия XVII в. была очень замечательной, даже единственной страной в Западной Европе. Ничтожная низменность в каких-нибудь 640 метров, эта страна в то время развивала чрезвычайные экономические и нравственные силы. Прошло каких-нибудь 100 лет со времени её освобождения от испанского ига, и в это короткое время свободного существования она сделала такие культурные успехи, до которых не достигали другие страны Европы и в длинный ряд веков. В её университетах блистали первые знаменитости, на её почве мыслил Спиноза, Гуго-Гроций был её политиком и творцом нового государственного международного права; её мастерами были Ван-Дик и Рембрандт; и всё это были не искусственные оранжерейные плоды, какие удавалось выводить в других странах Европы ценой больших усилий и казённых издержек в размере <...>

Полёт политической жизни в Голландии шёл совершенно в уровень с её общественным и экономическим движением; в ней была стройная конституция, какой не существовало в других странах континента. Голландский флот бороздил по всем морям; где не было голландских факторий? Сама Англия в XVII в. не могла соперничать с Голландией в широте торговых предприятий; голландский торговый флот и последние десятилетия XVII в. транспортировал 18 млн. центнеров товара, тогда как за это же время груз английского флота не превышал 5 млн. В самой стране с невероятной быстротой основывались громадные капиталы на самых отважных предприятиях. Эта болотистая страна была высушена, изрезана каналами, обработана и покрыта фабриками. Пример Голландии заразительно действовал и на другие страны Европы.

XVII в. был эпохой развития государства, вышедшего из развалин феодального и церковного общества средних веков. Идея государства, как идея общего блага, была давно

готова, был готов и её двигатель – верховная власть, но не был ещё построен новый государственный механизм, не было рычагов, с помощью которых действует этот двигатель. С половины XVII в. начинается техническая выработка государства, создание его форм; этими формами, разрушившими феодальную жизнь, была регулярная армия, однообразная администрация, финансовые науки, открывшие новый источник доходов для двора, и, наконец, полиция, ставившая граждан в известные рамки общественной дисциплины. До того времени государство действовало ещё старыми приёмами, средневековыми. Теперь явились другие приёмы действия и другие руководящие цели в обществе; теперь вопрос о вывозе и привозе сделался важнее вопросов догматических и религиозных, контрабанда преследовалась более, чем ересь. К такому политическому построению подходило как нельзя более направление Голландии. Сложившееся здесь убеждение, что материальное развитие государства – единственный путь для общего и частного благосостояния, перешло и в другие государства Западной Европы, отсюда вышла эта коммерческая, или меркантильная политика (как она зовётся в литературе), спекулирующая, холодно рассчитывающая по приходу-расходным книгам, какой отличалась вторая половина XVII и чуть ли не весь XVIII в. Главным вопросом народного благосостояния делалось количество податных душ и квадратных миль. В такую минуту политического направления попал Пётр в Западную Европу. Въехав в Голландию и погрузившись в душную атмосферу фабрик и дыма, Пётр почувствовал себя дома. Здесь он воочию увидел то, о чём думал и что видел только в миниатюре в Москве или Преображенском. Понятно, что он принялся за дело с энергией. В красной куртке, белых шароварах и лакированной шапке начал он работать на верфи сначала в Саардаме, потом в Амстердаме. При нём заложили и он начал строить фрегат, в свободное время он ходил по всем мастерским, какие его занимали. Трудно собрать в стройную группу все его впечатления и наблюдения в Голландии. Журнал его путешествия прерывается именно на Голландии.

Мы должны всюду собирать его впечатления – он осмотрел все сукновальни, бумагопрядильни и все мастерские, раскинутые по берегам Амстердамского залива. Он был везде, где он мог поучиться новому ремеслу, всё, что было замечательно своим техническим совершенством, было предметом его напряжённого внимания. Профессор Рюйш заинтересовал его своими анатомическими лекциями. В Лейдене заглянул в знаменитый анатомический театр Бохргава. В Голландии у Петра нашлись знакомые: главный из них был амстердамский бургомистр Витзен, приезжавший в Россию при Алексее Михайловиче и описавший юго-восточные окраины России. Этот-то Витзен стал ментором Петра при изучении технических работ в Голландии – он показывал ему госпитали, воспитательные дома, фабрики и прочее. Пётр учился здесь и гравированию. Чтобы дополнить круг голландских впечатлений Петра, позвольте прочесть вам несколько выдержек из журнала одного из тех дворян-волонтёров, которые были отправлены за границу по распоряжению Петра (к сожалению, имя его неизвестно); по всей вероятности, это был один из Долгоруких. Он бегло и сжато передает всё, что интересовало его в Голландии: «В Амстердаме был в доме, где собраны золотые, серебряные и всякие иные руды и образцы, показывающие, как роятся алмазы, изумруды и прочие камни, самородное золото и разные морские вещи. Там же видел метальника (акробата), который чрез 3-х человек, перескоча на лету, обернётся головой вниз и станет на ноги. Видал у доктора анатомии кости, жилы и мозг человеческий, сердце, лёгкие и прочие внутренности в спирте сохраняемые и от многих лет потленные. Видал тоже кожу человеческую, выделанную толще бараньей; кожа, которая на мозгу, вся в жилах, а из косточек, кое в ушах, иные совсем похожи на молоточки. Там же видел великое собрание редких и предивных жуков и бабочек. В Амстердаме показывали мужика, совсем безрукого, который в карты играл, из пищи стрелял, брил себе бороду, в стену бросал шпагу и писал ногою»; и т.д.

Изучение корабельного дела в Голландии не вполне удовлетворяло Петра: здесь плохо знали теорию архитектуры корабельной; это опечалило Петра. Один англичанин указал ему на Англию, где хорошо знали эту отрасль морского дела. В начале 1698 г. Пётр

отправился в Англию и пробыл там 3 месяца, работая сам на корабельной верфи в Дент-форде. Журнал путешествия описывает довольно подробно это пребывание русского посольства в Англии; в нём есть любопытные черты. Я их приведу в том непосредственном виде, в каком читаем их в журнале: «15 января вечером были в комедии.

- Января 16. Были дома и веселились довольно.
– 27. Был десятник на дворе, на котором всякие денежные вещи.
– 31. Были у Андр. Стельса, у него кушали и приехали домой веселы.
Февраля 7. Был десятник на дворе, где всякие инструменты видел
– 12. Ходили на двух яхтах в Улвич.
– 19. Ходили на маленькой яхте.
Марта 2. Ходили на двух яхтах в Улвич и веселились.
– 3. Ходил на парусах часа три.
Марта 6. Был десятник в Улвиче, смотрел лабораториум, где огнестрельные всякие вещи и наряжают бомбы.
– 9. Была у нас великая женщина 4 арш. после обеда, которая протянула руку и, не наклонясь, десятник под руку прошел. Ездил десятник верхами на астроному».

Очень редки замечания вроде: 2 апреля: **Были в парламенте**. Вот всё, что можно собрать наиболее важного в заграничных наблюдениях и впечатлениях Петра. Из Англии он проехал в Вену, хотел отсюда отправиться в Венецию для изучения итальянского корабельного искусства, но присланные вести о стрелецком бунте заставили его вернуться в Москву. Легко догадаться, с каким расположением духа ехал Пётр домой и какое настроение мыслей и чувств создали в нём заграничные наблюдения. Всё, что он здесь видел, должно было произвести на него обаятельное, одурачивающее впечатление. Следя за этими впечатлениями по запискам, невольно вспоминаешь слова Гоголя о том, как в детстве он выезжал в незнакомый город – здесь всё одинаково интересовало его – и шлагбаум, и церковь, и некрашенный забор; так и внимание русского за границей в XVII в. скользило бегло без утомления по всем разнообразным диковинкам, какими была изукрашена западная жизнь. Впечатление это в Петре должно было быть тем сильнее, что он не мог заглянуть на обратную сторону этой жизни, за кулисы этого блестящего зрелища цивилизации. Тогда и в западноевропейском обществе едва были заметны первые попытки критики; блеск этой цивилизации ещё не был замаран философской чернильницей XVIII в.; вся культура ещё не представлялась выкрашенной гробницей, над которой Руссо потом отпоет отходную. Вся обстановка, к которой Пётр привык дома, должна была производить на него большое уныние и всё, что он нашел в России по возвращении, должно было показаться ему ещё противнее. В Москве было мною иностранцев в то время, некоторые из них оставили заметки о первых днях по возвращении Петра из-за границы, в них легко заметить то состояние его души, когда он воротился домой. Он приехал 25 августа в Москву, не заглянув в Кремль, не выдав семейства, он поспешил повидаться с некоторыми знакомыми, преимущественно в Немецкой слободе; вечером пировал у Лефорта, ночевать уехал в Преображенское. На другое утро приехали представиться царю старшие бояре; он встретил их с ножницами и обрезал им бороды собственноручно. Передавая им заграничные впечатления, царь заговорил о польском короле, который, несмотря на свою пустоту и беспорядочность, очаровал Петра. «Вы все, – сказал Пётр боярам, – и каждый в отдельности не стоите его одного, не потому что он государь, а потому что он умеет привлекать к себе людей».

27-го Пётр сделал своим войскам смотр и увидел (по словам Корба), что им ещё много недостает, чтобы считаться настоящими солдатами; показывал сам, какие движения и повороты должно делать, потом, соскучившись зрелищем этого беспорядочного необученного войска, уехал к Лефорту и пропировал до глубокой ночи среди криков и пушечной пальбы. 1 сентября, в день нового года, был пир у Шеина, на который сошлось много бояр и простых матросов; Пётр забыл о первых, говорил больше с последними, на-

делял их яблоками, звал своими братьями. Он чувствовал себя весёлым лишь среди иностранцев; присутствие русских наводило на него скуку и раздражение. Эта раздражительность дошла до крайней степени – он не мог выносить малейшего сопротивления. На пиру у Нарышкина, разговорившись о сравнительных достоинствах разных государств, Пётр высказался нелестно о Польше. Присутствовавший польский резидент заметил на это, что и в Московии тоже происходит много предосудительного. Пётр вспыхнул: «Если б ты был моим подданным, я бы тебя давно послал к тем, что качаются на виселице! Я знаю, на кого ты намекаешь». Уезжая в Воронеж, Пётр устроил пир у Лефорта. Перед обедом было заседание Думы очень важное, и Пётр продолжал говорить о делах за столом; при этом Пётр был в таком раздражении, что давал волю не только словам, но и рукам. На пиру у полковника Чамберса царь рассердился за что-то на Лефорта, свалил его на землю и начал топтать ногами. Другой раз Меншикова избил в кровь. Это настроение, ещё усиленное розысками стрельцов, объясняется одним письмом царя, адресованным к Виниусу из Воронежа. Вот замечательные слова этого письма: «Мы слава Богу, зело в изрядном состоянии нашли флот и магазен. **Только ещё облак сумления закрывает мысль нашу, да не укуснеет сей плод, яко фиников которого насаждаючи не получают видеть. Обоche надеемся на Бога с блаженным Павлом: подобает делателю от плода вкусити**». (Соловьев, 14 т., с. 290).

Пётр отправился в Голландию с очень специальной целью: обучиться всему, что нужно знать хорошему плотнику; по крайней мере так объясняет он сам цель этой поездки в предисловии в регламенте о флоте. Но он там видел такие результаты тамошней науки и жизни, что вернувшись домой, увидел всю неизмеримую даль пути, какую надо пройти, чтобы стать в уровень с этой жизнью; им овладело сомнение, неуверенность и вместе озлобление. Из этого соединения заграничного очарования с домашним разочарованием и раздражительностью и объясняются первые реформы Петра, произведенные по возвращении из-за границы, над которыми так бились исследователи, чтоб объяснить их смысл – именно отмена бороды и введение иноземного костюма.

Мы дошли теперь до той поры в деятельности Петра, которую можно обозначить эпохой преобразований. Далее, анализируя реформы Петра, я разделю их на группы, сопоставлю с порядком общественной жизни Древней Руси, приведу их во внутреннюю связь и на основании этого анализа постараюсь потом отдать отчет в истинном характере и значении реформы.

Лекция 14-я

Неудовлетворительность обыкновенных определений реформы. Трудность определения. – Реформу нельзя называть революцией ни по происхождению, ни по содержанию. План наложения преобразований. Расположения по внутреннему управлению. Крупные меры по этой части, начиная с 1711 г. Что было сделано с того времени. Устройство городов и городского класса. Злоупотребления воевод. – Учреждение бурмистров. Ратуша, или Московская Бурмистерская палата. Областное управление. Выборные от дворянства в воеводском управлении.

обращаюсь к изучению самой Петровской реформы, к обзору её постепенного развития, к разбору её подробностей и к оценке её результатов, её историческому значению. Становясь перед задачей этой, я не могу и не считаю нужным скрывать чувство некоторого страха за предпринимаемый мною рассказ. Я не хочу ни преувеличить, ни умалить значения преобразовательной деятельности Петра, но я боюсь, будет ли соответствовать предмету предпринятый порядок изложения, передадут ли слова мои ясно то, что я думаю о петровской преобразовательной деятельности, – и как я понимаю её происхождение, ход и результаты. Я вас прошу не забывать одного; и вы, надеюсь, вместе со мной будете рассматривать Петровскую реформу, как факт

давно совершившийся, как ряд отдалённых событий; между нами и тем временем и большое расстояние, и нравственное ещё больше, чем хронологическое. Эпоха Петровская не должна затрагивать ни наших чувств, ни наших нервов; она должна быть для нас только предметом мысли и изучения. Мы не имеем причины боготворить её, как люди XVIII в.; нам нечего горячиться, как горячились отцы наши. Мы не западники и не славянофилы и можем обсуждать предмет не с односторонней точки зрения. В какой степени далеко ушли от нас в прошедшее Пётр и его время, всего лучше показывает то, что они сделались предметом мифов, а миф об историческом событии то же, что травка над могилой, она показывает, что скрытое под нею давно забыто и отпето, и записано в поминанья. Поэтому я надеюсь, вы не станете искать в моих словах того, что обыкновенно ищут, читая и слушая о Петре – ни панегирика, ни сатиры, ни торжественной оды, ни плачевной элегии. Я сказал уже это при начале курса и повторяю теперь.

Рассматривая ряд петровских преобразований, вдумываясь в их взаимную связь, вы верно пытались дать себе в них отчёт, вникнуть в их сущность, сделать их характеристику. Перебирая одно явление того времени за другим, вы верно искали в своих мыслях слово, которое выразило бы главную особенность и стремление, главную цель и содержание реформы. Может быть, при этом вам навёртывалась на мысль наиболее обычная характеристика петровской деятельности; может быть, вы видели в ней только усвоение форм западноевропейской жизни России. Всего чаще так характеризуют преобразовательную деятельность Петра: цель Петра состояла в том, чтоб ввести Россию в сферу европейских государств и дать ей европейскую организацию и европейское образование. Такова наиболее принятая ходячая характеристика петровской деятельности; но без труда можно заметить, что далеко не все факты, свойства и результаты реформы подходят под эту характеристику. В деятельности Петра найдётся много учреждений, отдельных законов и мыслей, не имевших этого характера, не ставивших себе этой цели; и сама эта цель, заключавшаяся по словам Карамзина, в том, чтоб из России сделать Голландию, такая цель была бы непонятна и во всяком случае недостойна такого практического преобразователя, каким был Пётр. Что за нужда ломать существующее для того только, чтоб сделать одну страну похожей на другую? Что за практическая потребность изменять установившийся порядок государства, считавшего за собой целые века жизни? Видеть эту цель в петровских преобразованиях значит видеть в них своенравный каприз лица, влюблённого в Западную Европу и без оглядки старавшегося подражать этому предмету любви. Но если петровские преобразования не были деспотическим капризом подражателя, то они не были и народным движением, вышедшим из сознательных стремлений и потребностей народа и общества русского конца XVII в.; это общество не сознавало и не требовало того, что делал Пётр в начале XVIII в. Государственные потребности внушались правительству ходом событий, а не желанием общества. Притом надо сознаться, что чужие руки много поработали над этой реформой; Западная Европа дала много образцов, внушила много мыслей и приёмов для петровских преобразований. Но рассматривая так происхождение реформы, вы не найдёте удовлетворительной и полной её характеристики. Может быть, вы попытаетесь определить её по внутреннему содержанию и результатам, а не по происхождению. Разбирая реформу с этой стороны, вы, может быть, прежде всего попадете на слово: революция. В самом деле, иные называют реформу Петра нашей единственной революцией; действительно, в ней есть много напоминающего государственный насильственный переворот; та же торопливость, то же раздражение, с каким была ведена реформа, то же стремление жертвовать всем для одного и, наконец, то же пренебрежение к благу отдельных лиц; но революцией мы обыкновенно считаем насильственный переворот в существующем государственном порядке, насильственное нарушение государственного права, производимые мятежной силой, неуполномоченной законом. По своему происхождению реформа Петра не была таким переворотом; она была предпринята властью, уполномоченной самим законом; далее, государственная революция обыкновенно предпринимается во имя политической свободы; этой цели не ставила себе преобразовательная деятельность

Петра: ни в одном указе, ни в одном распоряжении Петра не ставится задачей общественная свобода. Итак, Петровская реформа не имела в сущности ничего общего с государственной революцией ни по своему происхождению, ни по своему содержанию, потому что не разрушала существующего государственного порядка, не нарушала политического права. Власть, её отношение к подданным, главные основы государственного строя, всё это и в продолжение деятельности Петра оставалось в том же виде, как было до него. Если б Иван Грозный мог изучать Россию 1701 г., он нашел бы, что это то самое государство, которое грезилося ему, когда он читал Священное писание, чтоб извлечь из него понятие о государстве и государственной власти. Но если вы будете рассматривать приемы реформы, то найдёте в них несравненно более насильственного, чем обыкновенно бывает в революциях. Интересы отдельных лиц и общественных классов никогда не нарушались так резко, как во время преобразований Петра; люди едва ли когда страдали так, как в начале XVIII в.

Итак, пытаясь выразить сущность и характер преобразовательной деятельности Петра, вы войдете в ряд противоречивых, исключаящих друг друга определений. Отчего происходит столь несходное впечатление, производимое деятельностью Петра? Оно происходит от того, что Петровская эпоха с её правительственными распоряжениями и общественными явлениями очень сложное, смутное и тревожное время. Явления этого времени выходят из очень разнообразных источников и стремятся к разным целям. Поэтому, изучая эпоху Петра и его преобразований, надо строго и ясно различать разнохарактерные элементы, присутствовавшие тогда и тесно переплетённые между собой. Петровская реформа была введена по очень определённой и ограниченной программе; но частью по естественному сцеплению фактов, частью по вине своих руководителей она принесла много такого, что вовсе не входило в её программу и что не умела отделить от неё её исполнителя. Наконец, при своём осуществлении реформа вызвала такие явления, породила такие последствия, которые не предполагались сначала и которые характеризуют не столько её, сколько то общество, среди которого она действовала. Этим определяется путь, каким следует идти при изучении этой эпохи; в ней надо строго отличать то, чего особенно добивалось правительство и преобразователь и то, что явилось в обществе помимо Петра и что не входило в его преобразовательную программу.

Я сначала остановил ваше внимание на простом перечне и разборе преобразований, установленных Петром, потом перейду к разбору и объяснению того, что явилось и действовало в обществе из других источников независимо от Петра.

Вся совокупность преобразовательных актов этого времени выражается в массе правительственных указов; их очень много; они ещё не все приведены в известность, но и то, что известно, представляет значительную массу. Всех указов и распоряжений, напечатанных и Своде Законов, с 1699 г. до конца царствования Петра насчитывают до 3000. Я буду разбирать эти указы в таком порядке: сначала я разберу те указы, из которых видно, что было сделано для устройства управления государственною, правительственною машиною; затем я изложу распоряжения, имевшие целью лучшую организацию общества, т.е. указы, определявшие различное положение общественных классов, установления юридических отношений между разных классов; затем изложу предпринятые меры по народному образованию; от них перейду к указам для развития промышленности и торговли, по народному хозяйству, по финансам, т.е. хозяйству государственному. Этот разбор я закончу кратким очерком того, что было сделано при Петре для устройства армии и флота, потом в заключении я попытаюсь указать взаимную связь между этими различными отраслями преобразовательной деятельности Петра, и отсюда будет извлечена оценка исторического значения реформы. Излагая каждый из указанных отделов, я буду держаться хронологического порядка в изложении правительственных распоряжений, чтоб дать вам почувствовать ход самой реформы в разных отраслях государственной жизни. Перечислив все правительственные распоряжения, я буду соединять их в одно целое, чтоб представить окончательную организацию, какой достигла та или другая отрасль в

окончательную организацию, какой достигла та или другая отрасль в последние годы жизни Петра.

Начну с правительственных распоряжений по внутреннему управлению.

В первую половину петровского царствования в этой сфере мы встречаем немного крупных мер; в это время внимание преобразователя было отвлечено потехами сухопутными и морскими; потом началась трудная I Шведская война. Более живая деятельность по управлению начинается с 1711 г. Я попытаюсь в немногих словах обозначить, что было сделано до этого времени. Очень замечательно, что первые крупные меры по внутреннему управлению касались городов, городского промышленного класса. Мы знаем, что в старой Руси города находились под управлением воевод. В XVII в. ещё уцелела некоторая форма общинного городского самоуправления. Посадские обыватели (городские) вместе с крестьянским чёрным населением (жители государственных волостей) выбирали себе земских старост, которые ведали в земской избе городское и земское хозяйство; но это была лишь одна форма самоуправления без всякой действительной силы. Земская изба, с её старостами и общественными выборными, была лишь орудием воеводского управления. Всё назначение их состояло в том, чтобы кормить воеводу и приказных людей, содержать их на земские деньги. Такое положение земского самоуправления помогало или не мешало развитию больших злоупотреблений со стороны воеводы и приказных людей; эти злоупотребления известны нам. Первый крупный указ Петра имел целью уничтожить эти воеводские злоупотребления. Эта преобразовательная мера имела целью совершенно выделить промышленный и торговый класс из воеводского управления. В 1699 г. «во всех городах посадским и всяких чинов купецким и государственных волостей и деревень промышленным и уездным людям» было предоставлено право, если они захотят, отойти от провинциальных воевод и приказных людей и выбрать себе бурмистров для суда и сбора доходов с промышленного класса. Бурмистры (выборные) судят подведомственных им людей в городской ратуше, собирают подати с промышленных торговых людей и под свою ответственность доставляют их в казну.

Далее, мы знаем, что в Древней Руси всякий уезд, всякое правление большое или малое имели непосредственное отношение к государю, к центральному учреждению. В государстве не существовало ступеней административного деления, не было крупных и мелких единиц областного управления. Теперь приняты были меры для более стройной организации областного управления. Маленькие города были причислены к большому городу, например, к Новгороду, Пскову, Астрахани и др. Выборные бурмистры больших городов имели надзор над бурмистрами приписных городов. Таким образом, в промышленном и торговом населении городов были установлены две административные ступени. Наконец, в Древней Руси, в числе центральных учреждений мы не находим ни одного, которое бы ведало промышленные классы во всём государстве, у городского сословия не существовало центрального учреждения по его делам; такое учреждение создано было указом 1699 г., по которому учреждена была в Москве Бурмистерская палата, или Ратуша. Торговые люди стали выбирать из своей среды бурмистров, сколько им понадобится на один год. Эти бурмистры заведывали городским хозяйством и городскими сословиями, один из них (по очереди) председательствовал в палате по месяцу. Бурмистерские палаты других городов были поставлены в зависимость от Московской Бурмистерской палаты, они давали последний отчёт в собранных доходах, привозили деньги, и Московская Бурмистерская палата получала право расходовать эти деньги на городское хозяйство только с разрешения государя.

Таково было административное устройство городского класса, явившегося при Петре в конце XVII в. Ни по форме, ни по внутреннему характеру эти первые крупные преобразования не были новостью. В XVII в. все сознавали злоупотребления, источником которых было воеводское управление в городах. Уже в пол. XVII в. чужой человек серб Крижанич указывал правительству на необходимость дать городскому сословию независимое управление, дать право ходатайствовать перед государем на нужду в таких учреж-

дениях, которые заботились бы о развитии промышленности и ремёсел в государстве. Осуществлением этих желаний были изложенные меры Петра о городах. Ещё до Петра был сделан опыт городского самоуправления; инициатива в этом опыте принадлежала известному предшественнику Петра, Ордину-Нащокину. Этот опыт не удался вследствие того, что не встретил поддержки в столице и потому, что воеводы отнеслись к нему враждебно, так как он стеснял их произвол. Затем, разбирая в подробном изложении указов побуждения, какие руководили правительством, мы найдём, что учреждение городских бурмистров было не более, как повторением указа Ивана Грозного о городских и сельских общинах. Мы видим, что организация самоуправления городских общин была задумана ещё в XVI в. и даже были приняты меры для её осуществления. Жалуя крестьянство, страдавшее от угнетения наместников, волостелей и приказных людей, Иван Грозный предоставил сельским и городским общинам право избирать своих излюбленных старост (губных) для того, чтоб они судили их во всех делах и собирали государственные налоги, судили вправду, беспосульно и безволочитно и доставляли собранные деньги и казну без недоборов.

Вы видите, что побуждением, вызвавшим эти меры, было, с одной стороны, желание освободить общины от произвола администрации, а с другой, обеспечить сбор государственных налогов. Я указал в своё время, что эта цель была главной. Совершенно такое же финансовое значение имел и указ Петра о бурмистрах, который прямо говорит, что мера эта предпринята для того, чтоб избавить промышленный и торговый класс от убытков и разорений, от воевод и приказных людей, потому что это приносит убыток казне, в государственных налогах являются большие недоимки. Наконец, вместо воевод и приказных людей городское население было обложено двойными податями и налогами против прежнего. Провинциальное управление, по-видимому, всего более занимало преобразователя в первое время.

Вслед за преобразованиями городского управления предприняты были меры, изменившие существенно управление провинциями. В Древней Руси воеводы управляли под своей личной ответственностью. Рядом с ними в некоторых местах существовали по уголовным делам губные старосты с своими сыщиками; в большей же части уездов этих губных старост не существовало; судебная власть и по уголовным, и по гражданским делам была сосредоточена в руках воевод.

В 1702 г. правительство призвало местное дворянство к областному управлению, в котором оно до тех пор не принимало никакого участия. Мы знаем, что в Древней Руси местное дворянство стояло вне общественной жизни, оно имело непосредственное отношение к столице, где был учрежден особый ведавший ею разряд, здесь сосредоточены были его имущественные дела в поместном приказе. Все дворяне, все помещики и вотчинники стояли, таким образом, вне провинциального общества, составляли военный класс, тянувший к столице. Указ 1702 г. вводил представителей от местного дворянства в воеводское управление; вследствие этого указа губные старосты и сыщики отменялись. Воеводы должны были судить и править вместе с выборными от дворянства. Решив дело, его скрепляли своею подписью воевода и выборные от дворянства, а без тех выборных одному воеводе никаких дел и указов чинить не велено.

Вы видите, что это был первый опыт **коллегии**. В областном управлении воевода с этого времени являлся лишь президентом правительственной коллегии, состоявшей из депутатов местного дворянства.

Таковы были два крупных правительственных распоряжения Петра в первые годы его самостоятельной деятельности. В это время высшие учреждения центрального управления оставались те же, какие мы видели в Древней Руси: боярская Дума и приказы; в них предприняты были частные улучшения, но ни порядок дел, ни самые административные основания не были нисколько изменены. 1711 год составляет перелом в административном устройстве России; с этого времени мы встречаем глубокие перемены и в областной,

и в высшей администрации. В это время вместо боярской Думы является Сенат, вместо приказов – коллегии; – и областном управлении являются губернии.

Лекция 15-я

Деление на губернии в 1708 г. Земская канцелярия. В 1713 г. совет при губернаторе из выборных от местного дворянства – ландрат. Земские комиссары – чиновники по финансовым делам. Учреждение Сената в 1711 г. вместо старинной боярской Думы. Коллегии вместо приказов. Разница между ними. Преображенский приказ, его обязанность. Важность и значение торговли и промышленности для Петра; особые коллегии для этих отраслей. Администрация центральная обращена на частное хозяйство, на искание материальных средств страны. Связь между центральным и областным управлением. Комиссары и фискалы. Обер-фискал.

рошлый раз я хотел высказать мысль, что оценка преобразовательной деятельности Петра должна быть основан на обстоятельном разборе и сопоставлении его реформ. Мы начали с администрации. Административные реформы появляются около того времени, когда была задумана Северная война. В первую половину Северной войны, до 1711 г. замечаем слабое движение правительственных реформ; внимание правительства было обращено в другую сторону, на борьбу с внешним неприятелем и на сбор военных материальных сил для этой борьбы; вот почему во всё это время мы находим только одну крупную правительственную меру, именно: отделение городского управления от ведомства областных воевод. С 1711 г. преобразовательная деятельность в государственном управлении оживляется. Вся административная система с её областными и центральными органами получает другой вид. Я хочу описать вам эту систему, как она была создана в начале XVIII в. Я сделаю краткий обзор разных новых колёс административной машины. Я охотно пожертвовал бы и теми подробностями, которые хочу представить вашему вниманию, но я уже сказал, что в знакомстве с некоторыми особенностями реформ будут заключаться наши главные основания для оценки характера Петра и его преобразований.

Первые крупные меры по государственному управлению, как мы видели, касались областной администрации, управления городов. К этой областной администрации относится и другая крупная преобразовательная мера – новое деление России; в 1708 г. всё государство было разделено на восемь губерний; впоследствии это деление меняется, сначала на 10 губерний, наконец в последние годы царствования Петра на 12. Мы знаем, что областной административной единицей старого Московского государства был уезд; это была, как мы видели, единица довольно мелкая; всех уездов в Московском государстве в XVI и XVII вв. было гораздо более 100, до 150; каждый из этих уездов имел самостоятельное и непосредственное отношение к центральной администрации. Теперь Россия была разделена на единицы более крупные. Старые уезды остались, но были соединены в группы, называемые провинциями, которые, в свою очередь, соединялись в более крупные административные единицы – губернии. Следовательно, административные преобразования Петра имели следствием, что под старой областной единицей поднялись ещё две другие, более крупные. Для примера довольно рассмотреть одну губернию, хоть Московскую; она представляла по делению 1719 г. очень обширную область; она состояла из следующих провинций: 1) из Московской (к которой принадлежали города: Малый Ярославль и Кашира); 2) Рязанской (с городами Кострома, Суздаль, Юрьев); 3) Владимирской (Переяславль Залесский), 4) Калужской и 5) Тульской. Следовательно, в состав Московской губернии петровского времени входили нынешние губернии: Московская, Рязанская, Владимирская, Костромская, Тульская, Калужская с частью Ярославской (Ростов); остальная часть нынешней Ярославской губернии принадлежала к другой губернии, Петербургской. Это деление на такие крупные административные единицы вызвано было

финансовыми соображениями, чтоб лучше было присматриваться к денежным сборам и о всяких делах, как гласит указ; каждый уезд должен был доставлять в центральное учреждение казённые сборы; но контролировать 140 областных единиц в денежных сборах было гораздо труднее, чем надсматривать над 12 правителями. Ясно, почему в наше время <...>

Во главе губерний поставлены были губернаторы; в провинциях оставлены были правители с прежним названием воевод; в руках губернатора сосредоточены были те же административные отрасли, какие мы видели у воевод; исключен был только городской промышленный и торговый класс из воеводского ведомства. Широта власти областного правителя, неопределённость, отличавшая старых воевод, осталась и за губернатором, который вместе с административными, финансовыми и полицейскими делами точно так же должен был ведать и дела религиозного и чисто нравственного свойства; подобно старым воеводам он тоже имел попечение о ненарушимости православной веры и об искоренении раскола, он должен был заботиться о защите вдов, сирот и бедных, иметь надзор над школами и т.д. При губернаторе и воеводах состояла земская канцелярия; любопытны эти развившиеся земские учреждения при областном правителе для письменного делопроизводства. В древней московской администрации мы видим довольно ясно разграничение двух струй областного управления, двух ведомств – земского и приказного. В земском управлении заметны ещё остатки свободы и самоуправления, предоставленных в XVI в уездным земским общинам. В XVIII в. это различие между земским и приказным элементами стало теряться; вот почему прежняя земская изба превращается при Петре в земскую канцелярию. Но губернатор не был единственным полновластным администратором подведомственной ему области, около него стояли выборные из местного дворянства. Пётр всегда очень дорожил коллегиальным началом, по крайней мере с тех пор, как узнал его. Мы видели, что попытки ввести коллегиальное начало в управление городов были сделаны Петром уже в 1702 г., когда велено было всем воеводам ведать и решать дела не иначе, как вместе с выборными от дворянства, заседавшими в губернском совете в числе трёх или четырёх. В 1713 г. этот совет при губернаторе получил ещё большее развитие и определённость своих прав. При каждом губернаторе должна находиться коллегия из выбранных от местного дворянства, по 8, 10 или 12 человек, смотря по величине губернии. Эти выборные от дворянства получили название ландратов (название могло быть заимствовано из ост-зейских губерний). Эти ландраты были административными товарищами губернатора, который не мог ничего решать и предпринимать без соглашения с ними. Губернатор в коллегии ландратов был не яко властитель, указ, а яко президент; он имеет одно преимущество – ему дано два голоса в совете. Но учреждение ландратов при осуществлении не выдержало первоначальной цели, данной им Петром; ландраты со временем превратились в простых товарищей губернатора. Каждому ландрату предоставлена была определённая часть административного ведомства, которое распадалось на финансовую и полицейскую части; ландраты сделались финансовыми и полицейскими чиновниками губернатора. Вся губерния в финансовом отношении делилась на доли; на каждую долю определялось известное число податных тяглых дворов, нормой было принято 5,5 тысяч дворов; на каждую долю назначался один ландрат для сбора казённых доходов; это дело он производил с помощью особого чиновника, так называемого **земского** комиссара. Ландраты должны были действовать по своим делам, рассеявшись по губернии; но при губернаторе всегда оставались два ландрата; в конце года все ландраты съезжались к губернатору со всеми ведомостями своего правления для счёта и решения дел всеми вместе. Собранные ими казённые доходы передавались для доставки в центральное учреждение (в камер-коллегию) земскому комиссару. Этот класс финансовых чиновников в каждой губернии доставлял потом областные сборы в центральное высшее учреждение, которое вело все эти сборы – камер-коллегию. Итак, ландраты, в учреждении которых была выражена мысль – доставить участие в областном управлении местному дворянству, потеряли свой характер и потом были отменены в 1718 г. – Такой вид приняла областная администрация во вторую половину царствования Петра.

Одновременно с этими преобразованиями шло изменение центральных учреждений высшего управления. Оно было организовано в Сенате и коллегиях. Сенат был открыт в 1711 г.; он заменил собою старинную московскую боярскую Думу. Мы знаем характер и состав этой Думы, её составляли бояре, окольничие и думные дворяне. По характеру своему и по отношениям к царю она была высшим совещательным и исполнительным учреждением, через которое шли в надлежащие ведомства все правительственные распоряжения <...>

Многие бояре, окольничие, думные дворяне были управителями московских приказов, следовательно, Дума была вместе с тем общим собранием представителей центральных учреждений. С таким составом и характером Дума действовала долго и при Петре, который так же «сидел с боярами о делах» до 1711 г.; но эти сиденья Петра о делах были очень редки, царь был в постоянной отлучке, его отрывали военные дела на границе государства, присутствие его было необходимо в городах, где строились корабли, поэтому он не мог принимать постоянного и деятельного участия во внутреннем управлении, он с трудом следил за ним и чем далее, тем более старался освободиться от его подробностей; это стремление выразилось в указе 1700 г. которым запрещено было обращаться прямо к государю помимо Думы, исключая дел об измене. Заведывание внутренними делами должно было отойти к Думе и другим центральным учреждениям. Для того, чтоб дать течению внутренних правительственных дел более правильности и энергии, чтоб дать центральному правительству более власти и силы и возложить на него более ответственное, был создан Сенат и коллегии. Сенат был учреждён, как гласит указ, по причине частных отлучек государя, и Сенату была дана широкая власть, и все должны повиноваться его указам под страхом строгих наказаний и даже смертной казни. Впоследствии сам Пётр отвечал на обращённые к нему просьбы, что всё на Сенат положено, всё в его руках. Понятно, что ведомство Сената было определено очень широко. В указе оно определено так: суд иметь нелицеприятный и неправедных судей наказывать (высшая судебная инстанция); надзор за расходами всего государства и отмена бесполезных расходов; надзирать за доходами и изыскивать новые источники дохода; а более всего денег как возможно собирать, потому что деньги суть артерия войны. Наконец, Сенату поручен был надзор над всей администрацией, он должен был смотреть за ходом управления в низших его органах и назначать главных управителей. Сенат должен баллотировать чиновников, начиная с коллежского советника (по позднейшей табели о рангах) и назначать ниже этого чина без баллотировки. Следовательно, в Сенате была сосредоточена высшая власть судебная, финансовая и административная; это был высший орган государственного контроля. В первое время Сенат состоял из 9 членов, которые имели одинаковые голоса, следовательно, это было коллективное решение дел и оно было действительно, если хотя один член отказывал в своем согласии, но отказывавшийся должен был подать особое письменное мнение за собственноручною подписью. Сенаторам было вменено в обязанность иметь общее заседание три дня в неделю, в остальные дни в нём присутствовали очередные сенаторы; кто нарушал это правило, платил штраф в 50 руб. Сенату внушено было действовать самостоятельно; такие вопросы, в которых сенаторы чувствовали себя некомпетентными, и не могли быть представляемы без предварительного обсуждения в Сенате; все мнения и замечания, касающиеся таких вопросов, должны быть записаны в протокол и представлены государю. Учреждениями, заведывавшими отдельными отраслями государственной администрации, были коллегии, заменившие прежние приказы. Мы знаем происхождение и характер приёма приказов и их недостатки: это была чрезвычайно сложная, запутанная сеть неправильных, случайных распределений различных ведомств, трудно даже их перечислить, их насчитывают чуть не до 100. Теперь все правительственные ведомства были распределены более правильно между коллегиями, которые были основаны на начале совещательном, коллегиальном. Коллегиальное начало Пётр ценил очень высоко и ждал от него исцеления всех административных язв. Говорят, что мысль о коллегиях была внушена Петру Лейбницем, который писал Петру, что правильная администрация может быть

лишь при учреждении коллегий; высказывая такое положение, Лейбниц приводит в пример устройство часов, где колеса приводят друг друга в движение. Этот механический образ был понятен и должен был произвести убеждающее действие на Петра. Впрочем, надо заметить, что коллегиальный способ управления должен был сделаться известным Петру во время его заграничной поездки, эта форма господствовала в Германии, Швеции и других государствах. Пётр думал, что коллегиальная форма водворит более правильности, добросовестности в государственном управлении, эта надежда и была главным побуждением при учреждении коллегий. В манифесте о них читаем: «В коллегиях не может быть места самоуправству, пристрастию к коварству, какие бывали в единоличном управлении, понеже в единой персоне бывает не без страсти, в коллегии же, если один член будет пристрастен и яростен, то другой или третий будет свободен от гнева и пристрастия». Мысль эта окончательно выражена была в духовном регламенте: «В государстве с монаршинским правлением соборная форма (коллегиальная) совершеннее и лучше единоличного правительствования». Главный недостаток старинных приказов именно и состоял в широкой власти, предоставленной одному лицу, которое стояло во главе учреждения. Судьи делают, что хотят, говорил Петр, потому что имеют излишнюю власть; во главе каждой коллегии стоит президент, но он не будет иметь такой власти, как прежние судьи, потому что не будет ничего делать без товарищей. Этих товарищей было: 2 вице-президента, 4 советника и 4 асессор: всего 11 членов, нечетное число для большинства голосов. В 1717 г., когда впервые появились коллегии, их определено 9; впоследствии число их увеличилось до 12. Эти первые коллегии были такие: 1) коллегия чужестранных дел (старый Посольский приказ); 2) Военный (коллегиум); 3) Адмиралтейский; 4) Юстиц-коллегиум (расправа гражданских дел); 5) Коммерц-коллегиум; 6) Берг и Мануфактур коллегиум (впоследствии разделенные); 7) Камер-коллегиум, или казенных сборов; 8) Штатс-контор (ведомство государственных расходов); 9) Ревизион-коллегиум (контроль государственных расходов и приходов). Вы видите, что каждое из этих учреждений было несравненно крупнее старинных приказов по объёму своего ведомства; сравнивая коллегии с приказами, находим одну замечательную разность: в старинных приказах преобладает территориальный элемент над администрацией, особенно в приказах дворцового управления; притом все приказы были, в сущности, учреждениями хозяйственными, дворцовыми; последний элемент очень слабо отделялся в них от хозяйства государственного; в коллегиях преобладал другой элемент государственной, финансовой администрации; из 9 коллегий собственно 4 финансовых. Финансовые интересы, значит, были главным побуждением при организации коллегий. Если сравнить коллегии с нашими современными учреждениями, то они то же, что министерства; разница в том, что нынешние министерства составляют ведомства единоличные, ответственность лежит на министерстве; совет министра имеет лишь совещательный характер <...>

Коллегии просвещения не существовало; а вместо коллегии полицейской было особое учреждение, стоявшее как бы вне государственного управления; и притом это учреждение имело чисто политический характер – это был Преображенский приказ, <...> главная обязанность заключалась в том, чтоб следить за оппозицией преобразованиям. В числе коллегий две обращают на себя особенное внимание – соответствующих ведомств не находим в современной администрации, это две созданные Петром коллегии. Одна для заведывания торговлей, другая – мануфактурой. Всё это в настоящее время принадлежит администрации и составляет не более, как департамент или стол в министерстве. При Петре это были особые ведомства, имели правительственную организацию и широкое значение; они были поставлены наравне с такими важными учреждениями, как адмиралтейская или морская коллегия. Эти две коллегии указывают на одну характеристическую черту петровской администрации, частью даже на её происхождение: промышленность и торговля составляли очень важные отрасли в тогдашней Европе, и Пётр, наученный наблюдениями заграничной жизни, решился и дома поставить их под непосредственный контроль государственной власти. Если это присоединить к чисто финансовому управле-

нию, найдем, что за исключением флота и армии вся остальная центральная администрация была обращена к государственному хозяйству, к разысканию и разработке материальных средств страны. Я прошу вас запомнить эту особенность образования центральных учреждений, она понадобится нам при общей характеристике реформы.

Какая же связь была установлена между управлением центральным и областным? Эта связь выражена в учреждении комиссаров и в институте фискалов. Мы видели, что Сенат имел контроль над всеми учреждениями и широкую власть в государственном управлении; к нему должны были обращаться все органы областного управления. Быстрота сообщений между губернатором, воеводами и Сенатом была необходима Петру, потому что сенат должен был доставлять необходимые средства для продолжения войны и для строения кораблей. Ничто не выводило Петра из терпения так, как медленность в делопроизводстве. Это он выразил в одном письме к Меншикову, где Петр писал, что он скорбит о том, что «губернаторы раку подобятся, последний срок дан им на 4-й неделе, а тогда уж с ними не словами, а руками поступать буду». Для того, чтоб установить быстроту сношений между губернатором и провинциями, установлены были комиссары, которые в Сенате должны были присутствовать безотлучно от всякой губернии. Они представляли Сенату ведомость полученных из губерний вопросов и принимали сенатские приказы и решения, рассылаемые по губерниям. Сношения производились через нарочно для этого устроенные почты. Сенат должен был следить за всем ходом государственного управления; для этого ему необходимы были свои особые органы, наблюдатели; такими органами являются фискалы. Сенат набирал из них одного обер-фискала, который должен был, как говорится в указе, быть чиновником добрым и умным, он выбирался из какого бы то ни было сословия. Обязанность его состояла в том, чтоб тайно подсматривать над всеми делами управления, за ходом судопроизводства, за сбором государственных доходов, за тратой расходов, если он замечал недобросовестность и неправду в исполнении службы, он звал того чиновника в Сенат и там уличал его, не обращая внимания на его должность и звание. Если представленные обер-фискалом улики были достаточны, то на обвиняемого налагался штраф, из которого одна половина шла в казну, другая доставалась обер-фискалу; если же последний не доказывал вины, то и в таком случае не должны на него досаждать или мстить под страхом жестокого наказания разорения имения. Обер-фискал состоял при Сенате. В каждой центральной области управления были свои фискалы, зависевшие от обер-фискала; так, был фискал в военной, административной и других коллегиях. В каждом губернском участке были провинциал-фискалы, они имели под собою ещё несколько низших фискалов, которые имели надзор за отдельными отраслями губернского управления. Учреждение фискалов представляло, таким образом, стройную и широкую сеть, раскинувшуюся из Сената через обер-фискала по всему государству. Это учреждение было очень своеобразное, по крайней мере ничего подобного не существует теперь. Это был институт, направленный против самой администрации, вышел из недоверия государя к её деятельности и добросовестности.

Таков был административный механизм, установленный Петром во втором десятилетии XVIII в.

Мы потом отдадим отчёт, как этот механизм действовал на практике и какие мысли или цели государя его создали. <...>

Лекция 17-я

Городское управление и устройство городского состояния Петром. – Городское состояние Древней Руси до эпохи преобразований. Происхождение русских городов. Посады. Городская община. – Деление на лучших, средних и младших людей. Уложение Алексея Михайловича о городском населении. Устройство городского управления при Петре в начале царствования. – Магистраты в 1721 г. Их устройство. Главный Петербургский магистрат и городские магистраты. Организация городского сословия. Разделение на две гильдии.

Сегодня я перейду к обзору мер, предпринятых Петром для устройства городского состояния и городского управления. Едва ли и здесь я устраню неудобства, которые вы могли заметить при изложении преобразовательных мер в отношении дворянского и служилого сословия. Общественное устройство слагалось путём таких мелких отдельных правительственных распоряжений, которые очень трудно принести в цельный и полный отдел. Вы поймёте это неудобство уже из того, что в царствование Петра городские классы устраивались на основании двух различных систем, к тому же такое я по этому случаю говорю в первый раз о городском состоянии и нахожу необходимым сделать краткий очерк его до начала преобразований.

Городское состояние в Древней Руси обозначалось подобно дворянству разными наименованиями, выражавшими не всю его совокупность, а разряды городского состояния: это были посадские, торговые, черно-слободские и другие люди. Все эти люди соответствовали тому, что в Западной Европе называлось буржуазией, т.е. мещанство; вам известно, какое значение имел в Западной Европе этот класс, хотя это значение и преувеличивали некоторые учёные, но мещанство во всяком случае играло там важную роль в политическом и культурном отношении; в политическом отношении оно было опорой королевской власти в её борьбе с феодальным дворянским сословием; оно внесло в политическую жизнь государства своё начало и своё влияние; влияние это, основанное прежде на происхождении, заменилось потом влиянием имущественным, основанном на имущественном цензе. Имущественный ценз как основание политической жизни буржуазии, его значение я не буду сравнивать с политическим значением класса, основавшего своё влияние на преимущества рождения: я замечу только, что этот новый политический принцип был не лучше прежнего. Гораздо шире и заметнее влияние буржуазии в развитии культуры; в общежитии; весь сложный комфорт жизни, окружающий нас, создан преимущественно городским классом в последние века. У нас в России мещанство не имело ни такой видной, ни сложной роли в политическом отношении, как на Западе. Участие его в государственном развитии почти не заметно; его можно подметить разве только в приднепровских городах южной Руси или в XII в. в младших городках Суздальской земли, помогавших Юрьевичам в их борьбе с дядями; разве только в этих ранних явлениях нашей истории вы заметите деятельность этих городских классов. Впоследствии города совершенно исчезают из нашей политической жизни или являются слишком незначительными. Участие городского класса в культурной жизни у нас совсем незаметно. Культура, нас окружающая, перенесена к нам с Запада, <...> но судьба этого сословия до Петра и при нём любопытна, как указание на приёмы правительства и ход общественного процесса, совершавшегося в то время. Я сделаю вам поэтому беглый очерк, как произошло и образовалось это сословие в Древней Руси.

Древнерусские города имели происхождение очень мало похожее на происхождение городов в Западной Европе; вообще говоря, они вышли у нас не из промышленного и торгового развития страны; они вышли преимущественно из двух побуждений одинаково принадлежащих правительству; в первое время они явились на окраинах Руси как военные поселения, их главной целью было давать убежище окрестному сельскому населению при

нашествии внешнего врага, впоследствии, когда граница Руси расширилась, эти окраинные острожки превращались во внутренние города; с другой стороны, внутренние города возникали как административные центры; эти поселки выделялись из остальных как место пребывания посадника, наместника и других центральных княжеских чинов. Так как внешняя опасность в Древней Руси часто грозила и внутренним областям, то и эти административные пункты стали обращаться в крепости; город и значит собственно крепость. Под стенами этой крепости селились мирные обыватели; эти посёлки назывались посадами, которые и можно назвать городом в западном промышленном смысле, хотя и не точно. Благодаря такому происхождению городов промышленная торговая жизнь страны оставалась разбросанной и не сосредотачивалась в городах. Промышленные поселения, посады, возникшие при городах и вместе с ними многочисленные сельские поселения назывались слободами. Древнерусские слободы, т.е. поселения людей, занимавшихся известным промыслом и наделённые известными льготами, гораздо более напоминают западные города, чем древнерусские города. Притом промышленная и торговая жизнь разбрасывалась и по сельским общинам. Поселяне долго не разделялись по родам занятий на земледельческое и промышленное; при преобладании сельских занятий все остальные занятия выделялись из него постепенно и очень медленно. Стремление сосредоточить торговлю и промышленность в городах стало заметно лишь со времени образования Московского государства; оно было вызвано финансовыми нуждами правительства. Торговля и промыслы были обложены пошлинами, сбор этих пошлин с разбросанного торгового поселения был очень затруднителен для администрации; вот почему правительство запретило торговать по сёлам и стало сосредоточивать торговлю в городах, стягивать её к немногим значительным центрам. Эта же финансовая нужда правительства и была источником, из которого вышла городская община Древней Руси, или промышленное поселение, посад. Посад, слобода соединились в одно общественное целое, чтоб круговой порукой, общей ответственностью друг за друга перед правительством гарантировать последнему сбор и исправную доставку податей и отбывание других повинностей. В этой круговой поруке и заключалось всё содержание древнерусской городской общины; все преимущества, предоставленные правительством её членами, вытекали отсюда. Городская община сама распределяла между своими членами подати, распоряжалась отбыванием возложенных на общину натуральных повинностей; всё это она делала под своей ответственностью, потому что правительственные органы не были достаточно сильны и, следовательно, правительство не было обеспечено в исправном получении доходов. Организуя городскую общину, Московское правительство внесло в неё и свой приказный, служебный элемент. Городские общины, т.е. посады, делились в административном отношении на сотни, сотни на десятки. В экономическом отношении всё население посадское разделялось на имущественные разряды, не в одинаковой степени подлежащие податям и повинностям. Эти разряды, соответствующие нашим гильдиям, следующие: лучшие люди, средние и младшие. Все три разряда существовали в каждой городской сотне; но это административное и имущественное деление городской общины усложнилось делением, внесённым в него правительством. Наиболее зажиточные из промышленных людей составляли привилегированный класс, приближавшийся к служилому классу; этот привилегированный класс были гости и гостиная, и суконная сотня; (название гость осталось и теперь в названии гостинного двора). В Древней Руси гостями назывались богатые купцы, ведшие торговлю не в одном своём городе, но и на стороне и даже за морем. От этих торговых путешествий, **гощений**, и произошло название **гостей**. В скором времени это имя имущественного класса обращено было в чин, звание гостя стало жаловаться как почётный титул, ему предоставлены были особые преимущества и льготы, и на него были возложены особые повинности; гость не тянул вместе с городским населением, не подлежал суду местного воеводы и приказных людей; он судился непосредственно в Московском приказе, имел и другие, житейские привилегии: гость имел право держать для пошлины для собственного употребления разные питья, мёд, вино, что строго запрещалось другим; он один мог летом то-

пить печку в своём доме и в бане, что запрещалось остальным обывателям под страхом тяжёлых штрафов. Но за то на нём лежали тяжёлые повинности: ему поручен был правительством сбор податей под собственной их ответственностью, они же вели некоторые монопольные торги Московского правительства. Подобными же привилегиями пользовались и люди гостинной и суконной сотни; они тоже употреблялись правительством для казённой службы, очень тяжёлой и убыточной; но зато они были причислены к служилому классу; они имели право владеть вотчинами и поместьями до половины царствования Алексея Михайловича; определён был чин и положение гостя в служебной иерархии. Прикрепление крестьян очень вредно действовало на благосостояние городских общин, которые постоянно пополнялись приливом из низшего сельского населения; с прикреплением крестьян прилив этот должен был ослабеть; с другой стороны, разгром Смутного времени перепутал все отношения и вместе с произволом воевод заставлял посадских людей бросать свои дворы в городах и переходить в частную личную зависимость влиятельного лица или какого-нибудь учреждения. Благосостояние городского человека основано не на земледелии, а на промысле; этот промысел он мог вести, заложившись, отдавшись в личную зависимость знатного лица или учреждения, боярина, монастыря и т.д. Тогда отказ от личной свободы был сопряжён с материальной выгодой сравнительно с положением свободного человека; вот почему в XVII в. города жалуются на постоянный отлив тяглых людей в другие общественные состояния. Городской класс, который стал слагаться в XVII в., расстроился в XVII в. Организация его принадлежит царю Алексею Михайловичу. По **Уложению** городское состояние было резко отделено от других состояний. Многочисленные отдельные распоряжения и законы Уложения, относящиеся к определению городского состояния я сведу к немногим чертам; а именно; все промышленные люди, жившие в городах и занимавшиеся торговлей или каким ремеслом, но находившиеся и частной зависимости, были записаны в тягло. Люди привилегированные, имевшие землю в городе, но промышленные торговлей, были тоже подчинены тяглу вполне или частью. Таким образом, дети духовенства, торговых и промышленных людей были поверстаны в посадских. Служилые люди, имевшие дворы на тяглой городской земле, должны были отбывать вместе с посадскими подати и натуральные повинности, лежавшие на городском владельце тяглых дворов. Владельцам тяглых дворов в городе запрещено было продавать или закладывать эти дворы привилегированным лицам под страхом ссылки; точно так же кнутом и Сибирью грозили человеку, который, отказавшись от личной свободы, закладывался или отдавался в кабалу к привилегированному лицу. Всем людям, не принадлежавшим к посадскому населению, запрещено было вести постоянную оседлую торговлю в городе. Итак, Уложение Алексея Михайловича, с одной стороны, сделало торговлю исключительным правом городского населения, с другой стороны, превратило его в касту. В таком положении застал Пётр городское состояние. В деятельности его относительно городов заметим две различных цели: до последнего десятилетия указы Петра имели целью устроить городское население так, чтоб правительство удобнее и вернее могло эксплуатировать его посадскую силу. Я уже описал городское управление, созданное Петром в начале его царствования. Самоуправление, данное им горожанам, имело целью исключительно финансовые выгоды. Горожане освобождались от воевод и приказных людей и за это были обложены двойной податью против прежнего; круговая порука была усилена. То же стремление заметно и в организации других сословий.

Указом Пётр допустил и даже обязал вступление в городское сословие крестьян, значит раскрыл и разрушил замкнутость и исключительность этого сословия, созданного Уложением Алексея Михайловича. Все крестьяне, государственные или помещичьи, промышленные в городе, имевшие городскую оседлость, были без вознаграждения владельцам переведены и посадские; лица привилегированные, владевшие землей в городе, не причислены к посадским людям, с одной стороны, не должны были тянуть часть общих городских повинностей; с другой стороны, было уничтожено запрещение торговать в городах людям других классов. Розничную торговлю могли вести люди разных чинов. Та-

ким образом, с одной стороны, городское сословие было раскрыто и торговля перестала быть привилегией одного городского населения, но с другой стороны, Пётр стеснил выход из городского состояния в другие сословия; под страхом тяжких наказаний запрещено было городскому сословию выходить в крестьян или служилых людей без правительственного разрешения. Таким образом, правительство преследовало различные цели, образуя одно сословие, раскрывая его и усиливая к нему прилив, оно, с другой стороны, не давало возможности отлива от него. Вследствие этого разнообразного направления изменилось податное и промышленное значение городского класса. С тех пор, как людям разных чинов позволено было торговать в городе, стало невозможным собирать налоги только с тяглых дворов города. В Древней Руси посадские люди платили подати и отправляли повинности **подворно**; теперь когда стало выгодно торговать людям **неоседлым** в городе, стало невозможным ограничиваться **подворной** податью. Отсюда вышел указ (соответствующий указу о подушной подати для крестьян), чтоб при подворной подати со всех торговых и промышленных людей взыскивать также подать промысловую. В Древней Руси эта подать была лишь временная; это были деньги, которыми обкладывали промышленных людей для военных потребностей и нужд по определению собора. Теперь эта временная подать с промысла была превращена в прямую и постоянную; она была велика: нормой её было 10 % с дохода; доход был определён с точностью, возможной для тогдашнего правительства; вот почему эта промысловая подать, распределённая между всеми промышленными людьми, называлась десятой деньгой.

Значит, городское состояние при Петре подверглось более тяжёлому финансовому обложению; кроме того на городской класс возложены были ещё новые повинности; городской класс нёс на себе наравне с крестьянами повинность постоянную; солдаты распределялись по губерниям и стояли в городах. Таковы были распоряжения Петра о городском сословии в первый период его царствования. Во вторую половину его мы замечаем другое стремление, которое было развито правительством на счёт городского состояния. В первой половине правительство старалось лучше устроить податную эксплуатацию городского населения; в другой оно старалось развить промышленные интересы – это стремление было слабо в обществе, которое было к нему равнодушно; вот почему эти указы предоставляли городам больше свободы в делах самоуправления.

Очень жалею, что не имею достаточно времени, чтоб представить нам подробнее организацию городского сословия, какая явилась в последнее десятилетие царствования Петра. Я ограничусь немногими подробностями, вот главные черты её. Городское сословие с промышленным населением было подчинено нескольким центральным коллегиям – Мануфактур, Берг и Коммерц коллегиям. Органами этих коллегий, которые должны были заботиться, чтоб купечество и мануфактуры размножались, были магистраты; главным из них был Петербургский магистрат, обязанность последнего была в том, что он должен был устроить магистраты во всех значительных городах России и дать им инструкцию; должен был покровительствовать торговле и промышленности, иметь контроль над судом городских магистратов, устроить полицию. Под руководством главного магистрата образовались (1721 г.) магистраты во всех значительных городах государства. Устройство магистратов значительно отличалось от прежнего бурмистерского совета тем, что члены магистрата выбирались всем городским обществом, но выбранные один раз они потом становились бессменными; лишь обер президент не принадлежал к городскому классу, он назначался царем.

Первым обер президентом был назначен капитан гвардии кн. Трубецкой; все чины магистрата зачислены были на табели о рангах в служебную иерархию; гость, т.е. зажиточный торговец, становившийся президентом, равнялся чиновнику 8 класса, бурмистр главного магистрата – 9 класса; бурмистры городских магистратов – 10 класса. Таким образом, городское управление получило чиновничий, приказной характер с тою только разницей, что чиновники выходили из городского класса по выбору; занявши свои должности, они освобождались от городских повинностей, лежавших на людях их сословия.

Магистраты были высшей инстанцией судебной по делам городского сословия. Магистрат главного города служил высшей инстанцией для магистратов других второстепенных городов. Главный магистрат, Петербургский, ведал судебные дела другим магистратов не только гражданские, но и уголовные; он судил преступников и приговаривал их к заслуженному наказанию, он мог сослать преступника в Сибирь и даже приговорить к смертной казни. Таким образом, судебная автономия городского учреждения была расширена сравнительно с бурмистерским учреждением. Главной обязанностью магистрата было развивать торговлю и промышленность; эта обязанность осталась без исполнения, ближайшие преемники Петра уничтожили это учреждение.

Вместе с устройством городского управления была изменена и организация городского сословия. Мы видели, что в древней России были зачатки цеха: они заключались в том, что люди известного промысла селились отдельными слободами. Пётр не обратил должного внимания на эту самородную завязку народного цехового устройства и захотел поверстать цехи по западному образцу. Цехи в западном виде, как они были и средневековых городах, не были <...> русскому населению; поэтому не следует жалеть, что указ Петра о цехах остался без исполнения.

Пётр организовал городское сословие тоже по западному образцу, упустив из виду экономическое состояние <...>

Городские люди были разделены на две гильдии: к первой гильдии принадлежали оптовые торговцы и высшие ремесленники и мастеровые, например, золотых и серебряных дел мастера, живописцы, вообще художники и т.д.; вторую гильдию составляли разные купцы и люди, занимающиеся низшими мастерствами и ремёслами. Все низшие торговые люди, работники, поденщики, составляли особый класс, соответствующий нашему мещанству.

Итак, попытка Петра устроить городское самоуправление, освободить городское население от произвола воевод и приказных людей кончилась тем, что городской класс поставлен был под надзор и управление выборных из него людей, но обращённых в чиновничество.

Ограничиваясь этими замечаниями, я опишу в следующий раз состояние крестьянского сословия и потом представлю вам, насколько изменилось юридическое положение русского общества в царствование Петра.

Лекция 18-я

Преобразования Петра в крестьянском сословии. История крестьянства до Петра. Указы царей Федора Ивановича и Бориса о прикреплении. Указы Михаила Фёдоровича. Уложение и его узаконения о крестьянах. Строгие меры против побегов – исключение только для беглых прежних лет; со времени закона 1649 г. уничтожена возможность побегов Крестьянских. Эти узаконения показывают, что законодательство хотело прикрепить крестьян к земле, а не к владельцу. Статьи Уложения о холопах. Два разряда холопства: старинное, полное и кабальное, временное. Распоряжение о крестьянстве после Уложения. Случаи продажи крестьян отдельно от земли. Это можно считать началом крепостного права. Указ 1675 г.

не придется говорить о крестьянстве более, чем о двух других сословиях, о дворянстве и купечестве. Мы расстались с историей этого сословия в конце XVI в., между тем, с одной стороны, петровские узаконения, относящиеся к этому сословию, не будут вам ясны, если вы не будете знать, что случилось с этим классом в XVII в.; с другой стороны, положение в государстве, в которое Пётр поставил крестьянство, осталось до того неопределённым, незаконченным, что самый смысл судьбы этого сословия при его преемниках не будет ясен, если мы не проследим его состояние до Петра. Я начну историю крестьянства раньше Петра и кончу её после смерти

Петра, доведу и до Екатерины. Реформа, как известная политическая программа, отвечает не только за прямые свои узаконения, но и за их последствия.

Обыкновенно на вопрос об истории крестьянского сословия отвечают, что самая существенная сторона его в XVII в. состоит в развитии крепостного права. На вопрос о начале крепостного права обыкновенно отвечают, что оно установлено к концу XVI в. рядом указов царей Фёдора Ивановича и Бориса. Первое верно: вся экономическая и юридическая история крестьянства в XVII в. исчерпывается историей его прикрепления. Но далеко не верно второе положение: законы царей Фёдора и Бориса, прикрепившие крестьян, вовсе не установили крепостного права. Что такое крепостное право, как мы привыкли понимать его? – Это есть право личной зависимости крепостного человека от его господина. Законы конца XVI и начала XVII вв. вовсе не имели в виду такого личного прикрепления. Прикрепление было предпринято в интересах помещичьего класса; оно было установлено <...>, запрещены были крестьянам отказы, т.е. переходы или переводы крестьян с одной вотчины или поместья на другие. Более ничего не установили указы двух царствований, Фёдора и Бориса. Они прикрепляли владевшего крестьянина к земле, на которой застал его указ. Крестьяне чёрных, дворцовых, государственных земель лишались права перехода ещё раньше, в половине XVI в. Но прикрепление крестьян к земле вовсе не значило прикрепление к владельцу земли; самая земля, к которой они были прикреплены, не принадлежала вполне владельцу; она была вотчиной или поместьем данной за службу и обязанной службой. Прикрепление крестьян к земле не могло дать помещику больше права, чем то, какое он имел, т.е. оно не давало ему никакого личного права на крестьян. Помещик был случайностью для земли, он мог лишиться её и получить другую; следовательно, крестьянин вовсе не зависел от помещика по частному и гражданскому праву, лишившись права отрываться от земли. В начале XVII в. прикрепление не было полным, правительство допускало известные сроки, за пределами которых переходы крестьян на другую землю становились незаконными. До царствования Михаила Фёдоровича запрещено было возвращаться на прежнюю землю беглым крестьянам, покинувшим её более пяти лет. Впоследствии этот срок стал увеличиваться, т.е. всё более и более затруднялась для крестьян возможность покинуть землю, к которой прикреплял их закон. В царствование Михаила Фёдоровича установлен был десятилетний срок иска самовольно бежавших крестьян и пятнадцатилетний для тех, которые были насильственно переведены на другую землю. В таком положении находились крестьяне относительно земли до царствования Алексея Михайловича. Уложение 1649 г. существенно изменило юридическое положение крестьян. Чтоб видеть, до какой ступени развития достигло крепостное право к половине XVII в., довольно изучить содержащиеся в Уложении узаконения о крестьянах или вообще о сельском населении. Уложение признает в сельском населении два класса, существенно различавшиеся по своим правам; это 1) крестьяне и 2) холопы, или крепостные. Положение крестьян по Уложению подверглось большим переменам: уничтожены были сроки для отказов или право давности для беглых крестьян; помещик, от которого бежал крестьянин, получил право искать и возвратить к себе без всякого срока, за сколько бы лет ни бежал от него крестьянин. «Отдавать беглых крестьян, говорит закон, по писцовым книгам всяких чинов людям (владевшим ими прежде) и то без урочных лет». Впрочем, закон допускал некоторые исключения из права выдачи беглых без срока: так крестьяне, бежавшие от помещика задолго и дворы которых оставались пустыми до времени иска и если помещик не бивал (не просил кого следует) челом, не возвращались владельцу. Помещик не мог искать крестьян, прежде живших в его опустевшей деревне, если до тех пор он не заявлял о их бегстве. Точно так же все беглые крестьяне, которые были прежде уступлены другому вотчиннику, другому землевладельцу в силу полюбовной сделки, за сколько бы лет эти крестьяне ни покинули своего прежнего владельца, остаются за новым владельцем. Зато Уложение, допуская такие исключения для беглых прежних лет, уничтожало возможность побегов крестьянских на последующее время: оно ставит общим правилом возвращать на покинутые жилища всех крестьян, бежавших со времени обнару-

дования закона 1649 г. Но теперь закон не ограничивался простым запретом принимать беглых крестьян, а подвергал известному штрафу приёмщиков беглых. Помещик, державший беглого сколько бы то ни было со времени издания закона, должен не только возвратить беглеца прежнему владельцу, но должен ещё заплатить за него государственные налоги по 10 руб. на человека за год. Право обязательного возврата распространилось не на одних беглых. Если бежавший крестьянин выдавал замуж свою дочь в бегах, должен был возвратиться к помещику с зятем. И крестьянка, бежавшая от помещика и в бегах вышедшая замуж возвращалась не только с мужем, но и с детьми. Исключение делается только для тех крестьянок, которые вышли замуж за служилых людей; но в таком случае муж должен заплатить за жену прежнему владельцу **вывод**, т.е. плату в определённом размере. Запрещение выводить крестьян или уступать в другие руки Уложение распространяло даже на владельцев их; служилый человек, у которого есть и вотчина и поместье, не может перевести крестьян с вотчины на поместье или наоборот, не может также перевести крестьян в число своих дворовых людей, т.е. **снять с земли**. Эти узаконения показывают, что законодательство хотело прикрепить крестьян к **земле**, а не к **владельцу**, не к **лицу**. Таковы общие постановления Уложения о крестьянах.

Уложение о холопах

Теперь рассмотрим статьи Уложения о холопах. Холоп законом строго отличался от крестьянина – это был человек, состоявший в личной зависимости от владельца, поэтому закон всегда отличает положение в крестьянстве от положения в холопстве. Разница между крестьянином и холопом выражается очень ясно в одной подробности: если беглая крестьянка выйдет замуж за служилого человека, он платил за неё вывод 10 руб., если же он женится на беглой крестьянской холопке, то вывод определяется в пять раз более. При этом помещику запрещено было принимать в кабальное холопство собственного крестьянина или крестьянку. В Уложении мы встречаем такую статью: если помещик возьмёт крестьянина или крестьянку к себе на двор, а взятые бегут от него и запишутся в кабальное холопство к другому, то по сыску последних, помещик лишается холопа или холопки, они возвращаются прежнему владельцу и становятся опять крестьянами. Закон объясняет это распоряжение тем, что никому на своих крестьянах <....> иметь не велено, т.е. никто не может над ними иметь власти.

Два разряда холопства – старинное и кабальное. Старинное или полное холопство – происхождение.

Самое холопство юридически разделялось на два разряда: 1) старинное, полное и 2) кабальное, временное. Старинные холопы были личной наследственной собственностью владельца; кабальные зависели только от лица, к которому отдались в кабалу и не могли переходить по наследству. Старинное холопство создавалось давностью, куплей, или пленом. Пленные были полными холопами того, кто их взял.

Кабальное или временное.

Холопство кабальное главным образом создавалось обязательством, вообще личным договором. Вольный человек мог отдать себя временно в холопство одному лицу, с которым договаривался, а не тому, кому последний вздумал бы его передать при жизни или после смерти. Закон говорит: «Всяких чинов людям холопи крепки по кабале **только по смерти их**, <...>, а женам и детям **не крепки**». В этих словах закон выражает только личную зависимость кабального холопа от его владельца. Законодательство старалось затруднить переход крестьянства в холопство; делаясь холопом, крестьянин выходил из непосредственного ведения государства; переставал быть **тяглой**, рабочей силой; понятно, что стремление тяглых людей переходить в холопство сопряжено было с экономической потерей для государства, на этом основано стремление законодательства XVII в. оградить свободу тяглых или вольных людей. Уложение постановило, что тяглый человек может

записать в холопы родственника, сына, брата, племянника <...> и только на пять лет, не более; порядные записи в кабалу на более продолжительное время запрещено было принимать. Это постановление, однако ж, мало стесняло случаи распоряжения личной свободы жены и детей. Коротко говорит, что отцы пользовались правом четыре раза продавать в холопство своих детей, только четвертая продажа юридически избавляла сына от всякой власти отца. Ещё характеристичнее распоряжения закона о переходе служилых людей в холопы. Уложение говорит: «Если сын боярский, т.е. дворянин, записался к какому-нибудь боярину в холопы **до издания закона** и если он не имел поместья за собой, ни вотчины, не записан в служилых списках, то он остается холопом боярина; но впредь из детей боярских верстаных и неверстаных (имевших и не имевших поместья) в холопство не принимать. Если какой дворянин после указа запишется в боярские холопы, то его отбирать у владельца и испомещать в городе (записать в дворяне). Если опять сбежит со службы, то отдавать его в холопы, к тем людям, у которых прежде был (до испомещения)».

Наконец для характеристики положения крестьянства и холопства надо знать, **что ни в одном указе не допускалась даже косвенно торговля сельским населением**. Относительно крестьян это само собой разумеется, они юридически не принадлежали своему владельцу: но относительно холопов другое дело – холоп был в личной зависимости от владельца, он считался крепостным, принадлежавшим владельцу по юридическим крепостным актам; – однако и торговля холопами, по крайней мере православной веры, была запрещена законодательством. В Уложении читаем: «Если кто вывезет пленного новокрещённого татарина и станет торговать им, его отбирать». При этом законодательство по наивности допускает случаи, которые были собственно равнозначащими торговле новокрещёнными татарами. Уложение говорит: «Если владелец не продает татарина, а дает в дар по добродетели, то подаренного татарина записывать к новому владельцу; он делался полной собственностью владельца и мог переходить по наследству к его жене и детям».

В таком виде устроено было общественное положение обоих сельских разрядов по Уложению Алексея Михайловича. Из этого положения вы легко увидите до какой ступени развития достигло тогда крепостное право, в позднейшем смысле оно не существовало тогда, оно состояло только в личной зависимости холопа от владельца; но холопы не были земледельцами, они были даже иногда вольными служителями помещиков. Крепостная зависимость холопа отличалась строго от зависимости крестьянской. Запрет принимать собственных крестьян в дворовые люди, это важное распоряжение, поддерживало различие между тем и другим разрядами. Далее, в **XVII в.**, по крайней мере **до Уложения, мы не встречаем и следов продажи крестьян отдельно от земли**.

По-видимому, даже сами помещики не приписывали себе никакой личной власти над крестьянами. От первой половины XVII в. до нас дошли разные акты, из которых видно, что крестьяне входили в сделки, в добровольные договоры с помещиками; содержанием этих сделок служит обязательство со стороны крестьян сидеть на помещичьей земле без ухода, т.е. частной сделкой выражено то же самое, что установлено было законом как общая мера. Ни крестьяне, ни помещики не сознавали ещё, по-видимому, для себя тех прав и обязанностей, которые были созданы для них законами конца XVI и начала XVII в. Но уже в последующих распоряжениях, вышедших после Уложения в то же царствование, находим отдельные случаи, послужившие началом развившегося последующего крепостного права. Самым главным пунктом в этом развитии является право продажи крестьян без земли; ту минуту, когда явилось это право, можно считать началом крепостного права, ибо тогда крестьяне состоят уже в личной зависимости от помещика. В конце царствования Алексея Михайловича эти случаи продажи крестьян отдельно от земли являются чисто злоупотреблениями; законодательство долго не признавало их, стесняло и даже наказывало за них; но за несколько месяцев до смерти Алексея Михайловича сделал распоряжение, утвердившее эту продажу. Странно, но любопытно, что виновником первого указа, допустившего продажу крестьян без земли, был знакомый нам знаменитый либерал

XVII в., любимец царя – Артамон Сергеевич Матвеев. В то время многие помещики стали между собой меняться крестьянами и продавать их друг другу без земли. Я сказал, что это было злоупотреблением, закон не признавал этих сделок; в таких злоупотреблениях участвовал и Артамон Сергеевич. Чтоб укрепить за собою крестьян, приобретённых таким образом, он обратился к царю с просьбой утвердить эти приобретения царским указом, и следствием этой просьбы был октябрьский указ 1675 г., предоставлявший в зависимость Матвеева тех крестьян, которых он приобрёл по сделочным записям. Через несколько времени и другие помещики успели сделать такие же приобретения и при взыскании за злоупотребление стали указывать на сделанное в октябре 1675 г. распоряжение правительства. Таким образом, частное злоупотребление приближённого царю человека стало оправдываться распоряжением законодателя. Этот указ 1675 г. самый важный, если не роковой момент в истории положения крестьянства в XVII в. Все другие превышения власти помещика были лишь его последствием, непосредственно из него вытекавшим. В конце XVII в., в царствование Софьи, положение крестьянства, как и самая власть, находилось в самом неопределённом, хаотическом виде. Крестьянство <...> ещё пользовалось некоторыми преимуществами, как сословие ещё составляло общину на владельческой земле, [крестьянин] имеет права личное и имущественное, он владел своим участком земли, за который платит оброки, государственные и подворные подати; имущество принадлежит ещё ему на обыкновенном гражданском праве, а не составляет собственности помещика, он нередко входит в сделки и договоры как полноправный гражданин, он ещё участвует в купле и продаже, даже в казённых подрядах. Но благодаря тому, что правительство было недовольно сильно, неосторожно <...> помещичья власть над пашенными людьми, крестьянами развилась в больших размерах. Помещики стали переводить крестьян в своих дворовых людей, а дворовых сажать на крестьянские земли, что было стеснено Уложением. Помещик всё более приобретал прав над крестьянской общиной; он вмешивался во все дела общины, в крестьянский суд, в имущественные распоряжения и что главное – в конце XVII в. мы видим продажу крестьян без земли в больших размерах. Таким образом, юридическое положение крестьян в конце XVII в. представляло смешение двух различных условий: одно из них было создано законодательством, другое вышло из помещичьих злоупотреблений, допускаемых правительством. Отсюда легко видеть, в чём состояла дальнейшая задача правительства. **Прикрепление крестьян вышло не из личных интересов отдельного сильного класса, главным источником его был государственный интерес. Состояние прикрепленных крестьян не было следствием произвола сильного класса, оно было необходимой мерой экономической и государственной.** Но этот характер, настоящий смысл этого исторического явления, стал изменяться в продолжение XVII в. на практике. Из прикрепления стали развиваться чисто личные интересы, помещики <...> и крепостное сословие теряет характер класса, прикрепленного к земле, теряет личную зависимость с отделением его от земли. Таким образом, в положении крестьянства сталкиваются два ряда противоположных интересов. Надо видеть, какими путями пойдёт реформа Петра при устройстве этого сословия. Ему предстояло два различных пути, один путь определялся интересами государства и вместе интересами цивилизации; другой склоняется в пользу частных личных интересов, ещё не потерявших тогда характер злоупотреблений. Пётр должен был или усилить прикрепление крестьян к земле, ослабив личное прикрепление их к помещику, или, наоборот, усилить личное прикрепление и ослабить прикрепление к земле. Лучшие люди из общества конца XVII в., вероятно, думали, что преобразователь изберёт первый путь, т.е. усилит прикрепление крестьян к земле и не допустит развития помещичьего произвола. Корб говорит о наклонности сельского населения к рабству, что от нынешнего государя можно ожидать ослабления и искоренения этой наклонности, которая замечается среди московского высшего сословия, что он стеснит не только холопство, но и те злоупотребления, какие помещики развили.

В следующий раз, рассмотрев указы Петра о сельском населении и их последствиях, мы увидим, в какой степени оправдались эти ожидания иностранца и, может быть, московского общества конца XVII в.

Лекция 19-я

Судьба крестьянства при Петре. Указ о ревизии 1718 г. и последующие указы, поясняющие первый – как было ими определено положение крестьян. Определение понятия о прикреплении и затем объёма прикреплённого общества. Ни то, ни другое не было точно определено. *Подворная подать* Древней Руси превращается в *подать подушную*. Сопоставление разных указов о крестьянах. Основное стремление этого законодательства – перенести податное обложение с земли на лицо. Указ о заводских крестьянах 1721 г. – В установлениях Петра о крепостном населении замечается недостаток общих положений, ясно выраженных юридических принципов; правительством руководили лишь экономические побуждения. Распоряжения о крепостном состоянии при преемниках Петра. 2-я ревизия 1742 г. Как объём прикреплённого общества, так и понятие о прикреплении определялись точнее после Петра. Указы Екатерины увеличивают вотчинные права над крепостными. – Указ 1801 г. стесняет дальнейшее развитие крепостного права. С этих пор все меры клонятся к эмансипации крестьян. Влияние крепостного права на дворянство.

должен передать вам в простом перечне и в некоторой связи правительственные распоряжения, определившие судьбу сельского населения в XVIII в. Мы видели, и каком положении находилось это население в конце XVII в. Закон налагал строгое юридическое различие между крестьянами, прикреплёнными к земле, и крестьянами-холопами, лично зависевшими от землевладельца; закон старался поддерживать это различие, но землевладельческие злоупотребления смешивали его, и закон по необходимости должен был иногда допускать это смешение. Правительству предстояло два пути при устройстве сельского населения: 1) оно могло поддержать указанное различие между прикреплёнными к земле крестьянами и крепостными холопами без ущерба для казённых интересов и с выгодой для крестьян; 2) оно могло, допустивши злоупотребления, смешать различие между тем и другим классом, воспользоваться им в казённых интересах, хотя пожертвовав временно интересами народного развития. В том, какой путь избрало правительство, сказались нравственные и общественные средства как самой реформы, так и народной жизни: путь этот обозначается двумя признаками: 1) тем, как было определено самое свойство, понятие о прикреплении и 2) тем, как определен был объём прикреплённого общества. Мы посмотрим сначала, как развивалось понятие о прикреплении. Мы видели, что в древней России прикрепление привязывало крестьян только к земле, не отдавая их в полную, частную собственность владельцу этой земли. Совсем иначе определялось прикрепление крестьян правительственным актом, на котором главным образом основывалось общественное положение крестьян в XVIII в. Этим актом была ревизия, т.е. поголовная перепись подданных душ, начавшаяся в 1719 г. и продолжавшаяся до смерти Петра. Указ об этой ревизии, изданный в ноябре 1718 г., требовал: 1) чтоб все владельцы земель, все городские и сельские общины подали сказки обо всех людях мужского пола, какие в них состоят: 2) чтоб все, зачисленные таким образом в перепись, положены были в податной подушный оклад, определённый, по выражению указа, в 8 гривен с персоны. Указ о ревизии не высказал главного основания, на котором должно было устроиться сельское население. Ни из одного выражения указа нельзя было видеть, в какое отношение станут крестьяне к тем землевладельцам, за которыми их записали. Следующий за этим указ, указывающий практический способ исполнения первого закона, истолковывает яснее, развивает и определяет его основную мысль; эта мысль состояла в том, что все люди, записанные за известным владельцем, будут считаться его крепостными: «быть тем людям вечно за теми, за кем они записаны», сказано мимоходом в указе.

Но эта мысль не была выставлена общим правилом, но она сделалась общим правилом сама собой при исполнении закона о ревизии. Ревизия возлагала на землевладельца: 1) ответственность за место жительства записанного за ним человека: он должен был смотреть за тем, чтоб записанный никогда не покидал своего жилья; 2) ревизия возлагала ответственность на землевладельца за исправную уплату податей, известного подушного оклада. Правительство не бралось вычитывать за бежавшего крестьянина, но взыскивало с землевладельца весь оклад сполна по количеству записанных за ним душ, предоставляя самому владельцу взыскивать нужную сумму с приписанных к нему крестьян. Указ 1722 г. прямо говорит, что «землевладелец должен платить подушный оклад со всех своих крестьян, в том числе и за бежавших бобылей, с дворовых и деловых людей, т.е. рабочих, без недоимки»; 3) наконец, ревизия смешала в один разряд два дотоле совершенно разных сельских класса: она записывала зауряд и крестьян пахотных, и людей дворовых, и деловых, состоявших в XVII в. в личной зависимости от владельца, в **холопстве**. Таким образом, фактически крестьянин, прикрепленный к земле, терял всякое отличие от холопа, прикрепленного к лицу владельца. Это смешение установлено прямо февральским указом 1722 г., которым предписано всех записывать, никого не обходя, от старого до последнего младенца. Таким образом, самое законодательство, не отвергая существующего различия между крестьянами, прикрепленными к земле и холопами, прикрепленными к лицу землевладельца, на практике, однако, оно не признавало этого различия, умалчивая об нём. Приведение в исполнение ревизии должно было уничтожить всё, чем отличался крестьянин от личного холопа. Закон не только не поддерживал этого различия, а косвенно даже уничтожал его.

Так указом 1724 г. правительство принуждало владельца платить за всякого крестьянина, связанного с местом его приписки, следовательно, допускало своз крестьянина. Апрельский указ 1721 г. не только признает этот своз, но жалуется на невозможность прекратить продажу крестьян врозь. Законодательство XVII в. строго смотрело, чтоб не раздробляли крестьянских семейств; там мы видим, что жена всегда следует за мужем, муж за женой при передаче холопов из рук в руки; упомянутый указ 1721 г. делает распоряжение – продажу людей пресечь, «и если совсем пресечь продажу нельзя, то продавать целыми семьями, а не порознь, как скотов, что не водится во всём свете». Мы не привыкли встречать в законе такой условный язык, он показывает, что правительство признавало невозможным исполнить то, что оно узаконяло. Итак, прикрепление крестьян к лицу, к владельцу, не было выражено прямо законодательством Петра, но оно само собой вытекало из приложения закона и потому косвенно допускалось правительством. Так определено было в то время понятие прикрепления; посмотрим, как очерчен был состав или объём прикрепленного сословия. В XVII в. далеко не всё сельское население было прикреплено к земле. Прикрепление тогда определялось только землей, следовательно, прикреплен был лишь тот, кто имел в своём пользовании землю; но затем оставалось ещё много людей, не состоявших в этом пользовании и составлявших обширный класс гулящих людей; ими были дети, братья, племянники при отцах, дядях и старших братьях, сидевших на пахотной земле; далее, в этот класс входили кабальные люди, вышедшие па нолю за смертью владельца; наконец, сюда же входили люди разных занятий, не успевшие записаться в посадское или сельское тягло. Все эти гулящие люди в XVII в. пользовались свободой, ходили по Руси промыслять разными ремёслами или личным наймом. Теперь по ревизии 1719 г., прикрепление было перенесено и на дворовых, т.е. на личных слуг, не имевших ни личной собственности, ни поземельного имущества в пользование. Таким образом, ревизия перенесла податное обложение с земли, с земледельческого труда на человека; на голый труд; отсюда **подворная подать** Древней Руси должна была превратиться в **подать подушную**. Я буду говорить о происхождении и характере последней, когда коснусь финансового положения государства при Петре. На этом новом основании, на **душе**, определён был объём прикрепленного общества. Впрочем, в царствование Петра правительство ещё колебалось в этом определении; любопытно сопоставить здесь несколько указов:

Указ 1719 г. клал в подушную подать вместе с крестьянами и дворовых, устроенных на пашне, т.е. посаженных владельцев на его землю. Февральский указ 1720 г. велел класть в подушный оклад **всех подданных помещика** (это выражение в первый раз является в юридическом языке), кто бы они ни были, холопы дворовые или холопы кабальные (по смерти помещика последние делались свободными). Указы 1722 г. говорят о том же предмете, но различно. Февральский указ велит записывать в перепись всех дворовых людей, (которые не имеют пашни, конюхов, псарей, слуг, садовников и др.): июльский указ говорит, что надо записывать тех, кто пашет землю (хотя бы не на себя, а на владельца), и тех кто не пашет, но живёт в деревне, а не на дворе барина. Следовательно, в ревизию не записывали живущих в дворовой службе и дворовых, взятых из пахотных крестьян на двор барина. В царствование Петра было забыто распоряжение, чтоб владельцы не брали к себе во двор пашенных людей. Наконец, указ 1723 г. велел писать в ревизию заодно всех крестьян, пахавших и сидевших на земле, также и холопов помещика и всех их положить в подушный оклад. Таким образом, податное обложение совсем было оторвано от земли и перенесено на лицо. Прямым последствием этого должна быть отмена свободного состояния прежних гулящих людей и прежних кабальных холопей. Эта отмена выражена ясно в указе 1722 г., в силу которого «все вольноотпущенные и кабальные люди, имеющие выдти на волю за смертью владельца, и все на воле живущие и не годные к службе (военной) должны определяться и записываться в другую службу, а без службы никому бы не шататься, а кого поймают незаписанного за помещиком, сослан будет на галерную работу». — **Основное стремление этого законодательства**, вызванное ревизией, состояло в том, чтоб **перенести податное обложение с земли на лицо**; оно всего яснее представляется в указе, установившем новый небывалый разряд для подушного сбора в сельском населении; это был **указ 18 января 1721 г. о заводских крестьянах**. Стараясь о распространении мануфактурной промышленности, Пётр говорит в этом указе: «Шляхтским и купецким людям для разложения заводов и фабрик позволено покупать деревни невозбранно, токмо под одной кондиций, дабы те деревни были всегда при тех заводах без отлучно», — значит, должен был явиться новый разряд крестьян, прикрепленных не к земле, даже не к лицу, а к промышленному установлению, к фабрике или заводу. Очевидно, мысль о поземельном основании обложения не могла допустить возникновения подобного земского класса; между тем с Петра этот класс стал быстрее развиваться; он стал появляться даже раньше закона 1721 г., так что этот закон утвердил лишь факт, допущенный правительством. Ещё в 1697 г. Пётр отдал солевару гостю Григорию Строганову Сольвычегодск, приписав к новому заводу всех зырянских крестьян и к другим заводам, например, к Демидовским железным заводам. При этом не было издано никаких правил для определения отношений приписанных крестьян к хозяину завода, и заводские крестьяне, приписанные таким образом, отдавались правительством в полное распоряжение заводчика.

Таковы были установления Петра относительно крепостного населения. Во всех указах замечается недостаток ясно выраженных общих положений и юридических принципов; в них видны только экономические побуждения, руководившие правительством. Но практические последствия, вытекавшие сами собой из экономических распоряжений Петра, должны были при его преемниках обратиться в нормы, в правила юридического положения. Это мы сейчас увидим, сделав самый беглый обзор распоряжений правительства относительно крепостного состояния, сделанных по смерти Петра. При Елизавете Петровне в 1742 г. велено было произвести вторую народную перепись, инструкция, данная для исполнения этой ревизии, dokonчила и определила то, что оставалось незавершённым и неясным при Петре. Все эти распоряжения можно привести к двум результатам: они 1) расширили объём прикрепленного общества и 2) увеличили права людей, к которым были прикреплены крестьяне и вместе с тем обеспечили правительству уплату податей, увеличив власть владельца над прикрепленными душами. И то и другое было вызвано экономическими побуждениями: правительство стремилось увеличить количество податных душ. Благодаря этим побуждениям вторая перепись захватила и те разнообраз-

ные классы, которые оставались свободными в низшем населении после петровской ревизии: 1) Указ 1723 г. установил штат священников и церковных служителей при городских и сельских церквях. Все люди, оставшиеся за штатом, должны были записаться в подушный оклад; запрещено было <...> определять на духовные должности в тех приходах, к которым они принадлежали. Впоследствии помещики хлопотали об отмене этого указа. И, таким образом, в начале XVIII в. стали появляться крепостные священники, дьяконы и т.д. Вторая ревизия положила общим законом: всех священнослужительских детей, не служащих при церквях, не занимающих никаких священнослужительских должностей по их желанию приписывать к помещикам, кто пожелает принять; кроме учащихся в духовных училищах и выучившихся грамоте. Здесь приписка предоставляется ещё взаимному соглашению обеих сторон; итак, было ещё хотя немного свободы; но случилось так, что не было помещиков, желавших взять на свою ответственность доставку подушного оклада с приписных детей церковнослужителей; в том случае нелепо было указом 1748 г. о незаписавшихся публиковать; если по истечении трёх месяцев после публикации не являлось помещиков, желавших приписать опубликованных к своим дворовым людям, то заштатных приписывали к дворцовым волостям. Таким образом, значительная часть духовенства попала в крепостное состояние; за ним попало туда же и много различных лиц и членов городского общества. Указами 1721, 30-х и 40-х годов велено было приписывать к помещикам всех вольноотпущенных, поповских детей, солдатских, купеческих мастеровых, не попавших в подушный оклад, вообще всех **штатающихся**; иначе неприписанные должны были идти на казённую работу или в Сибирь на поселение. Приписываться предоставлялось им к тем, кто захочет их взять, приписка предоставлялась обоюдному соглашению, но выгода должна была, разумеется, склоняться в пользу сильнейшей стороны. Далее, городские люди, нанявшиеся на работу к фабриканту или заводчику, могли при рекрутской очереди быть перечислены в их крепостные, если хозяин поставил за них рекрутов из своих или купленных для рекрутства крестьян. Таким образом, часть городского населения, попавшая по найму на фабрики, становилась крепостной. Всех незаконнорожденных, приёмшей, сирот на возрасте велено было причислить к подушному окладу, исключая несовершеннолетних, которые не могли ещё выразить своего желания или условия и зачислялись поэтому за воспитателями, «чтоб ни один, – добавляет указ, – без положения в подушный оклад не оставался». Мы видели, что в Древней Руси запрещено было торговать инородцами, принявшими христианскую веру; но по указу 1737 г. инородцев можно было покупать, и держать у себя без платежа подушной подати, и продавать; одним словом, промышлять ими, как кому было угодно.

Рядом с таким точным определением объёма крепостного общества после Петра, было определено точное и понятие о прикреплении. Закон прямо объявлял однозначными и смешивал и одну личную холопскую зависимость, или прикрепление к лицу с прикреплением к земле. «Кто за кем записан в подушный оклад, и кто за того отвечает в платеже податей, тот и считается его владельцем и господином». Такое резкое определение понятия о прикреплении выражено ясно и в указе 1768 г., в тот самый год, когда правительство собирало чины для составления **Наказа**. Законодательство того времени признавало служащими по найму лишь тех, кто не попал в подушный оклад; всякий же, записанный в ревизию и поступавший в личную службу к лицу делался этим самым его крепостным, таким образом возобновлён был закон Русской Правды, в силу которого частная зависимость делала неимущего рабом другого. Как неизбежное последствие этих определений должно было расшириться вотчинное и владельческое право над прикреплёнными людьми. Это расширение вотчинного права следовало бы проследить обстоятельнее, на досуге, но теперь я ограничусь немногими указаниями.

В XVII в. поземельное прикрепление не давало землевладельцу таких судебных прав над крестьянами; даже ноябрьский закон 1718 г. не уничтожал общинного устройства крестьян, их непосредственного отношения к правительству; он прикрепление превратил из земельного в личное. Как скоро это случилось, вотчинная юрисдикция должна бы-

ла расширяться. Уже из инструкции, данной дворянам в петровское время, видно, что крестьяне в вотчинных делах подлежали юрисдикции помещика или его приказчика. Впоследствии эти судебные права помещика увеличились: за пьянство, матовство приказчик мог наказать крестьянина только в присутствии лучших крестьян; неисправного крестьянина помещик мог требовать на свой двор и, давая ему на содержание мякины, обречь его на постоянную работу, «чтоб впредь, – как говорит инструкция Арт. Волынского, – даром есть хлеб было неповадно». Вотчинные права над прикрепленными крестьянами вполне были утверждены в царствование Екатерины II в жалованной дворянской грамоте 1782 г. Здесь крестьяне отданы в частную собственность владельца совершенно на одинаковых правах с их частным движимым имуществом. Ранее указом 1767 г. запрещено было крестьянам приносить жалобы на притеснения помещиков; жалобщиков, ябедников велено было наказывать кнутом и ссылать на вечную каторжную работу. Это было последним шагом в развитии крепостного права, и этот шаг был сделан в то время, когда указом Петра III была снята с дворян общая служебная повинность, которая сначала была одной из причин, вызвавших прикрепление крестьян. Вот почему крепостное право с этой минуты должно было изменить свой характер – оно утратило своё юридическое и нравственное оправдание. Прошло несколько десятков лет без изменений. Наше столетие открылось указом, который можно считать началом целого ряда мер, направленных к эмансипации крестьян; это указ 1801 г., стеснивший дальнейшее развитие крепостного права, так юридически расширявшегося и укреплявшегося.

Чтоб составить себе ясное понятие о развитии этого состояния в XVIII в., надо указать ещё на одно средство, расширившее крепостное состояние – это средство расширения заключалось в том, что постоянно обращались государственные и дворцовые крестьяне в владельческих, крепостных. В XVIII в. вместо прежней поместной раздачи земли за службу правительство стало раздавать в награду за услуги поместья, населённые крестьянами из дворцовых волостей; и чем дальше, тем эти пожалования крестьян совершались в больших размерах: князю Меншикову пожаловано было всё население Ингермандии, в 20-х годах он имел пожалованных крестьян 50 000, кроме 32 000 беглых крестьян, которых он стремился укрепить за собой разными незаконными средствами; к концу царствования Петра Меншиков был владельцем 1 000 000 крепостных крестьян. С того времени можно насчитать большой список очень крупных пожалований в XVIII в. Небогатый прежний помещик кн. Ромодановский сделался таким путём крупным землевладельцем; графиня Головкина, урождённая Ромодановская, получила от отца 20 000 крестьянских душ. Князь А.М. Черкасский, умирая, отказал дочери 10 000 крестьян (в имении, перешедшем потом к Шереметевым). Гренадерская рота Преображенского полка, помогшая Елизавете вступить на престол, была вся пожалована крестьянами; на 290 человек роздано было всего 14 000 душ. Такими же пожалованиями и наградами сопровождалось и вступление на престол Екатерины II. Новозавоёванные провинции служили обильным источником раздач крестьян. Число этих раздач кажется совершенно невероятным: генералы, ведшие ту или другую войну, и случайные люди были жалуеты императрицей: пять братьев Орловых получили в первую половину царствования 45 000 душ; Васильчиков в 18 месяцев своего случая 16 000; Потёмкин к концу своей карьеры был помещиком 200 000 душ. Всё его громадное состояние определяется в 650 млн. Даже в царствование Павла, который первый принял меры к ограничению крепостного произвола, эта раздача совершалась в больших размерах; по случаю коронации роздано было разным лицам более 100 000 крестьян из дворцовых с наделом 1,5 десятины на душу. Наконец царствование Александра прекратило эти раздачи и установило меру обратного движения: правительство ассигновало прежнюю сумму на выкуп крестьян и превращение их в государственных.

Такова была история крепостного состояния с начала XVII в., очерченная сколько возможно кратко. Я ещё скажу несколько слов об общем значении крепостного права для дворянского сословия. Едва ли дворянство пользовалось этим правом полное столетие во

всей его широте и просторе, и однако же следы этого права врезались так глубоко в это сословие, как в старое время врезывалось клеймо в лицо преступника на всю оставшуюся жизнь; теперь прошло более десятилетия со времени уничтожения крепостного права и, наверное, пройдёт ещё не одно поколение прежде, чем общественная и нравственная физиономия этого сословия очистится от пятен и черт этого клейма, прежде, чем мы перестанем узнавать дворянина по его образу мыслей, как по покрою платья и речи узнают в наше время семинариста.

С того времени как образовалось Московское государство, дворянство наше является с двояким значением в обществе – с политическим и экономическим; оно было, с одной стороны, орудием управления и обороны страны, административным и военным классом, а с другой стороны – землевладельческим сословием. Государственные потребности привели правительство к прикреплению крестьян к земле. Землевладельческие злоупотребления, недостаточно сдерживаемые правительством, превратили это поземельное приращение в личное. Таким образом, крепостное право вышло из совокупного действия тех двух общественных ролей, какие прошедшее заказало дворянству и этот роковой дар прошедшего, крепостная собственность, испортила обе эти роли, т.е. общественную судьбу сословия. Прелести крепостного права тянули дворян в деревню от службы гражданской и военной. Это заставляло правительство силой вытягивать дворян из деревень и превратить службу в тяжкую повинность для сословия; и, во-вторых, это помогло развитию чиновничьего пролетариата, который путём выслуги увеличил количество дворян, не увеличив его общественного духа. Указом Петра об обязательной службе дворян <...>.

То же крепостное право помешало дворянину стать сельским хозяином. Сначала он не мог иметь к этому делу ни физической, ни нравственной охоты; он являлся в деревню отдыхать.

Потом, когда земля с крестьянами была закреплена за ним в вечное владение, в нём уменьшилась боязнь разориться от дурного управления – труд и личность крестьян была в его полном распоряжении. Наконец, когда явился указ Петра III о вольности дворянского сословия, дворянин сделался праздным обитателем своего поместья, он увидел между собой и землей крепостного крестьянина, находившегося в полном его распоряжении; с тех пор предметом его забот стала не обработка земли, а эксплуатация труда крестьянского и торговля душами; из землевладельца он обратился в рабовладельца, душеторговца, в «прасола» живых душ. Гениальная мысль коллежского советника Павла Ивановича Чичикова была естественным последствием такого сельского хозяйства, и Коробочка потому только не поняла его, что воображала себя хорошей хозяйкой и брала выгоды на «сале» и на перьях. Таким образом, крепостное право лишало наше дворянство и политического и экономического значения, какое землевладение давало западным дворянам. Сословие это должно было бы исчезнуть, как исчезают мухи, набросившиеся на отравленную бумагу, но одно обстоятельство этому помешало; против воли самого дворянства ему дано было противоядие. – Тёмные инстинкты жизни человеческой всегда умнее и честнее житейской теории человека. – В начале XVIII в. на дворянство положена была новая повинность – учение, которое втянуло его волей неволей в круг западных идей и именно в то время, когда эти идеи стали особенно широки, смелы и обаятельны. Находясь в вечной праздности и скучая среди **подлых людей** (выражение XVIII в.), благородные обитатели сельской глуши привязались к этим идеям, к этому чуждому просвещению, и не отстали от них, когда с них снято было школьное рекрутство. С тех пор они и никто другой стали основателями нашего литературного и культурного развития. Стоит лишь перебрать имена всех наших литераторов, от Сумарокова до графа Толстого, – вы их по-прежнему найдете в старых списках дворянского сословия XVII в. Но эти культурные заслуги дворянства сообщили свой сословный отпечаток, иначе и быть не могло; странен человек, который думает что общественные и нравственные болезни проходят даром сословию или отдельно-му лицу. Наше дворянство, не имея практического значения дома ни государственного, ни экономического, беззаветно и бескорыстно вошло в круг западных идей, которые были на

Западе следствием известной борьбы; дворянство наше воспринимало эти идеи, не участвуя в борьбе, не видя её у себя дома. Это сообщало некоторую прелесть философскому и литературному увлечению нашего дворянства XVIII в.; оно любило эти идеи без практических соображений; оно любило их в самих себе, как Дон Кихот любил свой идеал; но здесь дворянство внесло свой сословный характер – в выборе идей и их усвоении; тут сказалась привычка брать всё в последнем, вычурном виде и всегда располагало выбирать последние, новомоднейшие идеи и мнения, оно получало их из Парижа, как выписывают моды от какой-нибудь известной M-me Annette – Вот что даёт постоянную цену различаемому в наше время консерватизму и демократизму дворян; в сущности, это одно и то же, только первый отзывается конюшней, второй пахнет барской девичьей. Отсюда выходят все типы, которые вы найдете в нашей литературе; Митрофанушка, <...> сын его Радищев ещё искренно увлечен идеями XVIII в., внук его Онегин уже не знает, что с ними делать; Рудин только говорит о них и ничего не делает и, наконец, Обломов, не находя куда поместить их, лежит. – Те же инстинкты крепостного права сказались в самом роде литературной деятельности дворянства: землевладельческое и служилое сословие не выставило ни одного писателя по сельскому хозяйству, ни по государственному праву. Сперанский, первый русский публицист, вышел из духовного звания. – Все эти условия, действуя вместе на дворянство, поставила его идеи в глубокое противоречие с действительностью; всё, что говорилось, не имело практического применения в обществе, это было два мира без моста, между которыми не было ничего общего – мир идей и мир действительности. Но есть одна хорошая сторона в этом раздвоении: благодаря тому, что идеи оставались чужды действительности и не имели практического отношения к обществу, они не позволяли дворянству опошлиться, усвоить себе дикие инстинкты остальных слоёв общества.

Лекция 20-я

Меры Петра по народному образованию

казав на устройство администрации и общества в царствование Петра, я прибавлю этот краткий обзор средств, к которым прибегало правительство для народного образования. Обзор этот даёт нам главные черты для характеристики мыслей и приёмов петровских преобразований.

В Древней Руси не существовало правительственных учебных заведений. Я имел случай указать на характер частных школ; это были чисто практические школы, имевшие исключительной целью приготовить церковных служителей. Лишь к концу XVII в. в правительстве возникает мысль о необходимости общеобразовательного заведения и притом высшего. План, составленный в конце царствования Фёдора, был осуществлён в правление Софьи открытием Славяно-греко-латинской академии; это было словесное высшее учебное заведение для всех сословий. Преподавание в ней не было церковное; в ней преподавали все духовные и гражданские науки, от грамматики до богословия. По господствующему характеру это было словесное народное заведение, в котором преобладало преподавание пиитики, риторики, диалектики и философии. Совершенно другой характер придан был народному образованию в царствование Петра. Очень трудно определить ход и систему этого образования: учебные заведения возникли случайно, по мере появления государственных надобностей и не были основаны по общеобязательному плану; они исчезали так же быстро, как и возникали, не имея ни правильно распределённых предметов обучения, ни строго обязательного существования. Чтобы внести хоть какой-нибудь порядок в описание петровских учебных заведений, я представлю вам их по преобладающим в них предметам преподавания и по сословиям. Славяно-греко-латинская академия существовала и при Петре. По известиям Московских ведомостей 1703 г. (первый год их существования), в этой академии обучалось 45 человек, уже прошедших диалектику. С течением времени этому высшему общеобразовательному заведению сообщился всё более спе-

циальный характер; и, хотя при Петре не уничтожено было право всех сословий отдавать своих детей в эту школу, но недоросли стали при Петре требоваться и в другие учебные заведения и на практике правительство стало стеснять поступление детей дворянских в академию, так что к концу царствования Петра эта академия стала во главе духовных школ, заведение которых было сделано обязательным для каждого архиерея. Из этой Славяно-греко-латинской академии и стоявших при ней архиерейских школ впоследствии и развились духовные академии и семинарии. План общеобразовательных предметов преподавания, начерченный в царствование Фёдора для всех сословий и по всем наукам, и вошедший в программу общего образования в царствование Петра, стал получать специальный, духовный сословный характер; но духовные школы во всё это царствование оставались на втором плане для правительства; главные его заботы обращены были к школам военным. В самом начале XVIII столетия находим в Москве существование **математико-штурманной**, или навигацкой школы, находившейся в Сухаревой башне. Её военная программа очевидна из её названия. Программа эта состояла из начальной математики и главных сведений, необходимых для мореплавания. По известиям тех же ведомостей, в 1703 г. уже состояло в этой школе 300 учеников из разных общественных классов; преподавателей при ней было три англичанина, в качестве помощника при них был один русский, автор известной Арифметики – Магницкий. Через несколько лет при математико-штурманной школе в Москве возникла школа инженерная; в 1713 г. встречаем в ней 23 ученика, но Пётр хотел довести её штат до 100. Пётр предписал всем инженерам учиться сначала арифметике, потом геометрии в той степени, в какой это нужно для инженера, а затем велел отдавать учеников мастеру для обучения фортификации. Предложенный штат плохо пополнялся, и Пётр предписал военной канцелярии выбрать дворянских детей 17 человек и определить их в инженерную школу. В Петербурге около этого же времени возникла **академия морская**, впоследствии морской корпус. В обеих столицах основаны были академии, или **школы артиллерийские**. Рядом с этими военными учебными заведениями, на которые преимущественно обращены были все усилия преобразователя, встречаем школы с гражданским характером. Сословия, как нам известно, имели в то время для правительства служебное и экономическое значение, вот почему гражданские школы, предназначенные для развития специальных практических знаний, отличались и сословным характером: военные школы должны были стать исключительно дворянскими; но дворянству указаны были и гражданские, административные обязанности: оно преимущественно занимало гражданские должности в управлении; для этих должностей необходимо было известное образование. В регламенте, данном герольдмейстеру (чиновник, который вёл список дворянам) поручено было устроить школу для гражданского образования дворян. Пока ещё академия не исправится, герольдмейстер должен устроить краткую школу для дворян, в которых из знатных и средних дворянских фамилий дети предварительно обучались бы гражданственности и экономии, потому что: «это учение у нас ещё не гораздо учинено». Точно так же для многочисленного класса подьячих детей, приготавливавшихся к деловому промыслу в канцелярии, в 1721 г. устроена была особая специальная школа; в этой школе учили тому, что доброму дьяку знать нужно – цифры, как книгу держать и стили письма. Совершенно такая же программа указана была и дворянским детям в упомянутых школах герольдмейстера. Из этой дьяческой программы мы узнаём, что разумел преобразователь под экономией и гражданством – чтение, письмо, элементарную математику и бухгалтерию. Рядом с этими специальными и вместе чисто сословными школами в столицах встречаем несколько школ для обучения языкам; обучение это было вызвано потребностями дипломатическими и торговыми. В Москве при здешней типографии на Никольской улице в 1711 г. встречаем несколько разноязычных школ, обозначившихся по главному из преподаваемых языков, это были школы французская, немецкая, латинская и греческая; две последние предназначались преимущественно для духовенства. – По указу 1708 г. дети священников и дьяконов обязаны были учиться в греческих и латинских школах, без чего они не могли быть назначаемы на должности своих отцов и никуда не

отцов и никуда не принимались как в служилые люди, т.е. в солдаты. Во французской школе мы встречаем преподавателя-итальянца. Подобные же заведения были в Петербурге. Как добывались профессора для этих школ, мы видим из одного распоряжения Петра. Учреждая французскую и немецкую школы в Петербурге, Пётр поручил московскому учёному корректору, справщику Поликарпову, добывать учителей, и если то будут пленные, выпроводить их в Петербург под караулом, а если свободные, то просил прислать с чиновником. Таковы были специальные и сословные школы в столицах. Для того, чтобы создать необходимый контингент сколько-нибудь подготовленных людей для центральных школ, приняты были меры для образования в областях. Эти меры касались только дворян и служилых дьяков и подьячих. Указом 1714 г. велено было из московской математической школы выслать в каждую губернию несколько человек, знающих цифры и геометрию; они должны были обучать в провинциях дворянских и дьячих и других сословий детей. Так завелись эти первообразы гимназий и уездных училищ в России, они возникали первоначально в архиерейских домах под названием **школ цифирных**, потому что главным предметом их преподавания была начальная математика. Была мысль у правительства основать учебные заведения для неслужащих людей, для городского класса: в регламенте к магистратам 1724 г. Пётр возлагает на это городское учреждение заботу о том, чтоб городские люди, не только богатые, но и бедные, учили детей своих грамоте, цифири и геометрии; но Сенат поручился учителям провинциальных школ принимать только тех из городских людей, которые сами охоту возымеют без принуждения, потому что в эти годы у купцов дети торговлей заниматься начинают, так чтоб от их поступления в школу государству убытка не было. Мы можем собрать достаточное количество известий, характеризующих ход учения во всех описанных мною школах; в технических школах первыми преподавателями, разумеется, должны были стать иностранцы.

Я уже говорил, что в навигацкой московской школе преподавателями были три англичанина. Директор этих школ, дьяк Курбатов, сообщает две, три черты о ходе этого преподавания. В одном письме он очень доволен английскими учителями и говорит, что они ведут своё дело отдельно, лишь изредка загуляют или просят, но особенно он одобряет русского учителя, Леонтия Магницкого; в другом письме он оставался недоволен англичанами и говорит, что они ведут дела слишком медленно и небрежно. «Кто из учеников учится остро, понятно, — пишет он, — тех они бранят, велят дожидаться меньших». Иностранные учителя, не говоря уже о русских, были поставлены очень дурно в школьной администрации. Понятие об учителе, разумеется, не было выше понятия о мастере; вследствие такого взгляда <...> по-видимому, долженствовавшее стать довольно высоко в обществе. Директор упомянутой академии в Петербург был приглашён из-за границы; это был француз, Francois S-Hileire, один из русских учителей академии жаловался, что барон бил его при учениках по щекам и палкою; но учёный барон здесь применял лишь систему принудительных поощрений, которую ему самому пришлось на себе испытать. В письме к попечителю академии графу Матвееву, с которым барон был в ссоре, он просит забыть об оскорблении и прибавляет, что по наговору князь Меншиков призывал его к себе и грозил прибить палкой для того, чтоб выучить французский народ как жить, «а вам известно, — добавлял барон, — что к таким подбиваниям шляхтаци в Европе не привыкли». Главное затруднение в успехе этих школ заключалось, конечно, в нежелании самого общества воспользоваться ими, в непонимании их настоящей цели. Официальные известия говорили о том, что уже многие препознали тех наук слабость и охотно отдают в школы детей своих, но это известие встречается рядом с известием иного характера: иностранцы говорили, что этими школами в русском обществе интересовались мало, потому что здесь всё делается из принуждения и в угоду царю, а умри царь и прощай, наука! Списки беглых учеников разных школ мы находим наряду со списками беглых крестьян и солдат. Из греческой московской школы, по донесению Поликарпова, бежало 40 человек, и ведомость была подана в Сенат для того, чтоб сыскать их.

Таковы были главные учебные заведения петровского времени. Я указал на те из них и описал их такими чертами, которые нужны нам для того, чтоб охарактеризовать цель и задачи петровских мер для народного образования. Мы видели, что школы, основанные им, были все специальные или технические. Если вы перечитаете все известные петровские указы об учебных заведениях, вы в них никогда не встретите мысли об общем образовании, об умственном или нравственном развитии человека. Господствующая цель преобразователя состояла в создании средства для выучки и подготовки человека к тому или другому практическому и преимущественно государственному служебному поприщу; этим объясняется материальный, практический характер, сообщённый Петром народному образованию, это, впрочем, не составляет особенности его школ; подобный же характер образования господствовал во всей Западной Европе до половины XVIII в. Создавая школы у себя, Пётр только заимствовал образцы у Западной Европы. Жалобы на эту практическую односторонность вы услышите везде в Западной Европе XVIII в. и от людей, усвоивших себе новые педагогические понятия; вы найдёте их и в записках русских литераторов того времени. Припомните, что говорил Фонвизин о французском правительственном образовании: «Юношей, – говорил он, – здесь учат, а не воспитывают: главное старание состоит в том, чтоб одного сделать богословом, другого живописцем, а третьего столяром; а чтобы каждую сделать человеком, это и на мысль никому не приходит». Разумеется, такой характер правительственного образования становился неизбежным при тех практических потребностях, в которые становится государство: школы должны были готовить только практических дельцов, в которых нуждались или армия, или канцелярия, или церковь. Школам всех этих трёх разрядов сообщена была одинаковая мысль, одинаковый характер. Этим же характером отличалась и большая часть литературных произведений времени Петра; и если вы просмотрите каталог книг того времени, вы редко встретите произведения чисто литературные: более или менее это были всё книги для надобностей житейских и государственных. Большую часть книг, образовавшихся в тогдашней книжной торговле, составляли учебники, выписываемые заведёнными школами; большее число этих книг были переведённые и переделанные заграничные руководства. Даже в книгах литературных, по философии или <...> также переведённых в царствование Петра, мы замечаем те же технические служебные цели. Пётр рядом с учебниками об артиллерии, фортификации, о земле, велел переводить и некоторые произведения тогдашней политической и философской литературы; но это были именно книги, необходимые для руководства известными государственными учреждениями – книги для развития юридического образования или искусства канцелярского. – Такие административные практические цели легко заметить в первых появившихся при Петре книгах «О деньгах и купечестве», «О правах войны и мира» – известная книга Гуго Гроция: «О правах французских», т.е. изложение французского законодательства.

Хотя всего мною сказанного и недостаточно, чтоб иметь полное представление о движении народного образования, но и думаю, что вы извлекли из моих слов основы и побуждения, руководившие преобразователем в этой сфере его деятельности.

Лекция 21-я

Мысль Петра о разработке естественных богатств страны.

Его пребывание во Франции, где развитие промышленности поразило Петра.

Мануфактур-коллегия. Регламент этой коллегии. – Коммерц-коллегия. – Её обязанность. – Отношение магистратов к ней. – Устройство заводов правительством и передача в частные руки. Демидовские железные заводы. Олонекские заводы. Письма Геннинга к Царю. Результаты деятельности правительства для развития промышленности к концу царствования.

т государственного управления, от устройства общественных классов и народного образования я перейду к последним, самым материальным сферам преобразовательной деятельности Петра: к промышленности и финансам. В этих сферах факты отличаются иным характером; здесь вместо лиц, событий, идей, мысль выражается в цифрах, в плюсах, минусах, итогах. Но если и теперь статистика далека ещё от полноты и точности, то при Петре она, очевидно, не думала, что потомство будет нуждаться в её показаниях, и писатели, воспроизводившие экономические факты древней России, далеко не исчерпали всего, что можно было извлечь из тогдашних документов. Можно собрать грудю цифр, но они так случайны, так лишены внутренней связи, что как ни складывай их, трудно придти к какому-либо твердому заключению. Нам неизвестна цифра податных душ в царствование Петра, нам нигде не удастся отыскать, сколько было крепостных и сколько чёрных, государственных крестьян. Трудно даже отыскать точную цифру ежегодного государственного дохода в царствование Петра; разница показаний простирается до 2 млн., что очень значительно в общем составе бюджета (до 10 млн.). Из этого вы поймете, что я могу дать вам лишь поверхностный очерк экономического состояния при Петре, обозначить лишь в общих чертах цели, приемы и результаты государственно-хозяйственной деятельности Петра.

Мысль об эксплуатации страны, о разработке её естественных богатств, ещё не тронутых, сильно занимала Петра с начала царствования и не покидала его до конца. Эту мысль он выразил впоследствии, сказав: «Наша страна передо многими изобилует и минералами и местами преисполнена, но до сих пор их плохо искали; наши люди плохо разумели рудопромышленное дело, или же не хотели употребить на это своё иждивение и труд». – Подобно своим предшественникам Пётр выписывал из-за границы искусных мастеров рудопромышленного дела и большими партиями отправлял туда своих людей учиться этому искусству. Это стремление к правильной разработке естественных богатств выразилось в целом ряде правительственных учреждений и мер, предпринятых преобразователем лишь в последние 6 или 7 лет его царствования. Два обстоятельства помогли в это время Петру обратить особенное внимание на развитие промышленности и торговли в России. Шведская война приходила к концу, она не составляла такой тяжелой заботы, как прежде; добытые от неё результаты давали возможность царю на досуге обратиться к внутренним делам и вести внутреннюю политику более правильно и последовательно; к тому же Пётр был вторично за границей, долго прожил во Франции, где промышленность в то время, поставленная на ноги Кольбером, развивалась широко и совершенно самостоятельно без правительственных регламентаций. Картина этого промышленного развития поразила Петра так, как прежде поразило его торговое движение в Голландии. С возвращением Петра после этой вторичной поездки за границу замечаем сильную деятельность законодательства для развития промыслов и торговли в стране; создается целый ряд учреждений, главной целью которых должно быть развитие внутренней производительности и внешней торговли. Во главе этих учреждений стоит **Мануфактур-коллегия**, открытая вместе с другими в 1718 г. Любопытно познакомиться с регламентом этой коллегии; здесь мы найдем планы развития внутренней промышленности, средства и приёмы, какими должно было руково-

диться это учреждение. Учреждение Мануфактур-коллегии должно иметь по этому регламенту «верхнюю дирекцию» над всеми фабриками и мануфактурами; заботясь о размножении фабрик, государь, сказано и акте, возлагает на Мануфактур-коллегию попечение о том, чтоб распространять всякие и особенно курьёзные художества, преимущественно те, для которых есть материал в нашей империи. Итак, обязанность Мануфактур-коллегии заключалась в том, чтоб смотреть за всеми фабриками и мануфактурами. Президент её должен осматривать сам ближайшие к Петербургу заведения по меньшей мере три раза в год. Остальные фабрики и заводы распределены между членами коллегии так, что каждый из них смотрел за порученным ему заведением по полгода; они должны были смотреть, чтоб фабрики не ослабевали и дела наилучшим способом вели. Всякий мог заводить фабрики и заводы где угодно. Коллегия давала всякому желающему привилегию, но только чтоб эта привилегия не отнимала у других возможности заводить подобные же фабрики. Все фабриканты с детьми и братьями, живущими с ним в одном доме, а также и товарищи, вступившие в компанию с фабрикантом, но позднее 1 ½ года на основании завода освобождаются от всяких служб и ведаются во всех делах, исключая политических и уголовных, в Мануфактур-коллегии. Они становились вне государственного тягла, выделялись из него, становились привилегированными людьми. Мануфактур-коллегия должна была принуждать людей основывать заводы и фабрики не только с большим, но и с маленьким капиталом «потому, говорит регламент, что у нас люди к фабрикам и заводам ещё не привычны много капитала употреблять». – Все фабриканты обязаны иметь русских учеников, за что им назначается особое вознаграждение и назначается срок выучки учеников; коллегия должна экзаменовать этих учеников. Всякий фабрикант или заводчик имеет право приобретать крепостных людей и приписывать их к фабрике или заводу. В коллегию должны доставляться образцы производства для того, чтоб правительство могло следить за достоинством и дальнейшим усовершенствованием производства.

Вторым учреждением, заведывавшим внутреннюю и внешнюю торговлей была **Коммерц-коллегия**. Обязанность её состояла в том, чтоб смотреть за всеми торговыми действиями, также заботиться о путях сообщения <...> вообще за всем, «что к порядку и учреждению купечества служить может». Она сносилась с Мануфактур-коллегией по делам тарифа. Одним из важнейших средств для развития внутренней промышленности служила высокая запретительная пошлина; но здесь Пётр находился в затруднительном положении: он не мог запретить ввоза товаров, потому что страна нуждалась во многих привозных предметах, но вместе с тем он не мог поставить внутреннюю промышленность в свободную конкуренцию с иностранной, это было бы смертью для первой. Отсюда, из этого затруднения выходили любопытные распоряжения и правила, изложенные в уставе Коммерц-коллегии, лишь только будут заводиться фабрики по известному производству, Коммерц-коллегия по сношению с мануфактур-коллегией облагает пошлиной все привозные товары, относящиеся к производству этого сорта, все, за исключением сукна (нужного для армии). Если внутренняя производительность в какой-нибудь промышленной отрасли дает товару в ¼ более, то на привозные товары возлагается пошлина сверх обыкновенной в ¼, если внутренняя производительность покрывает всю необходимую потребность, то пошлина с привоза удваивается. Коммерц-коллегия возлагала работу о развитии внутренних промыслов на городские учреждения. В числе главных задач Петербургского магистрата, стоявшего во главе всех городских магистратов, была забота об умножении фабрик и купечества; он должен был заботиться открывать в городах ярмарки и торги, купеческие биржи; отыскивать маклеров, дать правильную организацию купцам, т.е. вести гильдейское <...> устроить ремесленный класс, организовать цехи и т.д. Легко понять, каким образом должны были действовать все эти промышленные учреждения; единственным средством, как вы видите, для развития внутренней промышленности могло быть лишь принуждение; необходимость принуждения вытекала из потребностей самого государства в мануфактурной промышленности. Эта потребность возникала совершенно искусственно: социальное положение общества и народа совсем не нуждалось в фабричном

производстве; оно было нужно для государства, потому что государственный строй стремился к усовершенствованию в технике внешней защиты; в нём возникает вдруг эта потребность; внешние войны и территориальные приобретения России дали ей видное положение в западной политике; это положение надобно удержать; превосходство, завоеванное силой оружия, необходимо было упрочить развитием внутренних экономических сил страны. Западная Европа брала верх над Россией своим техническим промышленным развитием; чтоб освободиться и отстранить внешнюю зависимость от Запада, необходимо было сравняться с европейскими государствами в этом техническом, промышленном развитии. Всего этого надо было «достигнуть путём правительственных распоряжений», путём принуждения. Это было выражено прямо в указе, данном царем на донесения Сената, что мало охотников заводить фабрики; Пётр отвечает: «Что мало охотников, и то правда, понеже наш народ, яко дети не учения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся потом благодарят, **что явно из всех нынешних дел; не всё-ль неволею сделано?** и уже за многое благодарение слышится, от чего уже плод произошёл». Я могу принести вам некоторые факты промышленной политики правительства, чтоб лучше характеризовать вам средства и пути этого промышленного развития.

Рано Пётр усвоил правило с помощью казны основывать фабрики и заводы, а потом передавать их в частные руки; если не находилось охотников взять их, правительство устраивало силой компанию и заставляло её брать фабрику или завод с тем, чтоб уплачивать постепенно истраченный правительством на фабрику капитал; на экономическое состояние народа, на юридические подробности при этом обращалось внимания очень мало. Любопытно, например, как возникали в прошлом столетии известные Демидовские железные заводы на Урале. В начале XVIII в. казна выстроила на Урале эти заводы, истратив на них 1 541 руб., да сверх того с крестьян взято на наём работников 10 347 руб. В 1702 г. эти заводы переданы были кузнецу Демидову с тем, чтоб в пять лет он выплатил казне все истраченные на завод деньги и заплатил бы за приготовленные ему заводские запасы; о возвращении денег, взятых с крестьян на наём работников, в акте нет и помину. Совершенно таким же способом были устроены и развивались суконные фабрики, в которых особенно нуждался Пётр для обмундирования войска. Для того, чтоб заготовить материал для суконных фабрик, предписано было известное количество шерсти распределить на все губернии и взыскивать с населения вместо податей. Собранная таким образом шерсть пошла для вновь устроенных суконных заводов. Лишь только заводы пущены были в ход <...> правительство передало их в частные руки; в указе говорится: «Передавать их желающим, а если таковые не отыщутся, то и неволей отдавать». – Чтоб обеспечить овцеводство, заведены были па юге России казённые овчарни, которые велено было в 1722 г. отдать и распределить по местным владельцам, хотя б они того и не желали; при этом распределении количества голов скота надо было сообразоваться с количеством сёл и деревень каждого землевладельца. Овцы и овчарни должны были содержаться владельцами так же, как на казенных заводах.

В 1711 г. основана была казною полотняная фабрика в Суздальском уезде и в том же году была передана в частные руки, а для обеспечения фабрики было приписано к ней село Суздальского епископа с деревнями. Такая принудительная политика ставила иногда и затруднительное положение правительство. Есть одно интересное известие о полотняном казенном заводе. Полотна с домашних фабрик не могли спорить с привозными – недоброкачественный товар не знали как сбыть, и он лежал в складах. Петру донесли, что надо употребить какое-нибудь средство для сбыта полотна, и он велел уменьшить цену и продавать полотно по той цене, сколько им стало; но ему отвечали, что полотно не идет и по этой цене, что оценщики оценили его в 3 коп. аршин, а фабрике оно стало по 14 коп., а потому правление просит, чтоб велено было это полотно взять в штатсконтору и раздавать его вместо жалованья или принять и Военную коллегию на матросский мундир, а за него выдать деньги, потому что у фабрики нет достаточно средств для продолжения работы.

С начала Шведской войны для военных потребностей открыты были железные заводы в Олонецкой губернии, ими управлял иностранец Геннинг. Его письма к Петру интересны для характеристики хода и развития нашей промышленности в то время. Олонечким заводам приданы были большие размеры, и все олонечские крестьяне должны были на них работать. Геннинг пишет, что сверх заводских работ крестьяне должны ещё делать много других дел, гнать подводы, исправлять дороги и при этом обременены множеством мелких податей так, что на каждый двор крестьянский приходится по 30 руб. Вследствие этого крестьяне бегут в большом количестве и необходимо приписать к заводам крестьян ещё другого уезда, чтоб обеспечить их деятельность. Геннинг прибавляет, что в таком только случае опять наполнятся 8 000 дворов пустых. Итак, железные заводы Олонечские стоили правительству того, что 8 000 дворов крестьянских, т.е. почти вся нынешняя губерния Олонечская, разбежалась и необходимо стало приписать к заводам ещё другой уезд. Очевидно, все эти затруднения происходили от поспешности, с какой принуждено было действовать правительство. В указе о Коммерц-коллегии Пётр говорит, что одна из её обязанностей заселять пустые места, **всякую пустоту предупреждать осторожным домостроительством**. Ход дела был таков, что в развитии промышленности правительство не могло удержать этого права, не могло **вести осторожного домостроительства**; правительство не могло выполнить этой задачи, не прибегая к принуждению. Однако же результат, к которому привели беспорядочные и не всегда благоразумные усилия законодательства, был тот, что к концу царствования Петра мы находим в империи 230 фабрик и заводов; здесь встречаем всевозможные роды мануфактурной производительности; большая часть из них, по крайней мере самая значительная, имела применение к армии и её содержанию. Кроме непосредственной потребности, вызванной внешней борьбой, забота о развитии промышленности, разработке сырого материала страны имела для Петра финансовое значение: чем более развивались мануфактуры и торговля, тем более должны были развиваться налоги косвенные, которые должны были служить облегчением налогов прямых. Мы сделаем краткий очерк финансовой системы, установленной Петром, потом укажем результаты, к которым она привела.

Лекция 22-я

Система финансовая при Петре. Система косвенных налогов. – Прямые налоги – переведены с поземельного на трудовой. – Тяжесть налогов. – Обязательный труд как зённый – низкая плата за него; сравнение с Древней Русью. – Общие понятия о характере финансовой системы при Петре. Сравнение системы сельского хозяйства Древней Руси с петровской в применении к государственному хозяйству.

инансовая система Петра, главные черты которой я хочу передать вам, вырабатывалась преимущественно под влиянием военных потребностей. Трудно было бы выразить точно основания финансовой системы Древней Руси, до такой степени она запутана и так мало знаем мы о ней из сохранившихся цифр, чтоб составить себе понятие о ней. В царствование Петра финансовая система становится правильнее. Может быть, я утомлю ваше внимание рядом цифр, которыми я хочу показать, каким путем выработалась финансовая система при Петре и его преемниках.

В 1710 г. впервые сличили приход с расходом и нашли, что государство получило в этом году 3 051 796 руб. дохода. Расход на армию высчитан был в 1 252 525 руб. (сухопутная армия); флот требовал в этом году 444 288 руб.; другие военные потребности исчислены были в 335 903 руб.; да содержание гарнизона и войска внутренней стражи стоило в этом году 977 896 руб. Значит, весь военный бюджет этого года простирался до 3 010 612 руб., т.е. почти равнялся всей сумме государственного дохода. Но из этой же суммы дохода должны были покрываться и разные другие расходы, а именно дворцовые,

жалованье приказным людям и все другие статьи расходов, которые были исчислены в 675 775 руб. Следовательно, дефицит этого года простирался до 782 622 руб., почти 1/4 всего государственного дохода; это было бы всё равно, если бы теперь ежегодный дефицит у нас простирался до 100 млн. руб.; мы жалуемся, если он достигает суммы 40 тыс. в год. Финансовое положение государства становилось ещё более затруднительным благодаря несовершенству финансовых учреждений и недобросовестности и беспорядочности разных правительственных органов, которые производили сбор государственных доходов. В числе причин, производящих эти затруднения, видное место занимают недоимки, ясный признак, что податная сила страны напряжена до крайности. Мы знаем, что в 1712 г. не было прислано из губерний до 2,5 млн. руб.; главным образом эти недостатки происходили от недоимок. Вот с чем должен был бороться преобразователь, устраивая систему государственного дохода. Двумя главными средствами хотел он устранить дефицит: 1) развитием косвенных налогов и 2) изменением основания, руководившего раскладкою прямых налогов. В Древней Руси косвенные налоги, если только это понятие можно приложить к тогдашней финансовой системе, были очень неопределенны и едва ли велики: главным источником косвенных налогов были внутренняя промышленность и торговля; ни та, ни другая отрасль экономической жизни в Древней Руси не выходила из первобытного детского состояния. С самого начала царствования Петра, по возвращении его с первой заграничной поездки находим целый ряд распоряжений, устанавливавших главные налоги на предметы потребления; правительство с каждым годом всё более и более изыскивало хозяйственные статьи, которые можно было подвергнуть обложению. Достаточно перечитать список этих налогов за несколько лет, чтоб видеть усилия правительства подвергнуть обложению все части народного хозяйства. В начале XVIII в. для всех юридических и хозяйственных сделок введена была гербовая бумага; план этого налога составлен был одним из прибыльщиков времени Петра, бывшим дворецким боярина Шереметева Курбатовым. В 1700 г. подвергнуты были обложению все съестные припасы, продававшиеся на рынке. Этот указ резко противоречит понятиям Древней Руси. В одном указе царя Алексея Михайловича в 1674 г. всем последующим преемникам царя запрещалось под опасением кары и суда Божия облагать оброком или отдавать на откуп съестные припасы. В этом же году (1700) обложены были все дома в Москве на 25 %, на 1/4 валового дохода с них, в 2,5 больше, чем теперь обложены в Москве дома. Этот налог платился с домов даже и после пожара. В том же году обложен был помол муки на мельнице, даже хлеб, принадлежавший хозяину мельницы. В 1704 г. отданы были на откуп все торговые бани и обложены налогом все бани, принадлежавшие частным лицам смотря по званию владельца, например, с боярской бани 3 руб. в год и т.д. В 1705 г. отобрана была соль у всех частных промышленников, и её велено было продавать как монополию казны по возвышенным ценам (тогда как казна скупала её по существующим ценам). В том же году встречаем ещё более любопытный налог: древние русские знатные люди любили хоронить себя в дубовых гробах, это была посмертная роскошь, наиболее употребляемая в достаточных классах русского общества; в 1705 г. велено было у всех продавцов отобрать дубовые гробы в казну и продавать их вчетверо дороже прежней цены. Обложены были все пчельники в 1709 г. по 8 денег с улья. В 1710 г. благодаря открывшемуся огромному дефициту установлен был общий подоходный сбор по одной деньге с каждого рубля чистого дохода. В 1711 г. велено было возвысить все таможенные, оброчные и питейные сборы: в том же году встречаем ряд статей, ряд предметов, подвергшихся обложению, хотя по нашим понятиям они не имели ничего общего с народным хозяйством; так, например, по возвращении царя во второй раз из-за границы установлена была пошлина с бороды: кто хотел сохранить бороду, должен был платить за право носить её; подверглась обложению принадлежность к расколу, раскольники должны были платить двойной подушный оклад. Система прямых налогов, как я сказал, была поставлена Петром совсем на иные основания, чем в Древней Руси. В Древней Руси прямые налоги вышли из удельного хозяйства удельных князей; они были связаны с поземельным владением или с пользованием землей; каждый

крестьянин платил собственно за поземельный участок, на котором сидел, все налоги с крестьян имели это поземельное основание, поэтому их нельзя звать налогами на земледельческий труд. Экономисты находят, что можно звать это налогом с экономического излишка или богатства; что всего разорительнее налоги на труд. В царствование Петра экономическая система налогов была переведена с налога поземельного на налог трудовой. Этот переход сделан был постепенно. В Древней Руси городской житель платил с поземельного участка, на котором он сидел, совершенно одинаково как крестьянин; в 1704-м и следующих годах рядом указов этот подворный налог был заменен промыслом: городские обыватели должны были платить с промыслов и торгов. В определении налога видно стремление правительства установить его объём смотря по доходности промысла плательщиком; так купец торгующий в розницу, а не оптом, должен был платить в год за торговлю 16 алтын и 4 деньги (по-нашему 52 коп.), хлебники, булочники по 20 алтын 2 деньги в год (алтын – 3 коп, или 6 денег). Работники булочников по 3 алтына; плотники, каменщики, сапожники и тому подобные мастера по 2 гривны (20 денег); надельщики по 2 алтына. К сожалению, я должен ограничиться указанием разных налогов в городах, не имея достаточно материала, чтоб определить, как взыскивались подворные подати с крестьян в деревнях. Такое обложение подвергало правительство постоянно опасности недобора; к тому же, с одной стороны, недобросовестные переписчики пропускали в записях массу дворов; с другой стороны, многие дворяне ради хозяйственного интереса соединяли во время переписи несколько крестьянских семейств в один двор и составляли одну тяглую единицу. Наконец, была большая неточность и недобросовестность в определении городской промышленности. Все эти затруднения проистекали из несовершенства финансовой администрации, что и заставило Петра перенести надворную подать, как и промышленную, на общую **подушную подать**. Выделение этой подати стоит в прямой связи с устройством военных сил. Правительство распределяло налоги соответственно с постоянной нормой военной силы и распределяло эти военные силы по губерниям для содержания их; оно высчитывало, во сколько обходился казне каждый рядовой солдат и сколько было в губернии податных дворов до переписи или душ после переписи, и всё наличное количество военных сил располагало по губерниям, сообразуясь с количеством податных единиц; т.е. общая сумма, необходимая для армии, была разложена на количество этих податных единиц и таким образом получалась норма подушного оклада. В конце царствования Петра всё регулярное войско простиралось до 210 000 человек, распределённых по разным губерниям; не регулярная сила, военная команда и гарнизон составляли общую сумму 10 000 человек. Флот состоял из 40 линейных кораблей и 780 галер и других меньших судов с экипажем и 27 909 человек. Все эти военные силы по распределении их на количество податных душ, потребовали для содержания податной нормы в 74 коп. с души. Это и был податный налог, введённый Петром; но он подал в таком же размере на крестьян дворцовых, государственных и владельческих. которые сверх подушной подати должны были платить налог и своему владельцу; впоследствии вместо владельческого налога положено было с государственных крестьян взимать сверх 74 ещё 40 коп. добавочного сбора; таким образом, каждая податная душа должна была платить 114 коп., более рубля. Все городские жители без различия, богатые купцы и подельщики должны были платить налог в объёме 1 руб. 20 коп. По ревизии, начатой в 1719, по ведомостям 1722 г. всё количество податных душ высчитано было в 5 967 313 человек. В состав этой суммы на купеческое сословие приходилось только 172 385 душ.

С помощью изложенных средств, т.е. вновь добытых косвенных налогов и изменения податного налога, в подушную подать в 1725 г., в год смерти Петра, государство получило по известию ведомостей того года доход в 10 187 797 руб. Но если верить иностранным известиям, эта сумма преувеличена; по ним доход империи простирался только до 8 млн. руб. К сожалению, ни в каких известиях того времени нельзя было достать точных цифр, которые изображали бы верно сумму косвенных налогов, входящих в состав этого бюджета; поэтому нельзя высчитать и суммы прямых налогов, тем более, что мы не

знаем, сколько было государственных, дворцовых и сколько владельческих крестьян. Судя по глазомеру, сумма прямых налогов не могла простираться свыше 5 млн., следовательно, она составляла половину всего государственного дохода.

Я представлю вам одну цифру, чтоб показать степень тяжести прямых и косвенных налогов при Петре. Известно, что податное обложение становится тем легче, чем больше косвенные налоги преобладают над прямыми. Прямые налоги облагают труд, косвенные – потребление. Образцом для Петра при установлении финансовой системы была финансовая политика иностранных государств, которая, как я уже упоминал, была основана на **протекционизме**, на покровительстве внутреннему производству, хотя бы оно развивалось искусственно и стесняло ввоз необходимых для государства товаров. Народное богатство определялось просто разницей, полученной от вычитания суммы привозных товаров из суммы вывезенных. Образцом такой финансовой политики была система министра французского двора Кольбера. В учреждениях и мерах Петра для развития промышленности и увеличения государственного дохода мы постоянно встречаем распоряжения, скопированные с этой меркантильной финансовой политики Запада. У Кольбера одним из главных приёмов было постепенное понижение прямых налогов и возвышение косвенных; он достиг больших результатов в этом отношении, он понизил прямые налоги на сумму 1 млн. 20 тыс. ливров в год. Это громадная сумма на бюджет в 95 млн. ливров (в конце министерства Кольбера). В то же время он страшно возвысил налоги на потребление, особенно на предметы роскоши – вино, карты, табак. Налоги на эти предметы в 1667 г. давали казне дохода 21 млн. ливров, почти 1/4 всего государственного годового дохода. – Мы не можем высчитать суммы государственного дохода при Петре, но по ведомостям 1724 г. доход таможенный с питей, табаку и сам давал казне около 2,5 млн.; в состав этой суммы входило около 700 000 налога на соль, предмет потребления первой необходимости, налог, который при Кольбере был доведен до *minimum'a*. Итак, мы встречаем почти одинаковые или сравнительно сходные отношения и бюджете Франции конца XVII в. и русском начала XVIII в. Но по этим цифрам мы никак не определим степень тяжести налогов при Петре сравнительно с прежними. Я обращаюсь к другому средству, чтоб показать эту тяжесть. Указ о ревизии 1714 г., установивший подушную подать, выразил надежду, что кроме этих податей никаких работ и трудов с народа не будет требоваться, разве только за деньги; но это обещание осталось лишь одной надеждой; и прежде и после правительству постоянно требовался обязательный труд крестьян сверх подушного оклада; тогда эта обязательная работа падала на всё население губернии, например, при постройке Петербурга. Чтоб скорее застроить Петербург, в 1712 г. оставлены были все другие постройки в государстве и из всех губерний по раскладке вытребовано было до 6 000 рабочих и для содержания их необходимые деньги были разложены по губерниям. Любопытно сравнить плату рабочего, какую давало правительство при Петре за труд с размером платы, существовавшей в Древней Руси. В наказе воеводам в XVII в. определялась плата крестьянским работникам на казенных заводах по 6 алтын в день (18 коп.). По документам 1724 г. указано было платить крестьянину за казённую работу летом за день одному человеку с лошадью по 10 коп (копейка была меньше, чем теперь); без лошади – 5 коп.; зимой человеку с лошадью – 6 коп., без лошади – 4 коп. Итак, подённая казённая плата рабочему крестьянину была понижена при Петре почти вдвое. Это позволяет нам объяснить то явление, перед которым с удивлением останавливаются исследователи, а именно, что тяжести продолжительных войн при Петре не стоили нам ни копейки долга; долг был, но он не был выражен в финансовом ведомстве и не подан на утверждение, потому что за него никогда не требовалось с правительства уплатить прожитьё.

Я ограничусь этими указаниями, чтоб извлечь из них общие понятия о характере финансовой системы Петра.

В Древней Руси все хозяйственные (их нельзя назвать финансовыми) операции были лишь различными отраслями сельского хозяйства и не шли далее первоначальной земледельческой культуры. Промыслы обрабатывали сырьё – продукты местной почвы, даже

разработка минеральных богатств едва зарождалась. Соха, топор и коса были главными и почти единственными орудиями народного хозяйства. В таком состоянии хозяйства обыкновенно бывает слабая потребность в обмене и в орудии обмена – деньгах; отсюда незначительность денежных капиталов; отсюда в государственном хозяйстве преобладание натуральной повинности над денежною, а в финансовой системе преобладание прямых налогов над косвенными. Представьте себе сельского хозяина, который менее года жил и работал с своими крепостными крестьянами на родных полях он сам производит для себя необходимое и за недостатком сбыта в храмовые или семейные праздники проедает и пропивает с добрыми соседями весь излишек. Вдруг без всяких приготовлений понадобилось этому деревенскому хозяину жить в далеком и большом городе, играть роль в городском свете, для этого ему нужны деньги. Он остался богат по-прежнему у себя дома, в деревне, где всего вдоволь и всё под руками; а в городе жить трудно, денег нет. Вот он рвёт и мечет, требует с крестьян денег вместо барщины; а крестьянин по необходимости, чтоб удовлетворить барской прихоти, везёт на далёкий базар свой хлеб, телят, лыко и поневоле должен продать всё это дёшево; крестьянин теряет совершенно бесполезно пропасть труда, а барин много дохода, и всё благодаря тому, что последний стал жить в городе и перешёл на другие экономические формы хозяйства. В положении такого хозяина была и Россия в царствование Петра. Царь выехал в европейский свет из своей Кремлевской вотчинной усадьбы, где жили его деды и прадеды на натуральном доходе сельского хозяина; а в этом новом свете все уже давно жили деньгами, куплей и продажей, а не натуральным обменом, и вот хозяин стал быстро пересаживать своих крестьян с системы барщины на систему денежного оброка. Пересадка была совершена быстрее, чем хозяйство успевало усвоить себе новые формы, и через это происходила ужасная потеря и труда, и процентов в оборот.

Вот чем объясняются эти экономические тяжести, на которые так жалуются современники, о которых один из сторонников Преобразователя, Апраксин, писал, что «мы точно в потёмках ходим, не знаем, что будет; в деньгах весьма большая нужда, а их ни у кого нет и не с кого взять, все с работы бегут».

Этим я окончу обзор петровских преобразований. – Нам остается ещё разрешить два вопроса, которые должны привести нас к оценке Петровской реформы. Первый вопрос состоит в том, чтоб определить, как подействовало само общество на характер реформы и как оно изменило её первоначальную программу и цели. Второй вопрос в том, чтоб объяснить себе, откуда, из каких условий исторических и потребностей вышел изобретённый мною план реформ и какое он имел значение.

Лекция 23-я

Историческая оценка Петровской реформы. Реформа имеет материальный, технический характер, как в области административной, социальной, так и в учебной. Цель её основная – техническое усовершенствование разработки страны.

Манифест к иностранцам.

о сих пор на трёх предметах сосредоточивал я ваше внимание, излагая историю Петровской реформы. Сначала я хотел изобразить состояние Московского государства непосредственно перед реформой, указать обстоятельства, при которых она началась, затем я описал занятия Петра, привычки, вынесенные им из воспитания, впечатления, пережитые им в молодости; наконец я старался передать вам содержание главных его реформ: административных, социальных, учебных, экономических и финансовых. На этих трёх сторонах преобразовательной деятельности Петра я и хочу остановить её историческую оценку; в этих трёх сторонах выразились существенные её моменты, по ним можно усмотреть основную цель преобразований,

изучить их внешние формы и приемы и, наконец, указать их историческую связь с древнерусской жизнью. Я теперь отваживаюсь на эту историческую оценку и передам её так же бегло, иногда бессвязно и отрывочно, как излагал до сих пор историю того времени. Я повторяю здесь то, что сказал в начале курса: я буду ценить эту эпоху как явление, до которого нашему времени нет живого дела. Нравственное приличие требует об умерших людях говорить лишь хорошее или молчать, чтоб не говорить дурного, но о минувших явлениях можно говорить, не говоря ни того, ни другого. Я постараюсь держаться на этой узкой полосе между ненужными похвалами и непосредственными порицаниями, не теряя равновесия, столь необходимого для спокойного размышления.

Указанная оценка может быть основана на решении ряда вопросов. Первый из этих вопросов. – Какую существенную задачу ставил сам Пётр для своей деятельности? Какая была основная цель его разнообразных преобразований? Я не говорю о той цели, какая сказалась в результате преобразовательной деятельности; результаты деятельности почти никогда не указывают на её первоначальную цель, потому что зависят в значительной степени от посторонних чисто случайных влияний. Мы увидим, как основная цель петровских преобразований незаметно для самого преобразователя уклонилась от того, что преследовал Пётр первоначально. Я говорю о той цели, какую можно вывести из связи различных предприятий Петра, из той программы, которую он постоянно развивал во всех своих указах независимо от их практического применения.

Итак, переберём главнейшие преобразования Петра в таком же порядке, в каком рассматривали их подробно и попытаемся указать, связующую нить, которая проходит по всем им.

Прежде всего посмотрим, что имел в виду Пётр, создавая новые правительственные учреждения. Вам известен строй петровской администрации: во главе её две высших коллегии с широкими полномочиями: Сенат и Синод; у каждой из них сложный механизм подчинённых органов, в центре стоят правительственные коллегии между которыми разделены разные правительственные ведомства, в областях параллельный ряд учреждений исполнительных: губернаторы, коменданты, воеводы и т.п.; комиссары для сбора податей, камериры для надзора за сбором податей, рентмейстеры для хранения собранных податей; затем ряд полицейских учреждений и ряд учреждений судебных: высшая областная инстанция – надворный суд в губернском городе; средняя инстанция – провинциальный суд и, наконец, низшая инстанция – городской в уездном городе; у каждого из этих судебных учреждений целая сеть исполнительных чиновников; даже для содержания тюрем и охранения арестантов назначен был особый штат. Я не говорю уже о сложных отдельных ведомствах: военном, флотском, горном и др. таким образом, администрация, созданная Петром, представляет чрезвычайно сложный механизм. В этой сложности, следовательно, в дороговизне администрации заключается главный её недостаток, сознавали уже который современники Петра и, по-видимому, он сам; в конце царствования он начал уничтожать некоторые мелкие ведомства. Сознание этого недостатка ясно выразилось в указе преемницы Петра в 1727 г., отменившей провинциальные суды и некоторые исполнительные органы по финансовому ведомству комиссаров, камериров и т.д. В этом указе читаем: «Умножение управителей и их канцелярий во всём государстве не только служит к великому отягощению штата, но и к великой тяжести народной, потому что вместо одного управителя, к которому прежде обращались во всех делах, их 10 и может быть более. И все те разные управители имеют свою особую канцелярию и канцелярских служителей и особые свои суды и каждый по делам своим волочил бедный народ: и все те канцелярские служители пропитания своего хотят». Нельзя было резче выразить затруднения, вытекавшие из сложности и дороговизны петровской администрации. Эта сложность происходила от трёх главных причин, трёх основных стремлений, какие развивал Пётр в преобразовании управления. Во-первых, от коллегиальности, которую он внес в высшие правительственные учреждения центральные и областные: вместо одного лица, стоявшего во главе учреждения и несшего всю ответственность за него, при Петре в министерствах, в

управлении губерний и в других учреждениях внесено было начало совещательности, кроме многочисленных канцелярий, в учреждениях является большое присутствие членов, решивших дела большинством голосов; в каждой из десяти коллегий это присутствие состояло из 11 членов; вместо 10 министров их являлось 110.

Второй причиной сложности административного механизма была попытка Петра отделить ведомства административные собственно от судебных. В Древней Руси эти ведомства сливались в правительственных учреждениях – Пётр хотел их разделить в низших административных ведомствах. Отсюда в губерниях рядом с губернаторами, воеводами и комендантами являются независимые от них надворные, провинциальные и низшие городские суды.

Наконец третьей, и может быть, главной причиной этой сложности была развитая Петром мысль о государственном контроле, о правительственном надзоре над администрацией. В Древней Руси этот государственный контроль сосредоточивался в областных учреждениях – не имея особых органов, Петр создал для этого многочисленный штат чиновников, обязанность которых состояла только в надзоре за правильной администрацией. Эта система надзора была двойственная: 1) карательная – выражавшаяся в ведомстве фискалов и 2) предупредительная – выражавшаяся в обер-прокуроре. При Сенате, при каждой коллегии, при каждом надворном суде, при каждом отдельном ведомстве был свой прокурор, обязанность которого заключалась в том, чтоб указывать и предупреждать уклонения от законного порядка.

Как фискалы были подчинены обер- и генерал-фискалам, так и все прокуроры стояли в зависимости от сенатского генерал-прокурора.

Отсюда нам становится ясным основной мотив административных преобразований Петра. Управление может иметь две главные цели: из них низшая цель состоит в ограждении государственного интереса от неискusstва и недобросовестности исполнительных органов. Высшая цель состоит в сбережении народного труда от требований государства, которое потребляет плоды этого труда. Сложность и дороговизна администрации, созданной Петром, показывает, что преобразователь не имел в виду этой последней цели. Попытка разделить разные ведомства, совещательный порядок решения дел и более всего недоверие Петра к административным чиновникам, выразившееся в двойной системе контроля, – всё это показывает, что главным образом он преследовал первую из указанных целей в своих административных преобразованиях. Таким образом, основная цель этих преобразований была чисто материальная или техническая; она состояла в создании такого крепкого, хотя и сложного, такого искусного, хотя и дорогого правительственного механизма, колеса которого двигались бы правильно, без остановки и зацепок и при этом не потребили бы слишком много обрабатываемого материала (народного труда); механизм, который не облегчая требований с этого труда, доносил бы до государства <...> по возможности с наименьшими непроизводительными тратами. На двух неодинаково искусно устроенных мельницах из одного и того же количества зерна выходит неодинаковое количество муки. Петру хотелось, чтоб созданный им административный жернов поменее трал этого зерна, хотя бы и стоил дороже.

Рассмотрим теперь общественные и сословные преобразования Петра. Такие преобразования могут иметь две цели: из них высшая, цивилизующая цель состоит в эмансипации общества от государства, в расширении государственных прав общественных классов, в ограниченном и равномерном распределении между ними государственных повинностей. Вторая, низшая цель, техническая, состоит в строжайшем определении общественных обязанностей, в более правильном и целесообразном устройстве общественных классов. Мы видели, как были определены общественные отношения при Петре; государственные и общественные обязанности каждого класса были определены строже и точнее. Все общественные классы – дворянство, городское сословие, крестьянство – получили вид сословий более правильно устроенных и более резко отделявшихся друг от друга; но государственные повинности остались те же; узел государственного тягла для каж-

дого класса был только затянута крепче прежнего; и прежде дворянство несло военную повинность, но теперь она требовалась с него строже; и прежде посадские люди и крестьяне несли натуральное и денежное тягло; теперь оно было увеличено, требовалось и отбывалось более точно.

Таким образом, и здесь цель реформы была скорее техническая; общество получило более правильную организацию; точнее была определена служба каждого класса государству, положенная на него в виде государственного тягла.

Теперь я обращаюсь к третьей стороне преобразовательной деятельности Петра, народному образованию, мастерской, технический характер школ, устроенных Петром, очевиден при первом взгляде. Задача Петра в этой области высказана была им самим: он хотел создать такие школы, из которых бы люди во всякие потребности происходили, в службу церковную и гражданскую, воинствовать, знать строение и докторское врачебное искусство. В инструкции герольдмейстеру, управлявшему дворянством, Пётр жаловался, что в гражданских и особенно в экономических делах нет никакого учения. Пересмотрите все указы Петра по народному образованию, вы нигде не встретите мысли о таком устройстве народных школ, которое вело бы к умственному и нравственному развитию. Таким образом, и школы должны были разделять тот технический и практический характер, который был сообщён преобразователем административному и социальному строю.

Наконец мы смотрели промышленные и финансовые преобразования Петра. Очень часто Пётр жаловался на недостатки разработки естественных богатств в России, на небрежность, с какой относились к ним его предшественники. Он предпринимал широкие меры для разработки этих богатств; деятельность его в этой сфере необозрима и изумительна; от крупного до ничтожных мелочей, от разработки металла, необходимого для пушек, до виноградного вина в Астрахани; всё подвергалось его строгому вниманию и изучению. Цель, которая сквозит в его мерах для развития этой отрасли, разумеется, финансовая – увеличение государственного дохода; но эта цель не была единственной и часто не была главной; иногда Пётр жертвовал прямым непосредственным интересам казны разработке естественных богатств для обогащения страны. Правительство заводило фабрики за свой счёт, подвергаясь неизбежным при этом потерям, заводчикам и фабрикантам оно давало обширные привилегии, которые должны были вредить непосредственному правительственному интересу, уменьшать торговые пошлины; судя по широте и тщательности, внесённых Петром в указ по этой части, можно решительно сказать, что ни одна сфера преобразовательной деятельности не обращала на себя так внимания преобразователя, как развитие государственного и народного богатства.

Сопоставьте теперь цели, преследуемые Петром, в отдельных сферах государственной жизни, и вам откроется основная мысль, главная задача его преобразований. Государственная администрация получает совершенно новый вид; но она должна была только в большей целости доносить в руки государства плоды народного труда, не уменьшая степени напряженности последнего. Общественные преобразования должны были точнее определить для каждого класса род и характер этого труда; народное образование должно было указать новые предметы труда и научить улучшенным, более рациональным приемам работы. Ни одна из этих сфер в программе преобразователя не была целью самого себя, не считал её своей самостоятельной задачей; все они должны были действовать для других отраслей государственной жизни. Этой главной, основной сферой, на которую направлены были преимущественно все преобразования, была эксплуатация страны, техническое усовершенствование её разработки, улучшение орудий и приёмов народного труда.

Вы думаете, что основная цель реформ Петра выведена мною отвлеченным путём – только посредством разбора и сопоставления отдельных реформ пришёл я к этой мысли. Ту же самую мысль высказывает сам Пётр: в 1702 г для привлечения иностранных работников и мастеров из-за границы он издал и опубликовал в Европе свой манифест о вызове иностранцев; вот что мы читаем и начале этого манифеста: «Довольно известно во всех землях, которые Всевышней нашему управлению подчинил, что со вступления нашего на

сей престол все старания и намерения наши клонились к тому, как бы сим государством управлять таким образом, чтоб все наши подданные попечением нашим о всеобщем благе, более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние; на сей конец мы весьма старались сохранить внутреннее спокойствие, защитить государство от внешнего нападения и всячески улучшить и распространить торговлю. Для сей же цели мы побуждаемы были в самом правлении учинить некоторые нужные и к благу земли нашей служащие перемены, дабы наши подданные могли тем более и удобнее научиться поныне им неизвестным познаниям и тем искуснее становиться во всех торговых делах».

Значит, административные преобразования предприняты были для того, чтоб защитить государство извне и улучшить его промыслы и торговлю; к этой же цели направлены были и меры для развития в народе знаний; и то и другое клонилось к тому, «чтоб подданные во всех торговых делах искусны стали». Та же самая мысль, только очень часто сквозит в тех общих рассуждениях, которыми Пётр любил начинать свои указы.

Такова была основная мысль, проведённая Петром, в его преобразовательной программе. Но эта мысль, **положенная в основание** программы, а не более. Чтоб оценить характер и значение деятельности преобразователя, надо видеть, как эта программа была исполнена на самом деле; и если она не осуществилась в своём первоначальном виде, то надо знать, где и какие были тому препятствия, насколько помещало тому само общество, служившие Петру орудием для реформы, в какой степени это общество противодействовало реформе и, наконец, какое участие в этом изменении преобразовательной программы принимали внешние обстоятельства, при которых эта реформа осуществилась. Рассмотрев это, взвесив результаты, вышедшие из усилий преобразователя и препятствий, им встреченные, – нам нужно будет определить связь этой реформы с древнерусской жизнью.

Лекция 24-я

Отношение реформы Петра к старой Руси. – Петровская реформа не имела юридического характера и сохранила все главные основания древнерусского государственного строя. Этим она резко отличается от преобразований нашего времени, преимущественно юридических.

Выразив вам основную мысль Петровской реформы, я хочу указать вам на одну сторону, в которой эта мысль выяснится с особенной силой; при этом я должен буду перейти от разбора исторических фактов к некоторым отвлеченным рассуждениям. Историческая жизнь народов складывается из разнообразных сочетаний, в которые входят три основные её стихии: это первоначальные элементы исторической жизни – природа, общество и нравственная индивидуальная личность. Государство служит лишь покровом, внешней оболочкой, связующей разнообразные местные и временные сочетания этих главных стихий. Значение и достоинства государственной деятельности известного правительства определяется качеством и степенью его действия на ту или другую из этих основных стихий. Личность и её развитие редко становится прямой и ещё реже единственной задачей усилий правительства, этот элемент слишком неуловим для правительства, недоступен для материальных, механических средств, которые находятся в его распоряжении – как например: запрещение, поощрение, наказание и т.п. Личность человеческая развивается совокупным действием всех условий человеческого общежития, и государству здесь открыта возможность лишь косвенного содействия этому развитию, составляющему конечную цель, венец человеческой культуры. Обыкновенно государство направляет свои усилия на две другие стихии исторической жизни. Собственным почином или косвенным содействием оно устанавливает лучшие, справедливейшие отношения между людьми, вносит в их среду лучшие понятия и привычки общежития, или же, с другой стороны, помогает обществу вести борьбу с природой, завоевывать у нее богатства, необходимые, для человеческой жизни. Если предметом правительствен-

ных усилий служит само общество, то его преобразующая деятельность сказывается в усовершенствовании людских отношений, в развитии права, в реформах юридических. Если главным предметом усилий правительства служит природа, т.е. борьба людей с ней, то правительственные усилия выражаются в изменении условий экономической жизни, в содействии развитию экономических богатств природы. Рассматривая преобразования Петра, нельзя не заметить в них одной особенности, связанной тесно с указанной их основной мыслью. Несмотря на своё разнообразие эти реформы страдают недостатком перемены, какую они могли бы внести в русское право. Юридические отношения русского общества остались при Петре те же, если они не касались казённого интереса. Если же последние затрагивали казённый интерес, то их прежние основы выражались только яснее и строже, не касаясь их сущности. Довольно немногих указаний, чтоб доказать это. Мы знаем, как в XVIII в. из поземельного прикрепления крестьян начинает выходить их личное прикрепление к землевладельцу. Эта перемена в положении крестьянства до Петра была лишь фактом, вынужденным экономическим состоянием страны. Закрепление этого факта требовалось с такою же силою экономическим положением государства и при Петре, и вот этот факт превратился в крепостное право. Далее, государственное развитие Древней Руси, постепенно стесняло право землевладения; по Уложению, это право в гражданском обществе ограничивается только служилым дворянским сословием. Владеть землей мог только тот, кто нёс государственную службу. Несмотря на большие перемены, произведённые Петром в землевладении, основной принцип Древней Руси остался тот же, но выразился только яснее. А при Петре право владеть землей приобреталось службой, **военной семилетней, гражданской десятилетней**, для купеческого сословия 15-летней. Старое землевладельческое начало, что источником нрава землевладения может быть только служба и, следовательно, государево жалование целиком перешло в законодательство Петра. Эти два примера заимствованы из области гражданского права; то же найдём в праве уголовном. Можно заметить в законодательстве Петра гуманные стремления, но они не выразились ни в одном указе.

Старинное средство взыскания долгов или недоимки по сбору податей, **правёж**, был сохранён в идее и лишь было ограничено его применение, и ограничено в фискальном интересе. Виноватых, преимущественно женщин, отсылали вместо правёжа на казённые фабрики и заводы на работу. Точно так же сохранено было следственное средство Древней Руси – как судебное средство – пытка, и даже указы Петра об уничтожении её в неважных случаях были оставлены без исполнения. Лишнее было бы говорить о праве государственном: оно осталось целиком в прежнем древнерусском виде и не потерпело никакого изменения. Есть одна любопытная черта в петровском законодательстве; в нововведении, по характеру и происхождению совершенно чуждому нашей истории, как будто невольно сказалось влияние древнерусского права. Что можно себе представить более чуждого и несродного древнерусским юридическим привычкам, как майорат; он был не только чужд нам по происхождению, но он был испорчен в применении, не понят. Петровский указ распространяется и на купеческое сословие, что лишало его всякого практического значения, я сказал бы, смысла, и однако ж в этом указе сохранена одна черта древнерусского права: всё недвижимое имущество умершего переходит к старшему сыну **или тому человеку, которого он выбирает и назначает себе в наследники**; здесь удержан основной обычай древнерусского права, предоставлявший полную волю завещателю располагать своим имуществом и назначать себе наследника. Такое же как бы бессознательное влияние древнерусского обычая сказывается в одном указе, касающемся государственного права. По смерти царевича Алексея издан был закон о престолонаследии. Это был первый закон, явившийся в нашем законодательстве об этом предмете. Но что устанавливает этот закон? – Он предоставляет исключительное право завещания престола царствующему государю, т.е. отвергает всякий определённый порядок престолонаследия; по содержанию своему этот закон чисто отрицательный, т.е. такой, каким закону не следует быть; в этом законе, следовательно, выразилось то же, что выразилось у Ивана III в

словах, произнесённых в минуту раздражения: «Разве я не волен в своём государстве? кому хочу, тому и отдам его». Между тем в пояснительной [записке], сопровождавшей этот закон, в написанном Феофаном Прокоповичем «Правде [воли монаршей]» впервые в нашей письменности высказалось понятие о государственном порядке. Так иногда инстинктивно сказывались в преобразованиях отзвуки понятий и обычаев Древней Руси. Наконец, попытайтесь вчитаться в указы Петра; они необыкновенно ясны и предусмотрительны в распоряжениях финансовых и экономических; здесь он развивает удивительную точность, предвидит все мелочи, отыскивает далекие средства для исполнения своих мер; самый язык необыкновенно сжат, ясен и резок. Совсем иным характером отличаются его распоряжения юридические; здесь он тёмен, сбивчив, не предусматривает самых простых случайностей и столкновений. Эти указы часто ставили исполнительные органы в чрезвычайное затруднение. Такое отношение Петровской реформы, как мы её определили, к Древней Руси. Я попытаюсь в немногих словах выразить её отношение к последующему времени. Наше время тоже пережило глубокий, крутой переворот; реформы его чрезвычайно разнообразны и необыкновенно глубоко захватывают жизнь; но как эти реформы ни разнообразны и ни многочисленны, кто даст себе труд разобрать составные элементы каждого из этих преобразований, тот найдёт в них одну из трёх следующих законодательных задач: каждая реформа или изменяет взаимные отношения лиц, или эмансипирует, уравнивает отношения общественных классов, или же, наконец, изменяет отношение всего общества к исполнительным органам государственного управления. Иначе говоря, все реформы нашего царствования носят на себе преимущественно государственно-юридический характер: вносят перемены в низшие сферы государственного устройства или в гражданское и уголовное право; и несравненно больше в гражданское и уголовное право, чем в государственное устройство. Если таков характер современных нам преобразований, если они преследуют преимущественно юридические цели, изменяют отношения лиц между собою и положение классов в государстве, то этим они резко отличаются от преобразовании Петра.

У них есть одна общая черта: и те и другие одинаково мало [затрагивали] политические преобразования, одинаково мало затрагивали государственное право, отношение верховной власти к народу; но резкое различие между ними лежит в их характере. Как бы мы ни преувеличивали значение и характер петровских преобразований, мы не можем закрыть от себя их истинною, и, по правде сказать, мещанского характера.

Мы видим две основные задачи в преобразованиях Петра. Первой задачей было улучшение вотчинного государственного управления старой Руси, усовершенствование административного механизма, исправление его отдельных колёс или сообщение им большей подвижности. Второй задачей было сообщить народу более средства воспользоваться богатством страны, дать ему больше и лучше орудия для извлечения этих богатств из обширной страны. При этом мы видим, что первая задача была второстепенной, служебной относительно второй. Всё остальное, забота и народном процветании, попытки распространить в обществе лучшие государственные и общественные понятия всё это делалось Петром мимоходом или имело характер вспомогательных средств для той же цели. Но основание государственного строя, на котором держались общественные отношения, и при Петре остались те же, какие были в старом вотчинном Московском государстве; они не только остались те же, но были изошрены, приведены в более строгую систему. Я не хочу указывать на это двойное отношение Петровской реформы к старому и последующему времени как на достоинство или недостаток; исторический ход событий помимо лиц указывает последовательную правильную программу, в силу которой для всего есть своё время.

Лекция 25-я

Происхождение преобразовательной программы Петра. – Внешние обстоятельства, изменившие основную программу реформы.

казав отношение реформы к Древней Руси и указав, как из этих реформ необходимо вытекали преобразования нашего времени, я попытаюсь обозначить происхождение преобразовательной программы Петра, т.е. не отдельные потребности случайные или временные, определившие те или другие приёмы преобразований, но их общий источник, из которого вышло основное стремление реформы, основной её характер. Основное стремление петровских преобразований целиком обязано было своим происхождением Древней Руси, мы видели, что сущность этой реформы – экономическая перемена государства и гораздо менее юридическая, и наконец, она совсем не политическая. Излагая ход развития Древней Руси, мы видели существенную черту, его характеризующую: Древняя Русь с особенным трудом вырабатывала право и более всего трудно было для неё развитие права государственного; факты государственной жизни всегда забежали вперёд понятий; старое Московское государство было готово вполне гораздо раньше, чем завершилось и выяснилось его государственное право. С другой стороны, удельное вотчинное и потом и государственное хозяйство Древней Руси составляло не только главное, но исключительное содержание внутренней государственной политики. Всё основание государственного строя, административный порядок, землевладение, государственное положение сословий служилого и податного, все эти глубочайшие основы государственного порядка, всё это целиком вышло из **государева хозяйства**. Старый двор московского государя был гораздо более самым крупным хозяйством Древней Руси, чем узлом и средоточием государственной жизни; государева казна была гораздо чаще привилегией, монопольным купцом, чем кассой государственных доходов для удовлетворения народных нужд или военных потребностей. Хозяйственные инстинкты – самая яркая характеристическая черта этих старых московских государей. Самый политический термин **государь** на древнем русском языке значит не что иное, как **хозяин**; следовательно, само слово **государство** было не что иное, как понятие **хозяйства**. Этот хозяйственный инстинкт унаследовал и Пётр, и он часто сказывается в его законодательстве. За порубку казённого заповедного леса, назначенного для флота, указ грозит часто смертью. За незаконную продажу крестьян в розницу никакой указ не грозит никакой карой. Это даже противоречило хозяйственной бережливости Петра, ибо нет сомнения, что податная душа на тогдашнем рынке стоила дороже прямой и высокой ели. Если бы половину усилий, какие были употреблены законодателем на сохранение строевого и корабельного леса или на введение лучшей выделки юфти, с помощью ворванного жира, а не дёгтя, если б половина этой энергии применена была к поддержанию статей Уложения Алексея о крестьянах, – то социальный порядок русского общества, вероятно, избавился бы от многих злоупотреблений. Таков был общий источник первоначальной основой преобразовательной программы Петра. Старая Русь развила и внушила Петру только хозяйственные инстинкты, которые и выразились в хозяйственной преобразовательной программе. Отсюда можно видеть, как ошибочно приводить слишком резкую межу между до и петровской Русью, они близки одна к другой не по размеру народного напряжения, не по внешним формам, не по явлениям, вспыхивавшим на поверхности жизни, а по внутреннему характеру, по внутренней исторической связи явлений. Отсюда вы можете видеть, как не точно определение этой реформы, когда её называют революцией; в ней нет существенных свойств государственного переворота, какие мы называем этим словом. Революция есть движение, поднятое для изменении существующего права и поднятое силой, на то неуполномоченной; Петровская реформа не изменила оснований существовавшего права, не выходила от

силы, не имевшей на то законного полномочия; это была техническая переделка государства, а не юридическая, и переделка, предпринятая уполномоченной законной властью.

Мои слова, верю, навели вас на мысль, что, однако же, эта основная программа реформы сильно изменилась в приложении; в действительности совокупность преобразований имела иной характер и размеры чем те, какие должны были отличать первоначальную задачу Петра. Что может быть проще экономических преобразований в государстве; сколько раз в разных странах подобные же перемены производились тихо и не сопровождались теми явлениями, какими ознаменовалось время Петра. Вследствие чего эта хозяйственная реформа получила такой резкий и сокрушительный характер и такие размеры, распространилась на другие, совсем не хозяйственные сферы жизни? Имея сначала скромную задачу, направленную на эксплуатацию страны, каким образом реформа сделалась внутренней государственной борьбой? Начатая и ведённая верховной властью, законной и привычной руководительницею народной жизни и начинательницей всех общественных перемен, каким образом эта реформа потеряла свой мирный хозяйственный характер и усвоила себе все приёмы насильственного переворота, все [известные?] качества государственной революции, ведённой так же, как обыкновенно ведётся революция – узурпацией? В этом вопросе заключается главный узел всех недоразумений, всех наших смутных представлений о петровском времени. Распутать этот узел можно лишь с помощью тщательного анализа хода и обстановки реформы, её главных деятелей и среды, в которой она действовала. Мне хотелось бы вести этот анализ осторожно и внимательно. Я начну с внешних обстоятельств, при которых начались и развивались эти преобразования. Эти внешние обстоятельства оказали могущественное и неблагоприятное влияние на ход реформы, её характер и успехи. С самого её начала почти до конца жизни Петра шли непрерывные внешние войны, никогда внутренняя деятельность правительства не была менее свободна, никогда управителю менее не были развязаны руки для внутренней политики. Мирным временем можно назвать лишь последние, немногие дни Петра, и когда он был во многом не похож на прежнего Петра. Эта внешняя обстановка реформы постоянно отвлекала Петра и правительственное внимание к границам; отсюда объясняются многие особенности, лёгшие на характер реформы, особенности, которые было бы несправедливо приписывать личным качествам преобразователя. Эти особенности все были недостатками и существенно изменили первоначальную программу реформы. Отсюда необходимо происходила торопливость преобразований, которая не давала возможности спокойно дожидаться медленного роста посева медленного развития преобразований; она заставляла правительство и самого преобразователя требовать от начинаний сейчас же их результатов, полных плодов; и когда результаты эти не являлись, заставляла принимать насильственные, искусственные средства для исполнения. Целый вихрь указов, следовавших непрерывно один за другим, обуревал исполнительные учреждения ежедневно, ежеминутно. Чтоб ускорить их исполнение, они выражались всегда в чрезвычайно требовательной форме, и эта требовательность нисколько не соразмерялась с удобоисполнимостью предписаний. Управитель одной казённой суконной фабрики обращался к Сенату с жалобой на плохой ход дел на заводе. Сенат роется в указах, не найдётся ли именного распоряжения царя о мануфактурах. Сенат не знал и не мог знать всего, что было издано о суконной мануфактуре, хотя он был поставлен главным исполнителем и блюстителем законов. Роясь в кипе указов, он вдруг открывает именное предписание Петра размножать суконные фабрики во многих местах так, чтоб впредь через пять лет не нуждаться более в привозном сукне. Срок давно вышел, а указ не был известен Сенату; ввоз сукна продолжается до конца жизни Петра. Или, например, февральское распоряжение 1700 г. предписывало боярам с дьяками составить новое Уложение, новый кодекс законов, в который должны были войти все правительственные указы, изданные после Уложения 1649 г. Эта кодификационная комиссия повела дела так, что понадобился целый ряд подтвердительных указов, которые не подействовали и должны были навести Петра на мысль о трудности этого дела. Кто же не знает, как трудно составить хороший кодекс законов; несмотря на это встре-

чаем декабрьский указ 1720 г., предписывающий Сенату составить новое Уложение и назначает срок 1 января 1721 г. до конца октября того же года. Работа, которую не могли совершить в целое столетие и которая кое-как была исполнена в 30-х годах нашего века, эта работа была заказана Сенату, заваленному другими делами, в 10 месяцев: разумеется, она не только не была исполнена, но и не была начата. Предвидя трудность исполнения указов, и не привыкши дожидаться их исполнения медленного и невозможного, Пётр развивает в указах чрезвычайную строгость наказаний за неисполнительность. Указ 1721 г. призвал всех дворян государства на смотр в Петербурге или Москве, смотря по месту жительства, для составления списков дворянских. В назначенный срок явились лишь немногие. Тогда 1 января 1722 г. является новое грозное распоряжение, в котором даётся последняя отсрочка явки до 31 января того же года. До большей части дворян этот указ не мог даже дойти в срок. За неисполнение указа грозило шельмование, т.е. лишение всех прав состояния и ссылка.

Разумеется, указ не был исполнен и ни на ком не было практиковано это правило. Угроза являлась необходимой прибавкой указа, чем-то вроде законодательной премии за риск. Никогда и нигде не встретим мы такой легкости расточать угрозы смертной казни, как в законодательстве Петра, хотя очень мало знаем примеров исполнения этих угроз. За порубку дуба – смертная казнь; за сплавку леса – тоже смертная казнь. Если бы собрать все эти указы и произвести строгое следствие по их исполнению, то половина народа оказалась бы подлежащей повешению. Вследствие той же поспешности распоряжения не всегда обдуманы практически, мы встречаем ряд указов, неисполнимость которых поражает нас с первого взгляда; в самих распоряжениях, в разных указах являются часто противоречия. Например, в 1722 г. издана была инструкция для вновь учреждённой должности генерал-прокурора. Генерал-прокурор – представитель государя в Сенате. Он смотрит за точным исполнением законов и предупреждает уклонения Сената от законного порядка при ведении дел. В этой инструкции определяется и наказание прокурору за преступление на службе. В одном, именно 11-м, параграфе этой инструкции за умышленное отступление от своей службы и генерал-прокурору определяется наказание «яко преступнику и явному разорителю государства». В другом общем указе того же времени **разорителю государства** полагалась смертная казнь, потому что, говорит законодательство, «нарушение указа от измены не отличается ничем – и даже хуже явной измены». Следовательно, генерал-прокурор за умышленное отступление от службы в силу такого закона должен подвергаться смертной казни. Во втором параграфе этой же инструкции читаем, что за нарушение должности по какой-нибудь страсти, т.е. неумышленное, генерал-прокурору налагать наказание, смотря по важности дела, следовательно, оно не всегда должно было сопровождаться смертной казнью. Иногда закон или инструкция составлялась так торопливо, что в первую же минуту своего действия должен был потерять свою силу. В тот же 1722 г. учреждена была должность обер-прокурора при Синоде, обязанность его была та же, как и обязанность генерал-прокурора при Сенате. Оба эти сановника ставятся в одинаковое положение и друг от друга независимы; один стоит во главе администрации гражданской, другой – во главе церковной. У каждого из них свои исполнительные органы, подчинённые чиновники. У генерал-прокурора – обер-прокуроры и фискалы; у обер-прокурора Синода – свои инквизиторы. Между обоими ведомствами нет никакой подчиненности. Издаются инструкции обер-прокурору: в одной читаем, что прокуроры и фискалы не имеют никакого отношения к синодскому обер-прокурору; в другой – что они во всём относятся к синодскому обер-прокурору, который сам приглашает их на суд и судит их. Отчего происходило это противоречие в сопоставленных инструкциях? – Чиновнику Сената нелепо было составить инструкцию и подать её на утверждение; он взял её, «генерал-прокурора» зачеркнул, а вместо поставил «обер-прокурор», зачеркнул слово «Сенат» и заменил его «Синодом», и такую инструкцию представил на высочайшее утверждение. Жаль, что я не могу сказать, была ли эта инструкция подписана Петром; но что она действовала, видно из того, что Сенат обратился к Синоду за объяснением.

Благодаря этой торопливости у Петра образовалась привычка, лишь только явится правительственная потребность, мало обдумав, бросали указ о новом учреждении, но в котором даже не объяснялось содержание нового учреждения или новой должности. Потом, разумеется, от этого происходила путаница, затруднение, жалобы исполнительных органов, и тогда начинали эти распоряжения дополнять, переделывать, исправлять, хотя, обдумав более указ при издании, можно было избежать всех затруднений и несчастий, происшедших от неполноты и неточности указа.

Но кроме этих административных затруднений, лежавших бременем на управителях, из этой торопливости выходило большое зло: привычка встречать неясные и неудобноисполнимые указы сильно роняла авторитет законодательства. Повторяю, что я не приписываю личным качествам Петра этот недостаток его законодательства, источник его лежит во внешней обстановке, при которой происходила реформа. Отсюда же происходил и другой недостаток законодательства – его непоследовательность; административные, социальные и хозяйственные преобразования Петра не вышли вдруг из одной основной мысли; они являлись постепенно, без системы и порядка, по мере того, как их вызывали возникавшие потребности и нужды. Вот почему как бы вы ни сопоставляли указы Петра, вы не найдете в них никакой взаимной связи, никакого последовательного развития одного общего задуманного плана. Этот план стал выясняться самому преобразователю лишь к концу его деятельности – тогда он сам сознал всю непоследовательность и случайность своих отдельных распоряжений. По своему обычаю всегда прямо признаваться в ошибках, в одном из своих указов последних лет он прямо признался в беспорядочности своих преобразовательных распоряжений к в необходимости привести их к единству, в стройную систему. Эта случайность, непоследовательность распоряжений объясняет вам хаотическое состояние государственного управления в то время; одновременно в различных сферах администрации вы встретите различные системы и начала. Сперва преобразуется областное устройство на началах самоуправления; центральное устройство остается прежним, основанным на старой централизации; далее преобразуются центральные учреждения на начале коллегиальном; но низшие областные учреждения остаются чуждыми этому началу. В областном управлении были разделены ведомства судебное от административного; в учреждениях центральных эти два ведомства, власть судебная и административная были совершенно слитны и никогда не разделялись. К концу жизни Петра были уничтожены провинциальные суды и судебная власть по-прежнему была отдана воеводам; но в губернских городах уцелели надворные суды, тогда как этого разделения не существовало ни снизу, ни сверху. Эта хаотичность, в какой застаем администрацию в разные эпохи преобразования, объясняется непоследовательностью и случайностью отдельных мер. Наконец, та же внешняя обстановка сделала существенное изменение в первоначальной преобразовательной программе, отклонение, которое я укажу в немногих словах. Мы видели, что основная цель преобразований была чисто экономическая, – развитие народного труда, эксплуатация естественных богатств страны; эта цель вела к экономическому обогащению народа, но она преследовалась законодательством среди военного шума, среди настоящего напряжения народного труда на военные издержки, вследствие чего постепенно экономический характер реформы переменялся в финансовый: вместо разработки естественных богатств страны и обогащения народа на первый план становятся интересы казны, обогащение казначейства. Этот фискальный характер преобразований, на который часто указывают, я также приписываю не первоначальной основной мысли Петра, а внешним обстоятельствам, среди которых он был поставлен.

Лекция 26-я

**Влияние самого общества на реформу. Состав и характер этого общества. Нравы его.
– Общее значение Петровской реформы. Сближение с Западом. Где в половине
XVII в. становится на главном плане техническая выработка государства.**

Адо указать ещё на одну сторону петровских преобразований, объясняющую их характер. Этой стороной было само общество, изданное преобразователем, главные деятели реформы. Около Петра создавался круг людей, по своему характеру и составу очень мало похожих на высшее правительственное общество старой Руси. В этом кругу было немного представителей старинной русской знати. Это был какой-нибудь фельдмаршал Шереметев или другой фельдмаршал, кн. М.М. Голицын с братом, сенатором Д.М. Голицыным. Гораздо больше было в этом обществе людей, принадлежавших к средним чинам Древней Руси: Апраксин, Головин. Пётр Андреевич Толстой, все кто были средние дворяне Московского царства; рядом с ними и очень много стоит людей, взятых снизу служилого класса и даже иных национальностей; <...>. Светлейший князь Меншиков вышел снизу служилого класса; [граф] Ягужинский, генерал-прокурор Сената, был сын лютеранского кистера; Остерман, сын священника из Вестфалии, барон и вице-канцлер Шафиров был взят из подьячих посольского приказа – он по происхождению еврей; его отец торговал в лавочке в Москве. Между тем все эти люди, взятые снизу, стали наверху, им принадлежит самое видное место, самое большое влияние на ход преобразований. Понятно, что они должны были придать свой особенный характер реформе, характер, определивший <...>.

В большинстве они были копиями своего вождя, это были люди вообще деловые, они вступали в деятельность без всякой подготовки, учились делу, принимаясь за него. Все они вышли мастерами чего-нибудь. специалистами в каком-нибудь мастерстве. Большею частью эти мастера были очень далеки от управления, – преимущественно это были корабельщики, плотники, военные люди. они подражали своему руководителю, усваивали себе его дух и манеру. Из такого делового характера этих людей объясняется много в их деятельности и в судьбе их реформы, они были отражением приемов и привычек преобразователя. О характере Петра говорить не буду; но он был мастером во всём, или лучше сказать, мастеровым, он любил преимущественно детальную работу, предпочитая её целому. Во всей его государственной деятельности высказывается <...>

На отношения к подданным он переносил взгляд, с каким привык относиться к корабельному мастерству или <...>

Таким же характером отличалась и деятельность его сподвижников; отсюда происходят некоторые особенности реформы, так часто встречаемое предпочтение отдельных мелочей и подробностей пред цельностью плана. Отдельные меры, отдельные мелкие черты обсуждались иногда гораздо тщательнее, чем общий план.

Всякий отдельный указ Петра несравненно лучше отличался большей определенностью, чем совокупность указов. Отсюда бессвязный характер реформы. Когда предпочитают подробности общей связи, тогда неизбежным последствием является предпочтение известных мелочей перед другими. Другим необходимым последствием этой детальности работы было то, что упускался из виду общий план; являлось желание делать на показ; это стремление при Петре имело очень большое развитие. Петра особенно огорчало известие русского резидента при иностранном дворе, что <...> в Стокгольме появились купцы с длинными бородами, над которыми все смеются, что эти торговцы ведут себя нехорошо в чужой столице, располагаются на улице, чтобы варить себе пищу. Иногда довольствовались лишь внешним улучшением, забывая о внутренних поправках и последствиях. При этом становится понятна чрезвычайная заботливость о распространении добрых мнений за границей о ходе дел в России. Ничем нельзя было столько польстить Пет-

ру, как сказать, что в Европе все славят положение России и ход преобразований в ней. Никакая перспектива не обольщала так взглядов Петра, как надежда на влияние за границей. Это стало особенно заметно в конце царствования. Всеми этими недостатками, источник которых в характере, образовании самих деятелей реформы – объясняется, с другой стороны, и то влияние, какое оказали внешние обстоятельства на ход реформы. Мы видели, что эти обстоятельства мешали спокойному ходу реформы, она в соединении с привычкой останавливаться на подробностях постоянно отвлекали программу реформы от первоначальной цели. Мы видели, в чём состояли эти отклонения. В последние годы мы как будто не встречаем ни в Петре, ни в его сотрудниках мысли о первоначальной программе реформ: они видят свою задачу лишь в том, что может служить внешним второстепенным средством для достижения этой цели. Может быть вам известен анекдот Татищева, который может служить тому доказательством: один из приближенных Петра, Мушин-Пушкин, заговорил однажды во время пирушки очень дурно о царе Алексее, сравнивая его с Петром; царь осердился и сказал, что эта льстивая хвала ему на счёт отца для него хуже брани. Встав из-за стола и остановившись за спиною известного кн. Якова Долгорукого, Пётр обратился к нему с такими словами: «Ты, князь, бранишь меня хуже других и так тяжко обижаешь спором, что часто не могу стерпеть, а когда подумаешь, что вижу, что любишь ты государство и правду, за то внутренне благодарен тебе, а теперь прошу нелицемерно сказать о делах отца и о моих». – Долгорукий, подумав, сказал, что «три главных обязанности у государя: первая и главная обязанность есть правосудие; в этом отец твой больше тебя сделал; вторая – устроить военные силы; царь Алексей большую славу приобрёл и том деле; он показал тебе путь устройством регулярного войска, но после него бессмысленные люди разорили это, но ты всё исправил и в лучшее состояние привел; третья обязанность состоит в устройстве флота, в союзах с иностранными государствами, – в этом ты больше государству пользы, а себе чести приобрел, чем отец твой – я думаю, что и сам ты это за правду примешь» – Царь поцеловал князя и ответил ему текстом Св. писания: «Рабе верный, в малом ты был верей, над многим тя поставлю» – значит вполне согласился с Долгоруким. Значит, и Пётр и его сотрудники сознавали, что главное дело их заключалось в устройстве флота и во внешней дипломатической постановке России. Любопытны права в этом обществе реформаторов; они также оказали могущественное влияние на её успехи. Об этом можно говорить много, приводя любопытные черты из современников; я ограничусь лишь немногими чертами. Почти все деятели преобразований известны каким-нибудь государственным преступлением. Я не знаю ни одного сотрудника Петра, на которого не жаловались бы за взяточничество и казнокрадство; за многими водились даже дела более серьёзного свойства. Вглядываясь в их физиономии под французским париком и кафтаном иногда заметим очень спокойного преступника; наверху стоит первый и самый приближённый к царю кн. Меншиков, известный воровством казённых денег, достигшим огромных размеров – в конце царствования на него насчитывали с лишком миллион; половину этих денег царь простил ему. Известны слова, в которых Пётр характеризовал правительственную деятельность своего любимца, когда императрица ходатайствовала за него по случаю какого-то проступка: «В беззакониях он зачат, в грехах родила его мать и в плутовстве кончит он жизнь свою, и если не исправится, быть ему без головы». – В числе искусных дельцов времени был известный граф Толстой (Пётр Андреевич), который, будучи посланником в Константинополе, энергической мерой избавился от секретаря, известившего в Петербурге об утайке посланником казённых денег. Толстой собрал улики и обвинил секретаря в том, что он сообщает вести визирю, собственною властью приговорил его к смерти, дал ему чашку кофе, после которой тот помер. Самая близость к Петру стоила ему до 90 000 руб., выплаченных Меншикову. Подобных рассказов можно найти много в своих и чужих современных записках. Я не говорю о нравах этих людей, а об общем тоне и, нравственном развитии, отмечавшем петровское деловое общество. Все, от руководителя до последнего делового человека в этом отношении отличалось одинаковым характером. Я не могу думать,

чтоб дипломаты европейские XVIII в. отличались особенной тонкостью нравственного чувства; но они приходили в ужас от грубости, господствовавшей в петровском придворном обществе. Например, Пётр очень любил видеть пьяных женщин; это было одним из больших его удовольствий, при дворе Екатерины во время торжественных столов был особенный чин, и дама, занимавшая эту должность, старалась особенно напоить своих собеседников; и когда дамы приходили в особенно оживленное расположение духа, в комнату входил Пётр.

Однажды дочь барона Шафирова, будучи маленькой девочкой, была сильно побита Петром за то, что отказалась пить бокал, в котором кроме вина была какая-то отвратительная жидкость.

Эти нравы, этот образ жизни деятелей преобразования важен для нас не по отношению к ним и их частной жизни, [а потому, что] по этим нравам во многом определилась судьба реформы, именно её отношение к народу. С первого времени она мало имела авторитета в массах. Руководители вышли из обычной колеи; народ не мог себе объяснить характера и образа мыслей преобразователя; он представлялся совсем не похожим на старых царей; в нём видели поступки, по понятиям народа, непримиримые с достоинством царя. Если вы обратите внимание на умственное и нравственное развитие русского общества в конце XVII в., вы поймете, что даже полезные меры Петра теряли свою цену в глазах народа, не находили сочувствия, потому что исходили от людей, к которым он не мог относиться с уважением. Здесь нужно бы войти в разбор отзывов и мнений, раздававшихся в массе о петровских преобразованиях. Эти мнения представляют очень много любопытных черт; они объясняют, каким образом развился тот странный антагонизм к преобразованиям, который замечен в народной массе.

Но отношение народа к реформе я опускаю тоже. Этот антагонизм к реформе вызвал другую черту, совсем не входившую в программу реформы или не соответствовавшую её первоначальной цели: антипатия со стороны массы вызывала раздражение и насильственность со стороны правительства. Вот источник тех революционных приёмов и насильственных действий без оглядки, к каким прибегал Пётр при осуществлении своих отдельных мер. Это объясняет, почему Пётр иногда придавал важность мерам, не имевшим особенного значения, вот почему так долго и усиленно правительство боролось против бороды, русского платья и проч. подобного вздора. Пётр не имел никакой антипатии к народу. Это мнение выдуманно иностранцами.

Я расскажу вам один из многочисленных анекдотов, который заслуживает более доверия, рассказанный Неплюевым в его записках. Как известно, в работе Пётр очень просто обходился со всеми: откинув всякий придворный церемониал, он смотрел на сотрудников даже низшего чина как на товарищей. Молодой Неплюев был приставлен к корабельной работе, на которую являлся сам Пётр; раз офицер опоздал явиться к делу вовремя и когда пришёл, уже застал здесь царя. Он ждал себе верной беды, когда царь сказал: «А я давно здесь!» Когда царь взял его за плечи, Неплюев ожидал, что случится что-нибудь особенно горькое, но несмотря на это объяснил искренно причину своей вины, сказав, что накануне был в гостях у товарища и проспал. Пётр похвалил его за правду и сказал: «Кто бабке не внук?» – По окончании работы царь взял офицера с собой на крестины к плотнику, обдарил родильницу и принял от хозяина поднесённую водку, выпив водки, он отломил собственными руками кусок пирога с морковью и закусил; затем поднёс рюмку сроду непившему офицеру, Неплюев отказался. Царь велел ему выпить, чтоб не обидеть хозяина, и пирога поднёс ему, говоря: «Ведь это родная, а не какая-нибудь итальянская пицца, съешь-ка!» Но в борьбе, видя в подробностях национального костюма или в бороде знамя, за которым скрывалась вражда, Пётр преследовал эти мелочи с усиленным достойным других, более важных предметов.

Этим я закончу обзор сторон преобразования наиболее характеристичных и попытаюсь в нескольких словах выразить их общее значение.

Две совершенно различные, даже противоположные особенности лежат на преобразовательной деятельности Петра. Её обыкновенно называют преобразованием государства, и это верно вполне, потому что из неё вышла в сущности лишь техническая выработка государственных форм. Но реформа имела и другую цель, – гораздо в меньшей степени ею достигнутую. Мы знаем, что Пётр хотел дать лучшую организацию народному труду и усилить разработку производительных средств страны, разработку её естественных богатств. Мы знаем также, что первая половина задачи служила лишь главным вспомогательным средством для второй. Но из преобразований вышло не совсем то, что предполагалось преобразователем, к чему он первоначально стремился. Он хотел усилить разработку производительных средств страны и для того старался улучшить устройство и действие правительственной машины, а вышло так, что он главным образом изменил строй государственной машины и для этого старался развить производительную силу страны. Это развитие производительной силы страны обратилось собственно в эксплуатацию народного труда. По своей задаче деятельность преобразователя стремилась стать **государственно-экономической**, а на самом деле она вышла лишь **государственно-технической**. Надобно объяснить это несоответствие результатов реформы с её задачей. В этом объяснении я вижу главную сущность реформы, исторический смысл ее появления. Я начну это объяснение несколько издалека; при этом я в первый и последний раз выйду из узкой сферы русской жизни и напомним вам некоторые европейские события.

Вы так часто читали и слышали, что деятельность Петра имеет всемирно-историческое значение, что он принадлежит к мировым деятелям, что задачей его было свести Россию с узкой колеи замкнутой национальной жизни и приобщить ее к общеевропейской жизни, связать её с торжественным ходом. Я, признаюсь, мало понимаю эти громкие слова, но насколько их понимаю, я думаю, что они <...>.

Как всем известно, существующие государства основаны на национальностях; это не значит, что каждое из них состоит из одной народности и что основанием их была одна главная народность, к которой прицеплялись чужеродные обрывки разнородных элементов. Когда сложились эти национальные государства, иначе говоря, когда эти народности получили в Европе политическое значение? В средние века не встречаем политических национальностей.